

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№4 АПРЕЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2015

О жизни и творчестве художника Михаила Нестерова
и скульптора Веры Мухиной читайте на стр. 66

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Тот самый Чайковский** 4

Рассказ

Екатерина Осорина **Чувство поезда** 24

Лонни Лиз **Легкие деньги** 118

Год литературы

Алла Зубкова **Потомок князя Кулунчака** 36

Денис Логинов **Как выплавлялась сталь** 82

Наши публикации

Аркадий Аверченко **В дни Содома и Гоморры** 59

Шедевры

Ирина Опимах **Михаил Нестеров:
портрет Веры Мухиной** 66

Рандеву

Елена Воробьева **Алла Юганова: «Я до сих пор
люблю сказки и верю в чудо...»** 76

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Женское лицо войны** 102

Замечательные современники

Андрей Колобаев **Максим Дунаевский:
«Я называю себя везучим...»** 130

Поэзия

Виктор Кметь **Стихи** 145

Острсюжетная повесть

Наталия Солдатова **Я падаю...** 148

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

«Золотой закат»
фотоэтиюд Александра Комарова

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуевская, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 8300 экз.

Зак. №1463

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.03.2015

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Русских эмигрантов его книги удивляли своей отдаленностью от литературных традиций, и его обвиняли в нарочитой «нерусскости». В пуританской Америке он сумел опубликовать свой роман «Лолита», который шокировал и одновременно покорило буквально всех. Их безвестного преподавателя провинциального колледжа Владимир Набоков мгновенно превратился в живого классика и чуть не получил Нобелевскую премию, которая досталась тогда Александру Солженицыну.

Денис **Логинов** «Отец Лолиты»

«Заменивший собой ставленников Троцкого, а позднее и самого вождя РККА в военном руководстве, М.В.Фрунзе, тем не менее, не являлся членом сталинской группировки. Он оставался независимым и обладал определенным авторитетом в войсках, что, естественно, не могло устраивать партийную верхушку. Для окружающих же он оставался самой загадочной и необычной фигурой в этих партийных верхах. Таким Фрунзе и вошел в историю.

Светлана **Бестужева-Лада** «Легендарный командарм»

«Смена» может гордиться своим соучастием в становлении писателя-«нобелевца» Михаила Шолохова. Именно в ней в 1925 году появился рассказ «Коловерть», а еще через год — «Червоточина». Сегодня же, почти через 90 лет, мы решили обнародовать то, что не вошло в собрание сочинений классика, и рассказать кое-что неизвестное из его творческой биографии.

Валентин **Осипов** «Не удивляйтесь — это Михаил Шолохов!»

«Бесшабашный, легкий, страстный, открытый и искренний... Казалось бы, еще совсем недавно он стойко ассоциировался с образом обаяшки-блондина, романтика с гитарой, героя-любownika и красавца-гардемарина. Как же быстро летит время! Конечно, он по-прежнему всеобщий народный любимец, но столько всего сделано за эти годы! Народный артист Дмитрий Харатьян сам как-то признался, что «все в его жизни идет правильно и по «нарастающей» — и с этим трудно поспорить...»

Беседу с актером провел Андрей **Колобаев**

«Сегодня ее если и вспоминают, то только как «соперницу» Коко Шанель. Между тем, в 30-е годы она была более известна, чем ее извечная конкурентка. Она сотрудничала с Жаном Кокто, Сальвадором Дали, Мэй Уэст и другими талантливыми людьми своего времени. Именно благодаря ей появились многие вещи, без которых немислима современная жизнь. А вот саму ее — Эльзу Скьяпарелли — уже почти никто не помнит....»

Евгения **Гордиенко** «Сюрреализм и мода»

«Окончание остросюжетной повести Наталии **Солдатовой** «Я падаю...»

Юрий Осипов

---

*К 175-летию
со дня рождения П.И. Чайковского*

Тот самый Чайковский

Приписанный к дворянству горный инженер Илья Петрович Чайковский в молодости играл на флейте, но потом совершенно забросил это занятие. Рано овдовев, он в 40 лет по-

сватался к дочери таможенного чиновника из французских эмигрантов Александре Андреевне Ассиер, которая была вдвое моложе его. Это был брак по любви, поскольку ни

родовитостью, ни богатством невеста его прельстить не могла. Зато отличалась стройностью, удивительно красивыми руками и хорошо пела модные романсы, о которых после замужества ей пришлось забыть.

Благодушный и рассудительный Илья Петрович в 1837 году стал директором Камско-Воткинского завода на Урале, и через год у супругов пошли дети. Близнецы Николай и Модест, спустя два года — Петр (7 мая), за ним, по очереди, — Александра и Ипполит.

Однажды пятилетний Петруша услышал в гостиной надтреснутые звуки старой оркестрины, механического органа, вывезенного Ильей Петровичем из Петербурга. То была ария Церлины из оперы Моцарта «Дон Жуан». Для мальчика это стало ни с чем не сравнимым потрясением на всю жизнь!

В органчике было довольно много валов, на которых хрипло звучали отрывки из опер Россини, Беллини, Доницетти, вызывавшие в ребенке необычайный восторг. Его уводили наверх, но он и там продолжал слушать «в уме» исчезнувшую мелодию, перебирая пальцами в воздухе и ничего не видя вокруг себя. Мать первая обратила внимание на особую тягу к музыке у сына и как-то подвела его к роялю, наиграла ему гамму и положила его руки на клавиши. Он быстро подобрал мотив «Церлины». Все ахнули — у ребенка явно был абсолютный музыкальный слух.

Когда его отрывали от рояля, он продолжал барабанить пальцами по столу, дивану, оконному стеклу и

как-то разбил окошко, порезав руку до крови. «О, эта музыка, эта музыка! — кричал он, всхлипывая в темноте спальни и хватаясь за голову. — Она у меня здесь, здесь! Она не дает мне покоя!»

Осенью 1848 года безмятежной воткинской жизни пришел конец. Илья Петрович вышел в отставку, и семья переехала в Петербург, где вскоре умерла от холеры Александра Андреевна. До этого Петр с близнецами успели отучиться в частном пансионе Шмеллинга.

Теперь родные стали уже опасаться пристрастия Пети к музыке, тревожась за его будущность, и он потихоньку наигрывал для себя, в минуты, когда ему было особенно одиноко и грустно. Николая, по стопам отца, определили в Горный институт, а Петра — в новое Училище правоведения. Он учился прилежно, но без души, словно механически. Со сверстниками у него не завязывались длительные отношения, учеников, как и учителей, тихий мечтательный мальчик, метко прозванный их бывшей французской гувернанткой «стеклянным», скорее побаивался и сторонился. Пока в их классе не появился блестящий Алексей (Леля) Апухтин.

Юному поэту прочили большое будущее, за ним уже ходили восторженные поклонницы. В жизни Апухтина все было открыто, ясно, определено наперед. У Чайковского же, напротив, — все зыбко, смутно, непонятно. Однако же две эти противоположности сошлись в крепкой многолетней дружбе. Леля сразу взял

на себя роль наставника. Годы спустя достигнув своего негромкого творческого предела, Апухтин по привычке будет пытаться все так же наставлять послушно внимающего ему Чайковского, чье громадное дарование только начинало свой безостановочный рост.

В училище Чайковский казался рядом с Апухтиным мальчиком средних способностей, привлекавшим какой-то безобидностью. Его не сажали в карцер, не пороли, он числился во втором десятке по успеваемости — милостивый и добродушный, с негибачаемым тайным стержнем внутри.

пую сквозь наброшенное на клавиши полотенце. Трюки эти особенно нравились барышням. Чутье ученика по части гармонии несколько даже удивило педагога. Благодаря Кюндингеру его послушный ученик познакомился с современной инструментальной музыкой Запада, которую они проигрывали в четыре руки.

Занятия неожиданно пришлось прекратить из-за постигшей семью катастрофы — Илья Петрович разорился в сомнительных финансовых предприятиях и вынужден был искать службу, получив в память о прежних заслугах место директора

З

Занятия с учителем Кюндингером неожиданно пришлось прекратить из-за постигшей семью катастрофы — Илья Петрович разорился и вынужден был искать службу. На его вопрос педагогу, обнаружился ли у сына музыкальный талант, Кюндингер уверенно ответил: «Нет. Музыкального таланта у Чайковского не обнаружилось»

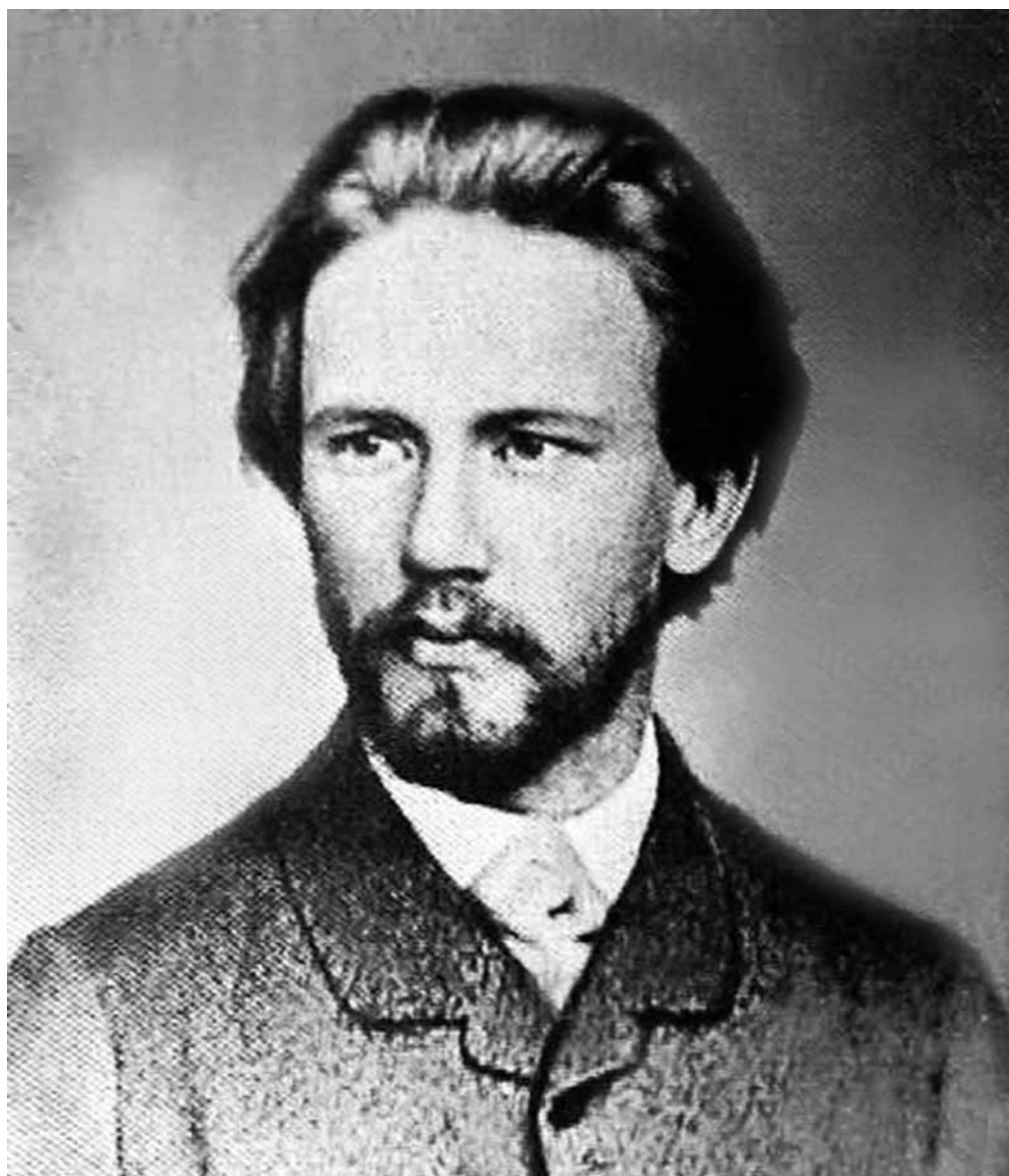

Илья Петрович, между тем, решил все же пригласить к сыну давать уроки музыки по воскресеньям молодого заезжего пианиста Рудольфа Кюндингера, дабы тот определил, есть ли у Петруши талант. В 1855 году начались их занятия. Кюндингер перевидал на частных уроках в Петербурге немало, но у Чайковских ему платили исправно, в доме хватало симпатичных барышень, и после занятий он не спешил уходить. Пианист обучил Петю разным музыкальным трюкам, например, игре всле-

Технологического института. На его вопрос педагогу, обнаружился ли у сына музыкальный талант, Кюндингер уверенно ответил: «Нет. Музыкального таланта у Чайковского не обнаружилось».

В мае 1859 года будущий композитор окончил училище и поступил на службу в 1-й департамент Министерства юстиции. Он исправно тянул скучную лямку, являвшуюся для других выпускников началом вожделенной карьеры, был неутомим

в затеях, сдружился с роем апухтинских поклонниц, но тяги к этим милым порхающим существам в себе не обнаруживал. Любовное увлечение казалось ему игрой, не стоящей свеч, и уже через год он почувствовал полное равнодушие к женскому полу. Книги и опера — вот его подлинные страсти того периода. Чайковский наизусть знал весь репертуар Мариинского театра, в спорах с друзьями-меломанами бросался на защиту Моцарта или Глинки и в сентябре 1861 года стал уча-

щимся Музыкальных классов, только что открытых в Петербурге.

Они предшествовали первой в России консерватории, которую, не обращая внимания на недоверие и насмешки, готовился создать «лев музыки», виртуозный пианист и известный композитор Антон Рубинштейн. Уроки начинались в восемь утра. Чайковский одевался при свечах, глотал чай с булкой и бежал по слякоти от Технологического на угол Мойки и Денежного переулка. В классах топили не каждый день,

а когда топили, дым застилал глаза, и от угара болела голова. После уроков надо было торопиться в департамент, где его упорно обходили при каждом повышении. Вечерами, забыв про балы, Петр сидел дома за заданиями по композиции от непрекаемого профессора Зарембы, а перед сном занимался с младшими братьями и играл с отцом в карты.

Санкт-Петербургская консерватория, открывшаяся в 1862 году, на первых порах мало чем отличалась от Музыкальных классов, из которых вышла. Только ко второму году существования она стала походить на европейское учебное заведение. Чайковский занимался прилежно, по-прежнему одолевая технические трудности фортепьяно, внимал каждому слову Антона Григорьевича, к которому поступил в класс, но продолжал терзаться сомнениями. В душе он решил к лету бросить службу в департаменте, отнимавшую добрую половину дня. Новый консерваторский товарищ Герман Ларош посоветовал искать платные уроки.

К началу второго года обучения у Чайковского было на 50 рублей в месяц уроков. Он уже больше не являлся чиновником, отчисление от штатного места произошло легко — неприметный коллежский асессор просто перестал ходить на службу. Денежные дела отца все ухудшались, и надежд на его поддержку не оставалось. Петр Ильич пешком бегал по урокам из Коломны на Охту. Некогда щегольские сюртуки истрепались, некоторые прежние знакомые перестали узнавать его при

встрече. Впрочем, узнать его теперь было не просто — он отрастил длинные волосы, стал носить широкополую шляпу.

Антон Григорьевич лекторским талантом не обладал и предпочитал, размяв на клавишах рояля «царственные лапы», иллюстрировать учащимся темы занятий. Потом давал «сочинителям» задания: к субботе написать квартет, ко вторнику — увертюру. Чайковский просиживал ночи над партитурами, приносил в класс нотные листы с еще непросохшими чернилами и слышал от Рубинштейна, пробовавшего на рояле несколько тактов: «Никуда не годится!» В наказание тот заказывал инструментовать какую-нибудь сонату Бетховена четыремя разными способами, да еще прибавлял язвительно: «И, пожалуйста, без английского рожка! У вас и так всегда шуму много!» А уж если ему что-то нравилось, мог так хватить кулаком по спине, что ноги подгибались.

Чайковский сохранял свое обаяние, приветливость со всеми. И в то же время на лице его появилось выражение некоего пренебрежения к окружающим, возникшее, видимо, от уверенности в собственном призвании. И все же в те важнейшие для него годы он научился терпимости. Со смирением слушал, опустив голову, как Рубинштейн распекал его «фундаментальное» летнее сочинение — увертюру к драме Островского «Гроза». С тем же смирением принял удачу «Танцев сенных девушек», которыми дирижировал в Павловске Иоганн Штраус. Это был пер-

вый успех, пусть и промелькнувший мимо внимания съехавшейся на Штрауса публики. Появились, впрочем, два бранных отзыва в печати. А затем он лично дирижировал в Михайловском замке своей увертюрой в исполнении консерваторского оркестра. К Новому году ему предстоял выпуск...

Лето перед выпуском Петр Ильич провел у сестры. Александра вышла замуж за сына декабриста Давыдова и жила в его имении Каменка, связанном с именами Пушкина и руководителей Тайного общества. Вернувшись, начинающий композитор засел за дипломное сочинение в пустой квартире уехавшего в Москву Апухтина. Двери затворил для всех, питался в копеечной кухмистерской. Денег не было, копились долги, работа продвигалась туго. Мелькнула даже мысль вернуться в департамент. Кто-то из знакомых предложил ему место надзирателя за свежей провизией на Сенном рынке...

И тут в столицу нагрянул младший брат Антона Григорьевича Рубинштейна Николай, которого величали «московским гением». Прекрасный пианист, дирижер, педагог, прирожденный администратор, бурная, мятущаяся натура, человек богемной жизни, опутанный любовными романами, он, по примеру своего брата, собирался открыть в Первопрестольной свои Музыкальные классы и приехал просить для них преподавателей. Брат особо нежных чувств к нагонявшему его популярностью младшему не испытывал, но девать-

ся было некуда, и он назвал Николаю Григорьевичу Чайковского, трудившегося в поте лица над выпускной кантатой. Антон Григорьевич и сам не понимал, почему выбрал Чайковского. Возможно, в глубине души шевельнулась мысль о грядущем сопернике, которого лучше спровадить.

Петр Ильич с опаской принял лестное предложение. Ему были обещаны 50 рублей в месяц — не нищета, конечно, но бедность. Чужой город, чужие люди, разлука с братьями... Однако надо же когда-то начинать самостоятельную жизнь. Его кантату на гимн «К радости» Шиллера с воодушевлением исполнили на выпускном акте, и автор удостоился Серебряной медали. На видных петербургских музыкантов и критиков кантата эта, тем не менее, не произвела никакого впечатления. Антон Григорьевич даже поморщился, читая ее.

5 января 1866 года новоиспеченный профессор теории музыки уезжал в Москву, где его ждал совсем другой прием. Николай Григорьевич обласкал Чайковского, поселил у себя в доме и взял над ним шефство, одевая, обувая, возя по лучшим ресторанам и вводя в великосветские салоны. Он был всего на пять лет старше своего подопечного, но пользовался в музыкальных кругах Москвы непререкаемым авторитетом и добился вскоре превращения Классов в консерваторию, куда перешел преподавать Чайковский.

Чтобы снять отдельную квартиру, Петру Ильичу не хватало ни денег, ни смелости. Он теперь имел

*Петр Ильич
с женой*

репутацию недурно сочиняющего консерваторского профессора, несмотря на то, что Николай Григорьевич, подобно брату, относился к этим его «шалостям» свысока, мало где бывал, делая исключение только для спектаклей по пьесам Островского в Малом театре и концертов своего опекуна. В работе у него в тот период было несколько вещей. Он мечтал об опере. На концерте в Благородном собрании прозвучала написанная им летом увертюра, орке-

стром, без особого энтузиазма, дирижировал Николай Рубинштейн. Москва впервые услышала Чайковского, но имя его даже не упоминалось в печати. А еще он писал симфонию. Медленно, мучительно трудно набирая высоту, которая была уже совершенно недоступна его бывшим петербургским однокашникам.

Вместе с Первой симфонией опера «Воевода» вывела Чайковского на путь постепенного признания. Отрывки из этих произведений начали

исполняться и получили снисходительное одобрение знатоков. Поступило предложение издать аранжировки симфонии. В сезон гастролей Берлиоза и итальянской оперы Чайковского буквально заставили дирижировать «Танцами» из «Воеводы». Публика вызывала его на «бис»...

Он хотел вырваться — все равно куда — на свободу! И писать, писать, оплакивая себя, прошедшую молодость, загадочность и жестокость жизни. Внезапно квартет, созданный для весеннего концерта 1871 года, приблизил его к заветной цели, поправил материальное положение, придал смелости.

пираясь у себя на Спиридоновке после занятий, Петр Ильич писал оперу «Опричник».

«Опричника» принял главный дирижер петербургской оперы Э.Направник, но когда и в каком составе он будет поставлен, не сообщил. С клавиром Второй симфонии под мышкой Чайковский явился на вечер к Римскому-Корсакову. Там были Балакирев, с которым они тесно общались, Мусоргский и Бородин, написавший когда-то на него скверную рецензию. Члены «Могучей кучки» обсуждали новости, ругали за пасквиль на себя в романе «Дым» Тургенева. По просьбе гостей, Чайковский сел

В

месте с Первой симфонией опера «Воевода» вывела Чайковского на путь постепенного признания. Поступило предложение издать аранжировки симфонии. В сезон гастролей Берлиоза и итальянской оперы Чайковского уговорили дирижировать «Танцами» из «Воеводы». Публика несколько раз вызывала его «на бис»...

Не слушая увещеваний Николая Григорьевича, Чайковский нанял молодого слугу Алексея Софронова, нашел дешевую квартиру из трех комнат, купил у старьевщика полдюжины венских стульев, повесил над роялем портрет Антона Рубинштейна и начал новую жизнь. Теперь он получал в консерватории около двух тысяч рублей в год, рублей пятьсот мог заработать за исполнение своих сочинений и еще несколько сот — рецензиями. За-

к роялю. Затем последовали взрыв восторга, объятия, провозглашение его первым музыкантом России (после них пяти, разумеется) и горячее прощание...

1877 год начался для Чайковского «торжественным провалом» оперы «Кузнец Вакула» на сцене Мариинки. Он нашел спасение в работе, много сочинял, и все выходявшее из-под пера сразу исполнялось и издавалось. С Николаем Рубинштейном

произошла ссора, да и ляжка консерватории делалась все тяжелее. Деньги приходили, но из-за его безалаберности тут же уходили, их всегда не хватало. А время неотвратимо утекало...

Многие теперь наслаждались музыкой Чайковского, включая Льва Толстого и Чехова. Некоторые выпускники консерватории, начинающие певцы и певицы, буквально поклонялись ему.

В середине года Петр Ильич получил заказ на несколько фортепианных переложений и щедрую плату вперед. Заказчиком оказалась На-

Между тем Петр Ильич предпринял безумную попытку «стать, как все» и женился на хитровой миловидной мещаночке, засыпавшей его любовными письмами. Сверхкороткий казусный брак этот едва не закончился для Чайковского самоубийством, после чего он бежал к брату Николаю в Швейцарию. А, слегка оправившись, продолжил работу над оперой «Евгений Онегин» и Четвертой симфонией. Они принесли ему долгожданное всеобщее признание и имели необычайный успех у публики, хотя отдельные газетные критики не упускали повода ругнуть их.

В

1887 году Чайковский получил заказ на несколько фортепианных переложений и щедрую плату вперед. Заказчиком оказалась Надежда Филаретовна фон Мекк, вдова железнодорожного магната, миллионерша, мать одиннадцати детей. Некрасивая оригиналка, она была помешана на музыке и создала себе культ Чайковского. Так началась их многолетняя возвышенная дружба

дежда Филаретовна фон Мекк. Вдова железнодорожного магната, миллионерша, владелица домов в Москве, поместий в Западном крае, приморских вилл за границей, мать одиннадцати детей и бабушка. Некрасивая оригиналка, помешанная на музыке и создавшая себе культ Чайковского. Так началась их многолетняя возвышенная и, с ее стороны, самоотверженная спонсорская дружба, широко отраженная в литературе и в кино.

С преподаванием в консерватории было покончено, и, во многом благодаря грантам Надежды Филаретовны, он получил возможность бывать на музыкальных премьерах в Европе, где все чаще звучали его произведения. Фортепианным и скрипичным концертами Чайковского дирижировали первые западные маэстро. И все же из Парижа Петр Ильич в очередной раз уезжал с облегчением, целиком погрузившись в работу над оперой «Орлеанская дева» по поэме

Шиллера. Он писал ее в роскошном имени фон Мекк Браилово и в других местах. Писал с большим пылом, нежели «Онегина», и большего ждал от нее в сценическом отношении. Не доверяя брату Модесту, своему постоянному либреттисту, сам сочинил либретто и в душе очень надеялся, что уж этой оперы ему не придется стыдиться, пряча в темноте зала расстроенное красное лицо.

В Петербурге «Дева» прошла средне, но на премьере его все-таки принудили надеть поднесенный ему лавровый венок. Оставшись один, Чайковский в отчаянии кусал губы.

Однако, невзирая на неудачи, имя его обрастало устойчивой славой. С Николаем Григорьевичем пришлось мириться. Они условились провести вместе весной несколько дней во Франции. Весть об убийстве «мартовцами» Александра II настигла Чайковского в Париже. Неделю спустя там же скоропостижно скончался (вероятно, от рака) в возрасте сорока шести лет Николай Рубинштейн.

После его смерти какая-то неведомая сила погнала Петра Ильича описывать невольные круги в пространстве: Париж-Каменка-Москва-Флоренция-Петербург-Киев. Везде он оставался один и уже привык к этому. Научился быть услужливым с женщинами и осторожным с мужчинами. В Москве ему предложили кресло директора консерватории, но он выдвинул кандидатуру своего младшего друга-ученика Сергея Танеева, которому, правда, еще не было и тридцати. Потрясенный смер-

тью Мусоргского, Чайковский с головой ушел в работу. А точки опоры все не было...

Он нашел ее в Клину, с которым тесно связаны последние восемь лет жизни музыкального гения.

Петр Ильич давно мечтал о тихом пристанище между Петербургом и Москвой, среди неторопливой уездной жизни и неброской русской природы, которую всегда любил. Между утомительными гастрольными турне, после жарких дискуссий за полночь в кругу старших и младших братьев по искусству, с неизменными обильными возлияниями, ему остро хотелось возвращаться в свой скромный уголок под сенью сада, к своему роялю. В съемных городских квартирах он не чувствовал себя дома.

Композитор переселился в Клин в феврале 1885 года. За год до этого он был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. Ему благоволили император, императрица, великие князья, желавшие видеть его при дворе. А он писал из Клина Н.Ф. фон Мекк: «Мечта моя на весь век поселиться в русской деревне не есть мимолетный каприз, а настоящая потребность моей природы».

Селения Майданово, Фроловское, опять Майданово и, под конец, глухая окраина Клина обозначили отныне пределы его «дома» на отпущенные судьбой годы. Чайковский провел их, борясь с глубочайшим душевным кризисом. Ему казалось, что жизнь прошла, и ничего совершенного он не оставил. Петру Ильичу

тогда едва исполнилось 45 лет. Он был благообразен, даже красив, с холеной серебристой бородой и усами, с волнистой густой шевелюрой того же отлива, статен, несмотря на наметившуюся полноту, прост и приятен в общении со всеми и как-то по-особому значителен. При непосредственном участии верного слуги Алеши сначала сняли одну дачу, потом — другую и, наконец, арендовали у мирового судьи Сахарова просторный теплый дом, с окнами в благоухающий сад.

Сюда, в Майданово, был привезен из Москвы старый беккеровский рояль, который Петр Ильич не позволял настраивать, боясь его испортить. Из Майданова до станции железной дороги было две версты, а до Москвы поезд шел полтора часа. В Москве же Чайковскому по-прежнему приходилось бывать часто. Его ждали на заседаниях Музыкального общества, одним из директоров которого он являлся. Требовалось помогать в консерваторских делах Сергею Танееву. Поступила корректура оперы «Манфред». Полным ходом шли переговоры о постановке еще не оконченной «Чародейки» в Большом...

Возвращаясь домой, Петр Ильич с облегчением находил размеренно-благоустроенный уклад жизни, которого не имел прежде. В замечательной биографической книге о Чайковском Нина Берберова пишет:

«Раннее вставание, курение в постели, чай в столовой, потом — второй чай, у себя в кабинете, за письменным столом... Двухчасовая прогулка после обеда... даже если у не-

го кто-нибудь гостил, всегда один, и после, возвратившись, некоторое время один перебирал клавиши-мысли, пришедшие ему в поле, на дороге. Полный этих мыслей, возбуждения, тоски, он шел в Клин, к школе, в тот час, когда деревенские мальчики бежали домой с тетрадками и книжками. Его принимали за доброго барина — он раздавал им конфеты и медяки, и это успокаивало его и тайно радовало... Дома ждали его газеты, журналы, приезжий московский гость или несколько... игра в четыре руки; одинокими вечерами — пасьянс».

Порог ранней старости приблизился, но уже меньше тревожил душу. А вот вечная мука творчества и чувство неуверенности в себе остались, правда, уже приглушенные, не доводившие его, как прежде, до умопомрачения.

В феврале 1885-го он начал сочинять давно вынашиваемую оперу «Черевички». Работал, как одержимый, днями напролет. «Черевички» были приняты к постановке в Большом театре буквально «с колес», и ему неожиданно предложили дирижировать своей оперой. Он колебался, боялся не удержать долго дирижерской палочки правой рукой и голову на шее — тоже, но все-таки дал себя уговорить Танееву и приступил к репетициям с оркестром.

Перед премьерой оперы Петр Ильич страшно волновался. Когда он встал за дирижерский пульт, в переполненном зале вспыхнули овации. На плечи ему водрузили огромный лавровый венок, затем — второй,

третий. Освободившись от них, он уже уверенно дал знак оркестру играть увертюру. Успех был полный. Успех самой оперы. На его дирижерство обращали мало внимания, и все же после московской

премьеры «Черевичек» Чайковского стали приглашать в турне не только как композитора, но и как дирижера.

Посреди гастрольных триумфов настиг внезапный удар: в Петербурге

на первом же представлении провалилась «Чародейка». Провалилась с треском, бесповоротно, как никогда не проваливалась ни одна из его опер. Он принял удар стойко, но был охвачен горечью и смятением. Значит, два года, отданных «Чародейке», потрачены напрасно?

В Майданово Петр Ильич вернулся больным. Мучили появившаяся у него одышка, колики в боку, тошнота по утрам. Для самых сокровенных мыслей и для спасения от неотвязного страха смерти он завел дневник.

Ему теперь случалось работать по ночам, выпивши. За стенкой похрапывал Алексей. В доме стояла звенящая тишина, нарушаемая лишь шорохами сада и собачьим лаем. Устав, Петр Ильич порой засыпал прямо в кресле. Днем его тоже клонило ко сну, лень было выходить из дому. Он редко чувствовал себя здоровым, переедал, лечился касторкой.

В Майданове Чайковский написал завещание, оставляя мебель и обстановку Алексею, а все свои средства и будущие гонорары — Бобу, «обожаемому мальчику» Володе Давыдову, сыну Александры. Даровитый дилетант в музыке и рисовании, очаровательный шалун Боб тоже поступил в петербургское Училище правоведения и относился к дяде с некоторой иронией, хотя был к нему искренне привязан и о завещании знал.

В конце 1887 года Чайковский вновь выехал за границу. Он решил совершить концертное турне по европейским столицам, откуда посту-

пали лестные предложения. Сочинять он пока был не в силах.

Тяготы длительного турне, сопровождаемого непрерывными светскими визитами, встречами с Григом, Брамсом, Рихардом Штраусом, репетициями с новыми оркестрами и разучиванием собственных сочинений, были вознаграждены полным и безоговорочным успехом из всех, какие выпадали на его долю. Оркестрантам он пришелся по вкусу. И «Ромео», и Третью сюиту, и «1812 год» в Париже, Лондоне, Гамбурге, Берлине принимали прекрасно. Чайковский, однако, не обольщался, понимая, что восторги публики и критиков — скорее дань моде. «Старость. Тоска», — записал он тогда в дневнике. И еще — крик души по поводу своих интимных предпочтений: «Что мне делать, чтобы нормальным быть?»

За границей Чайковский получил извещение министерства двора о том, что государь определил ему солидную пенсию. Казалось бы, чего больше? А он опять почувствовал душевный разлад и томление, начал старательно маскироваться в компаниях от друзей и врагов, прикидываться другим человеком перед поклонниками: пусть думают, что он вполне уравновешенный, просто не слишком веселый человек, раз уж нельзя убежать от себя, и слава обязывает. По приезде сел за Пятую симфонию, доказывая самому себе, что у него еще есть порох в пороховницах, но работал без вдохновения и написанную симфонию уничтожил. Назначенная пенсия, как ни странно, не улучшила запутанные денежные

дела великого композитора. Запутанные настолько, что преподнесенный ему ранее министерством двора в награду за коронационную кантату драгоценный перстень стоимостью полторы тысячи рублей он тут же заложил и, вероятно бы, продал, если бы царскую награду не выкупила, вернув Чайковскому ее полную стоимость, Надежда Филаретовна. Бумажник с деньгами за перстень у Петра Ильича наутро таинственным образом пропал...

В один из приездов в Петербург дирекция императорских театров

по любимому пушкинскому произведению настолько захватило его, что от лихорадочного возбуждения у композитора пальцы дрожали над нотной бумагой. Он знал: получается!

Осенью 1890 года с готовым клавиром оперы Чайковский вернулся в Россию. Прошли пышные премьеры «Пиковой дамы» в Петербурге, Киеве, с полными залами и чествованиями композитора. Впереди ждали одновременно заказанные «Щелкунчик» и «Иоланта», требовавшие уединения и глубокого обдумывания.

В

озвращаясь после гостей в Клин, Чайковский, как ни странно, ощущал покой и удовлетворение, не придавая значения молчанию первых авторитетных слушателей. Он твердо знал: Шестая симфония — лучшее из всего им написанного. И не потому, что была его последним сочинением, а потому, что в ней он ответил на мучавшие его вопросы жизни. Эта музыка была он сам, его кровь и плоть

заказала Чайковскому, по желанию государя, балет на уже готовое либретто «Спящей красавицы». И он сел писать, вначале как бы нехотя, между делом, но постепенно все больше втягиваясь и «опьяняясь» сочиняемой музыкой. Так было с ним и раньше во время работы над «Лебединым озером».

Закончив балет и симфонию, он получил от Модеста первый акт либретто оперы «Пиковая дама» и отбыл в Италию, куда брат обещал прислать ему остальное. Либретто

Петр Ильич отложил работу над ними на год и отправился в турне по Соединенным Штатам, сулившее невиданные им еще деньги.

В Америке с Чайковским носились, им восхищались. Сам Карнеги пригласил его дирижировать несколькими концертами в переполненном зале на пять тысяч мест. В Филадельфии ему за два дня восторженно покорились самые именитые музыканты... Но каждый вечер, оставаясь один, Петр Ильич думал, насколько он слаб, стар

и никому не нужен на чужбине, как, впрочем, и на родине.

За неустанными заботами о поддержании собственного здоровья и своей готовой, как он полагал, ускользнуть славы Чайковский безвозвратно лишился «лучшего друга», Надежды Филаретовны. Их человеческое расхождение наметилось давно, а к 1888 году, после его триумфального европейского турне, произошел окончательный разрыв. Пошатнувшиеся дела, вплоть до потери большей части многомиллионного состояния, послужили только внешним поводом. И она дала знать Чайковскому, что их 14-летним возвышенным отношениям пришел конец.

Утрата восемнадцати тысяч рублей ежегодного пансиона теперь уже не являлась для Чайковского катастрофой, однако была все же достаточно чувствительна при полном его неумении распорядиться деньгами и привычкой постоянно влезать в долги. Потеря в лице Надежды Филаретовны заботливого опекуна страшила Петра Ильича куда сильнее. Ему казалось, что эта удивительная женщина останется с ним до конца. С горькой обидой и драгоценным талисманом — подаренными ею эмалевыми часами, — он укрылся в Майданове. Стояло жаркое лето, окна в доме были распахнуты, Чайковский ходил в легкой блузе без карманов и держал заветные часы на письменном столе, откуда их и украли. Пропажу заметил, только когда ложился спать и, как обычно, собирался перед сном завести часы.

Немедленно была послана телеграмма в московскую сыскную полицию. На другой день прибыл сыщик. С ним разговаривал Алексей. Петр Ильич лежал в слезах у себя в комнате с опущенными шторами и выйти не мог. Горечь утраты единственной реликвии его великой дружбы с Надеждой Филаретовной Чайковский перенес на Майданово, решив покинуть его и купить дом в Клину.

Дом снова пришлось снять, на покупку денег не хватило. Откладывать «на черный день» он так и не научился. Большой двухэтажный дом этот стоял посреди огородов и пустырей, а вдаль виднелись бедные деревеньки. Алексей с семьей поселился внизу, Петр Ильич — на втором этаже. Наверх переехали вместе с ним любимые гравюры и фотографии, которые он, по тогдашнему обыкновению, вешал плотно, впритык друг к другу. Читал он теперь больше Спинозу и делал в нем пометки карандашом. На фортепьяно держал партитуры Моцарта. Переплетенные, они занимали почти весь книжный шкаф в гостиной.

Вот эта чудом уцелевшая в годы войны деревянная усадьба, с конюшней в сарае и коровником, стала в наши дни мемориальным Домом-музеем Чайковского.

Клинская жизнь композитора текла в прежнем привычном русле. Несколько месяцев он безвылазно трудился над «Щелкунчиком» и «Иолантой», сделав облегченное переложение балета для фортепьяно и поправив клавиры оперы. Уставал так, что ночью ему снились непра-

*Надежда
Филаретовна
фон Мекк*

вильно расставленные нотные знаки. Подобное случилось с ним и раньше. Когда он писал «Спящую красавицу», то видел себя во сне танцовщиком, исполнителем заглавной партии.

Пережив трагическую неудачу с Пятой симфонией, Чайковский за-

дался теперь целью — создать нечто такое, после чего «курносая гадина»-смерть была бы ему не страшна, и замысел непревзойденной Шестой симфонии постепенно начал обретать в его воображении все более ясные очертания. Он хотел вложить в нее то главное, для чего жил, рас-

сказать о своей сокровенной любви, в которой не смел вслух признаться, выразить непередаваемое на словах предчувствие близкого конца...

В разгар работы пришлось оторваться от нее, чтобы отправиться в Кембридж принимать звание и диплом почетного доктора *honoris causa*. Многие находили его и впрямь похожим внешне и манерами на ученого. Во время университетской церемонии он с достоинством проделал все положенное в компании Сен-Санса и Бойто, а затем вернулся домой, где по-прежнему умудрялся

сыграть его последнюю вещь — «Утес». Хвалил очень горячо.

Возвращаясь обратно в Клин, Чайковский, как ни странно, ощущал покой и удовлетворение, не придав значения молчанию первых, казалось бы, столь авторитетных слушателей. Автор твердо знал: эта симфония — лучшее из всего им написанного. И не потому, что являлась его последним сочинением, но потому, что в ней он ответил на мучившие его вопросы жизни. И потому еще, что эта музыка была он сам, его кровь и плоть.

П

осреди ночи Петр Ильич вдруг открыл глаза и обвел взглядом Боба, Модеста, Николая. Всех, кого он так любил. Потом глаза его закатились... Нелепая, в сущности, смерть. Ему не исполнилось еще и 54-х лет

скрывать под маской спокойствия и доброжелательности терзавшие его душевную боль и сомнения.

Осенью в гостях у Танеева Петр Ильич впервые исполнил Шестую симфонию. Все близкие и друзья были в сборе. От волнения играл он скверно, к тому же давно запустил фортепьянную технику. На лице его мелькала гримаса усталости и безнадежности... Слушали молча, а когда он закончил, так же долго молчали. Это было настолько ново и необычно, что даже Рахманинов не нашелся, что сказать. Потом в столовой накрыли чай, и Петр Ильич попросил Рахманинова

Симфонию Петр Ильич посвятил племяннику Владимиру Львовичу Давыдову и 9 октября 1893 года выехал в Москву, а вечером того же дня — в Петербург, где ему предстояло дирижировать Шестой симфонией на премьерном концерте. Выехал расстроенный, полубольной (катар желудка в последнее время обострился, и сода уже не помогала). Бывшая жена Антонина Ивановна прислала письмо с просьбой усыновить ее третьего ребенка, первых двоих пристроили в воспитательный дом. Петр Ильич, морщась, велел дать ей денег, созна-

вая, что конца подобным домогательствам не будет. А перед отъездом консерваторский однокашник и закадычный приятель Кашкин сообщил ему, что Надежда Филаретовна больна нервным расстройством и часто впадает в беспамятство. Петр Ильич, сдерживая слезы, отвернулся.

На вокзальном перроне в Петербурге он с облегчением попал в объятия Модеста и Боба. Вместе отправились в недавно снятую ими квартиру на Малой Морской, с отдельной комнатой для него. Ни в «Дагмаре», ни во «Франции» Чайковский больше не желал останавливаться.

Репетиции симфонии начались на следующий день и продолжались всю неделю, вплоть до субботы 16-го, когда состоялся концерт. На музыкантов симфония не произвела того впечатления, какого ждал Чайковский. До публики она тоже не дошла, зал аплодировал без особого воодушевления. В извозчицкой пролетке, которая везла Чайковского и Глазунова после концерта ужинать, оба молчали.

Утром, за чаем, Петр Ильич в недоумении раскрыл партитуру. Ему лично симфония представлялась программной, хоть он и решил не предварять ее никаким пояснением. Надо было дать ей смысловое название. «Может, «Трагическая»? — предложил Модест. И тут же добавил: «Патетическая». Название было принято Чайковским «на ура». Но

триумфа «Патетической» ему уже не суждено было дожждаться.

Его хвалили в гостях, собраниях, на вечере у Римского-Корсакова, но как-то осторожно, с оглядкой. Даже самые искушенные знатоки пребывали в раздумье, казалось, им мало было услышать эту вещь один раз, дабы составить о ней твердое суждение. Петр Ильич винил свое дирижерство, находя утешение в обществе Боба и праздных молодых приятелей племянника, приходивших на квартиру с самого утра.

Понемногу он окунулся в привычный водоворот светской жизни Петербурга, вечерами ездил в балет и в оперу, занимая со своими спутниками одну или две ложи в Александринском театре. Водил молодежь на «Горячее сердце» Островского, которым восхищался еще со времен юности. После представлений всей компанией отправлялись в рестораны — к Палкину, Лернеру, а то и за город к цыганам. Он стал воздержанней в еде и питье, белое вино разбавлял минеральной водой и старался не есть мясо на ночь.

Последний раз у Лернера припозднились. Однако Чайковский заказал себе одни макароны и лег спать с нормальным самочувствием. Наутро у него почему-то разболелся желудок. Он, по обыкновению, прибегнул к касторке и, обвязав живот фланелью, отправился навестить дирижера Эдуарда Направника. С полдороги пришлось вернуться — его клонило ко

снуг. Дома застал Модю и мальчиков за завтраком и подсел к столу, чтобы пожалели. Те решили, что это его обычное расстройство желудка, и дали выпить вместо не оказавшейся под рукой касторки горькой воды «Гунияди-Янош».

Вскоре началась рвота. До вечера не звали врача, хотя больной мучился болями.

Доктор Бертенсон, лечивший в свое время умиравшего Мусоргского, заподозрил холеру. Петр Ильич повторил шепотом это страшное

слово — сорок лет назад от холеры умерла его мать. Начались конвульсии, перемежавшиеся рвотой. Он стыдился Боба и в перерывах между стонами и судорогами умолял его отойти.

Доктора дежурили весь день. Петр Ильич неподвижно смотрел перед собой, по щекам его текли слезы. Болело сердце, не хватало воздуха. С тяжкими стонами он просил пить и отворачивался от поднесенного питья. На искаженном страданиями лице выступили черные пятна, сменившиеся мертвенной бледностью. Приступы повторялись реже, и к ночи он почти затих.

На утро третьего дня отказали почки. Вызванного из Клина Алексея Чайковский едва узнал. Тот стоял на коленях у постели, держа хозяина за руку. В воскресенье Петр Ильич начал бредить, бормоча имя Надежды Филаретовны, сердясь на нее за что-то и споря с нею. К вечеру, после ванны, пульс ослаб, начался отек легких. Николай Ильич послал за священником, тот появился очень быстро, но исповедоваться больной уже не мог. Священник отказался причастить его и прочел отходную. Чайковский ничего не слышал. Он был далеко. Его мучила жажда. Жажда и невыносимая тоска.

Собравшиеся в комнате близкие молча помогали фельдшеру и докторам. Посреди ночи на 25 октября Петр Ильич вдруг открыл глаза и обвел взглядом Боба, Модеста, Николая. Всех, кого он так любил. Потом глаза его закрылись. Нелепая,

в сущности, случайная смерть. Ему не исполнилось еще и 54-х лет.

Прощание с гением русской музыки продолжалось три дня, на которые были отменены занятия в консерватории. Траурная процессия растянулась на всю Большую Морскую, где было перекрыто движение экипажей. По пути следования кортежа музыканты на тротуарах играли Моцарта и Шопена. Отпевание проходило в заполненном до отказа Казанском соборе, куда пускали только по билетам. Хор певчих исполнял «Верую» и «Тебе поем» из литургии, сочиненной Чайковским.

Около трех часов дня нескончаемая процессия тронулась, запрудив весь Невский, к Александро-Невской лавре. Впервые разрешенный на похоронах штатского лица военный оркестр играл траурные марши. Столичные газеты и очевидцы отмечали, что такого стечения народа петербуржцы еще не видывали. За гробом некоторое время шли даже великий князь Константин Константинович и принц Ольденбургский.

У ворот Лавры процессию встречал наместник архимандрит Исая. Могилу на Тихвинском кладбище, поблизости от могил Мусоргского, Бородина и Серова, изнутри до самого края выложили кирпичом и обили золотой парчой. Сверху соорудили кирпичный свод. Над гробом исполнили последнюю литию. Пели все присутствовавшие. Хору у могилы далеким эхом откликнулся второй хор людей, стоявших за кладбищенской оградой... □

ЧУВСТВО ПОЕЗДА

— Еще виски, — бросил Павел Петрович официанту на плохом английском.

Он снова оглядел зал. Народу немного, еще не сезон. Музыка спокойная, свет софитов приглушен. Павел Петрович сидел лицом к входу, но постоянно отвлекался, больше смотрел в стакан, поэтому мог пропустить его. Или их.

Нет, пока все те же персонажи. Группа просто одетой раскованной молодежи — монегаски, местные, остальные тщательно изображали гламур. Парочка нарядных русских туристов — их можно узнать по напряженным лицам, она в чем-то сверкающем, он — в чем-то, купленном на распродаже и потому уже растянutom, обвисшем. Чуть подальше — три неудачливые охотницы за олигархами. Судя по специфическому тюнингу — голливудские локоны, выпяченные губы, идеального тона загар, слишком идеального, чтобы быть натуральным, — тоже русские. Отличались они друг от друга только платьями.

Павел Петрович Неуверов — глава богатейшего российского семейства, в советское время номенклатурного, владелец гигантской финансово-промышленной корпорации, проникшей своими щупальцами в Восточную Сибирь и Европу. Он сидел, навалившись на лакированную столешницу, и угрюмо смотрел в одну точку. Так редко приходившее в последнее

время чувство снова с силой накатило на него. Это чувство было трудно назвать. Черная меланхолия? Фрустрация? Тихая паника? Он называл это «чувством поезда». Слушал гулкий и медленно нарастающий стук крови в ушах, похожий на стук колес приближающегося поезда. Будто он стоит между рельсов, ветер раздувает его одежду, и он должен быстро решить — остаться или отпрыгнуть?

Павел поморщился и нахмурил брови. Он часто хмурился, и это придавало его молоджавому лицу упрямое выражение, с намеком на угрозу. «Чувство поезда» возникало у Павла Петровича в жизненно острые моменты, когда нужно было решить — сейчас или никогда, черное или красное, да или нет. Сын, Костик, посмеиваясь, говорил ему:

— Быть или не быть, батя, — старперские песни. Гамлетовский вопрос звучит теперь так: биться или слиться. Времена, когда за косяк а-ля «оскорбленное достоинство» чикали шпагой, прошли. Щас проще отморозиться.

Умный мальчик. Только, что это еще за «отморозиться»?

— Ну, отморозиться, сдаться, короче.

Вопрос, как и позиция сына, не пугали Павла Петровича. Его пугала собственная реакция на этот вопрос. Реакция, которой раньше он никак не мог ожидать от себя.

— Не знаю, — так звучал этот ответ.

И причина этого незнания заключалась не в неумении управлять компанией, не в нерешительности — решительности у Павла Петровича было хоть отбавляй, — а в том, что оба исхода при детальном рассмотрении были одинаково плохи. Он старался жить и работать по справедливости, хотя бы в рамках своей вотчины-компании, которой он управлял, своей семьи, своего круга общения. Но законы реальной жизни не подчинялись законам справедливости. Женщина с завязанными глазами правила миром бестолково и то и дело сбивала Неуверова с ног ударами своих «подкрученных» весов и затупленного меча. Он устал биться. И сливаться не привык. Просто руки опускаются. Может, это старость?

Сверкающая стразами входная арка клуба впустила новую порцию посетителей. Развязные, самоуверенные жесты напомаженных молодых мужчин. Медленные, постановочные, — чтобы все успели рассмотреть, — движения тонконогих женщин. Дорогие, чуть небрежные наряды, блеск запястий и шей. Наследники капиталов, строящие из себя серьезных бизнесменов. По-настоящему им работать не нужно, за них уже все сделали родители. У одной из женщин, не очень красивой, но тщательно «проработанной» в спортзале и явно находящейся под присмотром личного стилиста, в руках был огромный букет роз в форме шара. Она с трудом несла его, показывая рельефные мышцы предплечий, — именинница.

Павел Петрович отвернулся и снова приложился к стакану. У него сегодня тоже был день рождения. Он давно уже разлюбил его отмечать. Дру-

зей у него не осталось, а корчить радушие перед нужными людьми ему надоело. И вообще, он — богатый, самодостаточный человек, он что, не может себе позволить хотя бы день рождения провести без напряжения? Многие годы этот день был поводом для важных переговоров, налаживания связей. Но сегодня, наконец, Павел Петрович созрел до того, чтобы отпраздновать его в одиночку. Правда, это было не совсем празднование, и не совсем дня рождения.

С одной стороны, он вроде как скрывался в этом месте. Никому, даже жене, не сказал, куда поехал. Телефоны все отключил. Зная его нелюбовь к гламурным местам, и, в частности, к семейной резиденции на Лазурном берегу, вряд ли кто-то мог заподозрить, что он отправится в Монте-Карло.

С другой стороны, Неуверов уже три дня мозолил глаза людям в публичных местах. Как мотылек, рвущийся к огню. «Выгуливал» свой «феррари» по залитой нежным солнцем набережной Круазетт, разгонялся до опасного на крутых трассах Антиба, между высокими заборами вилл своих друзей, врагов, знакомых, малознакомых, незнакомых. Хотя поправка — только что было сказано, друзей у него не осталось...

Павел Петрович валялся на пляже, наблюдая забавный контраст между подтянутыми бегунами, снующими по Променад дез Англэз, и еле передвигающимися между ними сухопарыми старушками. Почему-то все старушки в Ницце сухопарые, наверное, раньше тоже были бегунами, пока жизнь не выкрутила суставы. В обеденные часы просиживал в «Кафе де Пари», вечерами скучал в Театре Грейс или каком-нибудь мишленовском ресторане. Запустил яхту, подняв на уши персонал, заставил надраить все и проверить снасти, правда, так и не вышел в море. Не до моря ему было. Он ждал. Он ждал кое-кого.

Биться или слиться? Лезть на ветряные мельницы, бороться против системы в одиночку? Или сдать? Речь даже не о смерти — умереть всегда успеешь. Просто сдать, подчиниться более сильному?

На Лазурном берегу все вопросы звучат нежнее. Под вино, устрицы, прованские травы проблемы кажутся надуманными, решения легкими, и вообще — жизнь удалась, и нечего растрачивать нервы по пустякам. Но ответ Неуверова все равно был: «Не знаю».

В последнее время и в бизнесе, и в личных делах Павел Петрович все чаще сталкивался с «чувством поезда». Очередной наезд на лакомый кусочек империи Неуверова, компанию «Аргента» — торговую сеть с большим объемом недвижимости на балансе, закончился малодушной капитуляцией, хотя раньше ему удавалось успешно отбивать рейдерские атаки и на менее ценные активы. Правда, Полонский, правая рука Неуверова, твердил, что есть шансы побороться, что нужный человек в министерстве, или коротко — «ресурс», в состоянии утрамбовать «ресурс» противника.

Наезд был сделан по старой схеме — маски-шоу, налоговая, прокуратура, все как обычно. Но было и нечто новое в противнике — особенно злое и наглое. Не просто уверенное в безнаказанности, а совершенно сорвавшееся с цепи, потерявшее всякое чувство меры и самосохранения. Зверье, вырвавшееся из преисподней, уже забывшее, что целью были деньги, и не жалеющее себя, лишь бы перегрызть горло сопернику и насытиться его кровью.

— Вы помните «ЮКОС», «Арбат-Престиж»? — ласково шипел ему на ухо следователь с тонкими губами. — Вы мелкая сошка по сравнению с ними. И если уж с ними мы справились, то... — продолжал сладострастно ностальгировать следователь. — Внезапные смерти в СИЗО, неожиданные диагнозы типа СПИДа... Давно вы, Павел Петрович, в СИЗО не были, а? И сыночка вашего, Костика, «зачушить» не составит труда...

Это «выканье» в сочетании с тошнотворным воровским жаргоном выводили Павла Петровича из себя. Да они и сами, аристократы от СССР, «белая кость» номенклатуры, давно скатились в арго — «ресурс», «утрамбовать», «маски-шоу». Как это случилось, Неуверов и сам не мог объяснить. «Жесткий бизнес требует жесткой терминологии», — так, кажется, говорил Полонский. Не знаю...

«Нужный человек в министерстве» оказался старым знакомым Неуверова, бывший зампред одного из неуверовских банков Бибиков, который сомнительной операцией, на грани с мошенничеством, пустил банк под откос. Внутреннее расследование показало, что парень технически чист. Он лишь недооценил уровень риска, покупая высокодоходные бумаги, а те внезапно упали в цене. Неуверов тогда просто выгнал Бибикова, не стал под статью подводить. Пожалел — у того четверо детей, жена с опухолью в онкологии лежала. Только несколько лет спустя Неуверов узнал, что многодетный отец скупал бумаги фиктивной компании, которую сам и зарегистрировал, то есть попросту воровал деньги у банка. А внутреннее расследование? Все хотят кушать, и никому в нашем мире «взяткобрательство» не чуждо, даже купленным за большие деньги юристам и аудиторам.

Теперь этот ухарь протиснулся в министерство, наверняка на ворованные у Неуверова деньги, и за свои услуги требует не просто взятки, а доли в компании. Плюс еще нагло намекает на возможность породниться — у него якобы дочь на выданье.

Жаль, думал Неуверов, что лично не участвовал в переговорах, с удовольствием размазал бы эту наглую физиономию по столу.

Сливаем «Аргенту», решил тогда он, но фраза прозвучала так вяло и неуверенно, что Полонский — энергичный толстяк с суетливыми манерами — долго еще размахивал руками и доказывал, что надо работать с «ресурсом».

Полонский был старым университетским другом Павла. Он из самой обычной семьи, не номенклатурной, как Неуверов, но очень самоуверенный, живой, жадный до успеха. Любил вино, красивых женщин и бокс. На этом и сошлись. Когда они познакомились, на третьем курсе, Полонский уже не боксировал, но было известно, что он неплохо уработывал противников в спортшколе, пока не порвал коленную связку. КМС быстро растолстел, но не бросил бокс, просто перешел на другую сторону ринга и стал зрителем. Болельщиком он был страстным — до сиплого голоса, до вздутых вен на висках. На пятом курсе Полонский перенаправил свою неумную энергию в нужное русло — первые свои, и неплохие, деньги он заработал на организации боев. Такие люди нравились Неуверову, и, начав свою карьеру, он без колебаний взял Полонского к себе в команду.

Музыка зазвучала громче, софиты хаотично забегали пятнами света по залу, как будто пытались найти кого-то. Народ энергичней задвигал бокалами над столами, послышался пьяный смех.

— Еще виски? — услужливо спросил официант.

— Нет, сок дайте. Любой.

Слово «любой» привело официанта в замешательство. Старательно перекрикивая музыку, он начал перечислять наименования соков в меню. Фиолетовые пятна скакали по лицу официанта, отчего казалось, что он гримасничает.

— Я сказал, любой. Лю-бой! Третий раз повторяю, неужели это так сложно?! — уже по-русски взъелся Павел Петрович.

Официант поспешно кинулся в сторону барной стойки, передал заказ бармену и скрылся за дверью кухни. «А вот и путь к отступлению», — отметил Неуверов. Если что, через кухню можно слиться.

Двадцать лет назад, на заре своей карьеры, Павел Петрович отсидел полгода в СИЗО, тогда это называлось КПЗ. Он только что сдал госэкзамены и отдыхал в Югославии с друзьями — это было последнее лето единой Югославии, со следующего года там все полетело в тартарары. Вернулся в Москву и узнал, что предыдущей ночью умер отец. Официальной версией был инфаркт, но в воздухе висело — шепотки, обмолвки, — что не все так просто.

Вечером после поминок мать, Екатерина Алексеевна, породистая, с цепким взглядом темных глаз, сидя в кресле, говорила сыну:

— Настали темные времена, Паша. Чтобы сохранить компанию, нам придется пойти на компромисс.

Она теребила в пальцах носовой платок, но не плакала.

Павел тогда еще не принимал участия в делах компании. В университете, в отсутствие жесткого родительского контроля, он нажимал не на юриспруденцию и экономику, а на бокс и греблю. Ему нравилось ощущение собственной физической силы. Он с эйфорией наблюдал за движением энергии

своего удара правой, наслаждался командной работой гребцов, когда все четверо превращаются в один гибкий и мощный инструмент, блестящий мускулами, уверенно взрезающий водную гладь. Летом, на практике, Павел, конечно, работал у отца. Но по-любительски, в охотку, несерьезно.

— Компромисс? С кем? — возмущенно спросил он.

Павел злился, что мать больше переживает из-за компании, чем из-за смерти отца. Да еще и говорит о каком-то компромиссе, учитывая, что это, может, вовсе не инфаркт? Нет! Только месть и справедливость!

— Нас на части разорвут в момент, — глухо ответила Екатерина Алексеевна, отвела взгляд и прикрыла платком искривленный рот.

У Павла екнуло сердце. Он все же не был наивным мальчиком, и слова матери поколебали его уверенность в нерушимости отцовской империи. Именно тогда Павел впервые почувствовал нарастающий стук крови в ушах. Он понял, первоочередная задача, конечно, выяснить истинную причину смерти отца, но сохранить компанию — это ведь тоже важно? Не ради денег, ради справедливости.

Ночью Павлу приснился сон. Он стоит на железнодорожном пути, между рельсами. Вокруг лес, сливающийся с темнотой. Прямо на Павла едет поезд на бешеной скорости. Стучит колесами, светит фонарем в лицо, свистит гудком страшно. И в висках кровь стучит в такт колесам. Но внезапно поезд останавливается, шипя паром. Наступает тишина. С подножки локомотива спускается машинист: лицо, измазанное копотью, кепка, засаленный пиджак. Садится на рельсы, закуривает и говорит:

— Завалили батю-то?

Павел садится рядом и мычит что-то неопределенное в ответ.

— И ничо не попишешь. Век такой. Брат брата убивает...

Еще что-то говорит машинист про справедливость, про деньги, которые теперь честнее людей, простым мужицким языком. Но слова вязнут, вязнут в мутном полотне сна. Только и запомнилось — брат брата убивает. И еще в конце: машинист поднимается с рельс и медленно идет к локомотиву, стуча перед собой деревянной палкой. И Павел понимает, что машинист-то слепой... И, как обычно бывает в снах, странному легко находится объяснение — ну, правильно, зачем ему глаза, он же по рельсам едет... «Чувство поезда».

Наутро Павел занялся поиском частного детектива, а через несколько дней его взяли. Как говорится, был бы человек, а статья найдется. Якобы сын участвовал в какой-то приватизационной махинации отца. Екатерина Алексеевна пришла на свидание, скорбная, лицо ухоженное, неприлично свежее для женщины, только что потерявшей мужа:

— Сынок, потерпи немного. Сейчас нужно переждать. Так будет лучше для тебя. Здесь ты в большей безопасности, чем там, на воле... — Она помолчала, опустив глаза, давая осознать сказанное. — Я договорилась, у тебя будут нормальные условия.

«Это, что ли, твой компромисс?» — думал Павел, исподлобья глядя на мать. словно в ответ на его молчаливый вопрос глаза ее увлажнились, но Павел уже не знал, что думать: игра это или искренние слезы.

Потом приходила Маша, тогда еще не жена, а просто подруга. Высокая, красивая, но самое главное — верная. Немыслимым усилием сдерживала панику. Дрожала всем телом, тянула к нему тонкие руки через решетку. Заглядывала в глаза. И рассказала самое главное:

— Орловича по телевизору показывали. И с ним твою маму в кадре. Вроде компанию удалось сохранить.

Шумный всплеск голосов за соседним столом — приветствие очередному гостю — оторвал Неуверова от воспоминаний. Павел Петрович почувствовал на себе взгляд и поднял глаза, — одна из охотниц за олигархами заметила его и призывно улыбалась. Он кивнул ей в ответ и отвернулся: не сегодня, детка.

Никому нельзя верить, даже Маше. Жаль ее. Думает, наверное, сейчас, что он с какой-нибудь нимфой прохлаждается, — водился за ним такой грех. Злитесь, переживает... И имеет полное право предать его. Так что единственного верного человека он по своей вине упустил.

Условия в КПЗ действительно были ничего. Сидел в одиночке. Ходил в тюремный спортзал и в тюремную библиотеку. всю классику успел перечитать. В том числе Шекспира. И без удивления принял новость, что мать выходит замуж за Григория Орловича, совладельца и лучшего друга отца. Они часто ссорились, особенно в последнее время, — отец считал, что Орлович совсем перестал работать. А по вечерам, за рюмкой коньяка, захмелевшие, вечно обнимались, братались. «Брат брата убивает»...

Через Полонского Павлу все-таки удалось организовать расследование смерти отца. нанял трех частных детективов из разных агентств, чтобы получить три независимых результата. Мало ли, один ошибется, другой схалтурит или скурвится. Никому верить нельзя. Но ни один из детективов не смог ничего раскопать. Возможную причастность Орловича, на которой требовал сфокусироваться Павел, доказать не удалось. А может, все трое скурвились? Хоть и немалый гонорар был обещан, но на каждую пачку денег есть еще большая пачка. Павел лежал на вонючих нарах в своей «вип»-одиночке со стенами, покрытыми плесенью, слушал стук крови в ушах и вспоминал свой сон. «Выйти отсюда и убить Орловича!» — кричала кровь. Но разум охлаждал: доказательств нет. Орлович, может, и подонок, который быстро воспользовался ситуацией, но вряд ли убийца. На это у него кишка тонка.

Через полгода стараниями Екатерины Алексеевны и Орловича, — по крайней мере, так она ему говорила, — Павел вышел из КПЗ. Обвинения были сняты.

— Все, что я делаю, для тебя, сын. — Мать крутила на пальце новое обручальное кольцо, будто оно зудело.

Орлович, лысеющий румяный хлыщ, встретил Павла с наигранным радушием. Ликовал, что Неуверова выпустили, и ловко нацеплял личину печали, когда речь заходила об отце. Видеть его в родительском доме в халате и тапочках было невыносимо. Павел смотрел на него и мысленно перебирал возможные способы умертвить подонка. А в голове словно стрелка метронома качалась то вправо, то влево — биться или слиться?

— Понимаю, мне не заменить тебе отца, — скорбно поджав красные губы, говорил Орлович.

Это был уже перебор.

— Иди ты на ..., Гриша!

Молодой Неуверов уехал в Сибирь руководить промышленным предприятием, намеченным еще отцом стартовой площадкой для его карьеры. Зло и энергично взялся за дело и за несколько лет увеличил обороты предприятия в несколько раз. Заметил странную вещь — с простыми работягами ему было комфортнее, чем с офисными сотрудниками. Павел часто спускался в цеха, многих мужиков знал по имени, разговаривал с ними. Ему нравились их честные, открытые лица, простая рубленая речь, как у того машиниста из сна.

А в офисе у всех маски вместо лиц. У каждого стандартный набор — угодливость, сосредоточенность и деловитость. Внутри же сплошная хитрость и изворотливость, компромисс на компромиссе. Как там слепой машинист говорил: деньги честнее людей. На рубле рубль написано, так он рубль и есть. А на человеке только написано человек, а на самом деле он — змея, лисица, крыса... И чем больше у него денег, тем больше подлых сущностей внутри, размножаются, как бактерии.

Павел Петрович не был таким, может быть, потому, что прививка против осквернения богатством была сделана ему еще в детстве. В то время нельзя было высовываться. Не то, чтобы родители воспитывали его по-спартански. Как-то само собой вышло, что Павел с детства презирал материальные блага. А еще он верил в закон и справедливость. Правда, с некоторых пор уже чисто теоретически, так же, как верил в Бога, — верил, молился иногда, по случаю, но знал, что божественный и человеческий миры уже давно распараллелились и больше не пересекаются.

Наверное, Бога так достали деяния людей, что он тоже вскричал им: «Идите на ..., человеки!» — и ушел в свой божественный мир. Так и закон со справедливостью — они существуют в теории, но встретить их в реальной жизни маловероятно.

Часто приходилось чистить ряды, причем, верхушку гораздо чаще, чем низы. Верхушка была всегда всем недовольна. А сейчас, когда мать с Орловичем давно в отставке, и Неуверов — единоличный властитель империи, правление еще больше голосит. Полонский сообщал о настроениях топ-менеджеров и мелких акционеров, все возмущаются, что Неуверов

закручивает гайки, ограничивает власть на местах, все пытается подчинить личному контролю. А как с вами, крысами, без контроля? От живого тела кусок отгрызут, только отвернись!

Жаль, он Орловича тогда не замочил. Так просто, без доказательств. И Бибикова тоже. Тогда бы хоть не мучился со своим поездом. Не мучился бы?

И с «Аргентой» то же самое. Гордость, понимаешь ли, взбрыкнула! А может, он, Павел Петрович Неуверов, просто лох слабовольный?

«Аргента» была лишь разминкой. Недавно служба безопасности обнаружила тайник с оружием в водопроводном стояке, недалеко от президентской переговорной, и Полонский с тревожным лицом предупредил:

— Паша, похоже, что на тебя готовится покушение. Тебе нужно исчезнуть.

Кто же был этот изворотливый зверь, который так нагло отгрыз у него «Аргенту», а теперь собирается забрать у него жизнь? Скорее всего, кто-то из ближнего круга... «Брат брата убивает»... Но у Павла Петровича нет брата. Тогда кто же это?

Всю жизнь Полонский шел рядом, а Неуверов так и не понял, что это за человек. Вроде всю жизнь выручал, поддерживал... Выручал ли? С самого начала между ними не дружба была, а деловое партнерство. Припомнился случай: по молодости, по выпивке, на какой-то вечеринке, Неуверов с Полонским сошлись в легком спарринге. Неуверов тогда недооценил Полонского, расслабился и получил мощнейший хук слева.

— Витя, а чего ты в бокс не вернулся, а? — спросил потом, за рюмочкой, Павел.

— Ну... там институт на носу был. Да и... риск же это. А вдруг повторная травма? Мы ж не из ваших... Зашивали обычные доктора, советская медицина...

«Мы ж не из ваших» — это значит, не из номенклатурных. Выходит, позавидовал. И потом это тоже было. Проскальзывало. Его тоже понять можно, приятно, что ли, человеку все время на вторых ролях. И спарринг тот был не совсем спарринг. На той вечеринке между ними Маша сидела.

И чем черт не шутит, может, Маша? Он вспомнил ее глаза, когда он незадолго до отъезда пришел под утро пьяный, — темные, недоверчивые. И озлобленная складка возле рта:

— Я не могу так больше.

Можешь, родная, можешь. Прости, я, конечно, скотина. Но куда ты денешься из этой золотой клетки? В ней есть одно полезное свойство — чем дольше ты в ней сидишь, тем явственнее видишь ее блага. Золотая клетка благотворно влияет на рассудок, и ты никогда не станешь Офелией, чтобы совершить какой-нибудь глупости вроде прыжка в реку.

В сияющей, словно разверстые врата другого мира, входной арке снова возникло движение. Павел Петрович вздрогнул, увидев знакомую фигуру. Короткая, почти под ноль, стрижка, трехдневная щетина, цветастая шелковая рубаша — все, как сейчас любит золотая молодежь. Осанка

самоуверенная, руки в карманах — «я всегда везде как к себе домой»... Костя не был идеальным сыном, но разве можно стать идеальным, если жизнь тебе ни в чем не отказывает? Какого черта он тут? Вроде учеба в разгаре, он должен быть в Англии.

Костя был один. Постоял на входе, словно прицениваясь, стоит ли здесь оставаться. Прошелся медленно вдоль барной стойки, по-прежнему полупустой, по стеклянному, подсвеченному желтым неонам, танцполу. Как-то странно прошел, то и дело натываясь на стулья, на людей. Будто слепой. Опять, что ли, накачался?

Павел Петрович поймал взгляд сына. Костя слегка переменялся в лице и, не спеша, направился к столику отца.

— Пап, ты как здесь? — без особого удивления спросил он, прихватив его ладонь в замок молодежным приветствием.

Нездоровый блеск на лице, ни тени улыбки. От Кости несло перегаром и табаком, но глаза были трезвые, блестящие.

— А ты? Что с универом? — недовольно кинул Павел Петрович.

— Начало занятий сдвинули, — прозвучало вяло и оттого правдоподобно, — я и решил по Лазурке прошвырнуться. Мы тебе с маман весь день названиваем, с рождением хотим поздравить...

Костя хозяйским жестом подозвал официанта, заказал себе виски и закурил. На отца избегал смотреть. Павел Петрович тряхнул головой — его вновь настигал свист приближающегося поезда. Нужно сконцентрироваться на внешнем — фиолетовые огни, желтый неон, тонконогие девы на периферии зрения.

— За тебя, пап, с днем рождения! — криво улыбнулся Костя, словно улыбка причиняла ему боль.

Чокнулись, выпили. Павел Петрович, сдвинув брови, следил за сыном. Ну, давай, посмотри в глаза! Поезд, сбей меня!

— А я знал, что ты здесь, — сказал вдруг Костя. — Приехал пару дней назад, остановился у девочки в Каннах. Вечером ехали по набережной в клуб, смотрю, свет в квартире горит, машина твоя на парковке...

— Что не зашел? — холодно спросил отец.

— Я тебе набирал, у тебя трубка в отключке. Я так понял, ты один хочешь побыть...

Костя всегда умел врать. На ходу придумывал правдоподобные объяснения, достраивал их виртуозно под перекрестным допросом и никогда не забывал, что сочинил. И все это вдохновенно, с искренней улыбкой, Павлу Петровичу редко удавалось вывести сына на чистую воду. Но сегодня было без улыбок, натужно, и от этого страшно. Что ты готовишь мне, сын?

Кусая губы, Костя нервно крутил пальцами картонную подставку для стакана. И, наконец, выдохнул:

— Я в казино проигрался...

— Так, — тихо крякнул Неуверов. — Сколько?

Костя набрался мужества и посмотрел в глаза отцу:

— Все. — Брови нахмурены, виновато, по-детски еще, но уже намечается фамильный намек на угрозу.

— Что — все? — не понял Павел Петрович.

— Всю компанию.

— А при чем здесь ты?!

Костина доля компании была пока неопасно мала, но что-то в его голосе, позе, глазах говорило — все очень серьезно. Костя хмыкнул странно, на высокой ноте, и сказал:

— Я дал им расписку, что в течение суток ты переведешь компанию на меня.

Неуверов хлопнул себя ладонями по коленям, даже не хлопнул, а бесильно уронил руки. Скулы сводило от нервного смеха, кулаки ожесточенно сжимались. Да что ж это такое? Почему же так получается — уже в который раз его судьба оказывается в руках подонков? Вроде все контролируешь, управляешь ситуацией, живешь по совести, и вдруг из-за невидимого угла тебе подставляют подножку. Не подножку даже, а капкан, из которого не выбраться. В нарушение всех правил. Против справедливости. И женщина с повязкой на глазах невозмутимо пожимает плечами: мол, я ж не вижу ничего, так что я не при делах...

И снова поезд. Снова стоишь между рельсов, и ветер раздувает твою одежду, и поезд несется на тебя, как огненный конь. Ох, как хочется быть сбитым! Чтоб закончилось все раз и навсегда! Но нет. Неспроста поезд во сне остановился. Никто за тебя не сможет сделать выбор. Только ты сам.

Павел Петрович с тоской посмотрел на дверь кухни. Биться или слиться? Он думал, за ним придет наемник с каменным лицом, а пришел собственный сын, по глупости ставший орудием убийства.

— И где эти «они»?

— Здесь, — подавленно произнес Костя. — Все бумаги у них. Надо только подписать.

Светящийся прямоугольник входа почти полностью заслонила группа людей в темных костюмах. Один из них, толстый, с суетливыми манерами, что-то объяснял остальным, энергично размахивая руками.

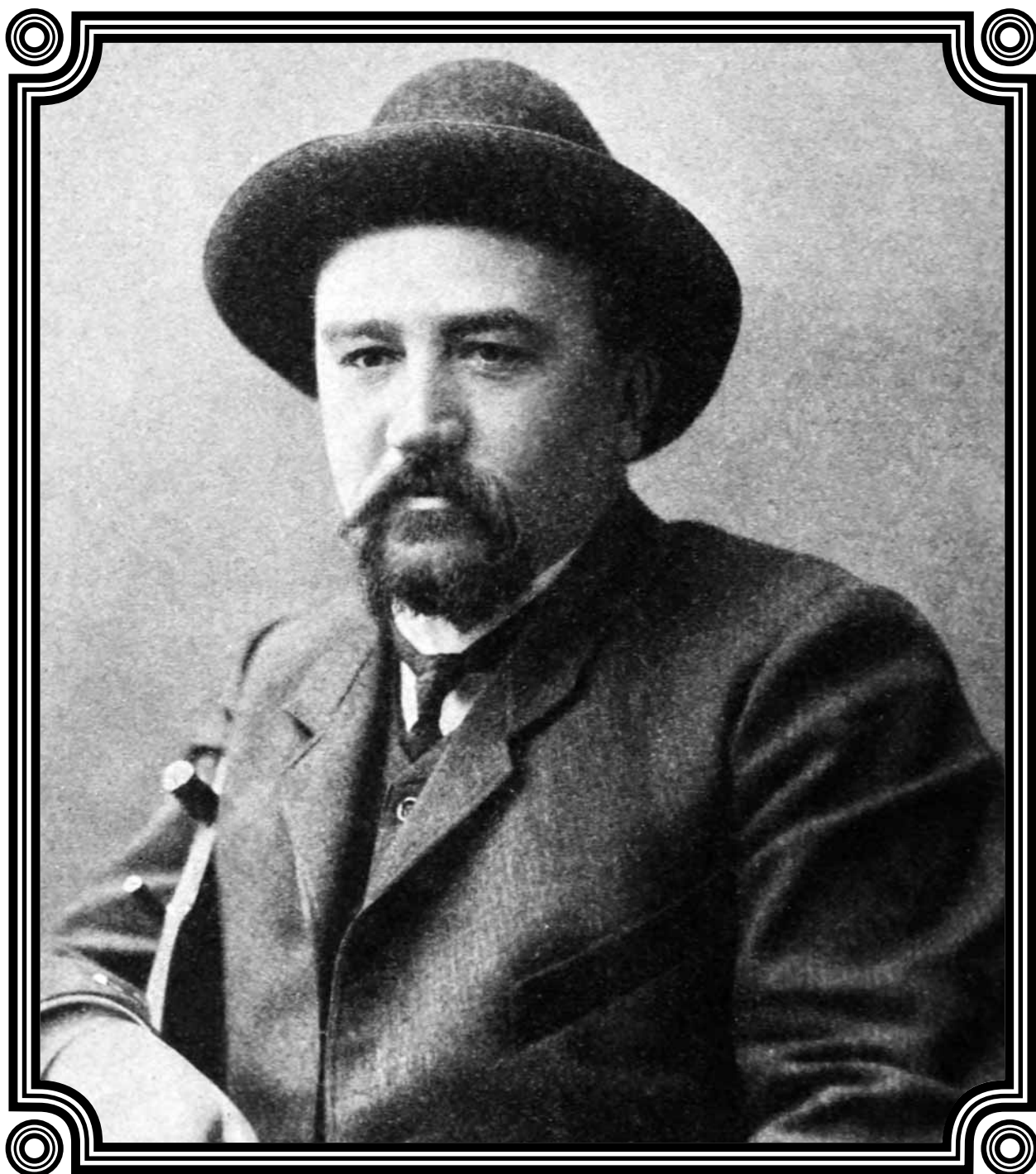
Вино, устрицы, прованские травы — это мантра Лазурного берега о том, что, несмотря ни на что, жизнь удалась, и она все еще в твоих руках.

— Давай-ка, Костик, уходи вон через ту подсобку, — деловито кивнул на дверь кухни Павел Петрович. — Не надо тебе в этих «переговорах» участвовать.

И сел, распрямился в кресле, сложив брови в одну угрожающую линию. □

Алла Зубкова

ПОТОМОК
КНЯЗЯ Кулунчака

Алексеевны, посланного сыну и его невесте накануне их свадьбы.)

Саше исполнился всего год, когда умер от холеры отец. Семья осталась без всяких средств к существованию. После долгих мытарств и унижений Любовь Алексеевна добилась для себя и четырехлетнего сына места во Вдовьем доме в Москве. В этом своеобразном пансионате

вида — словно можно было выглядеть иначе в мешковатой одежде, перешитой из ее собственных платьев. В такие минуты он начинал ненавидеть ее.

Шло время. Любовь Алексеевна больше не могла держать подрастающего сына в «старушечьем царстве», и шести лет он был отдан сначала в сиротское училище, а затем

Г

годы суровой муштры в кадетском корпусе, а затем в юнкерском училище закалили характер юноши. Поручик Куприн, окончивший училище «по первому разряду», был отменным строевиком, великолепным гимнастом и необычайно ловким танцором

не, обители богомольных старушек, шаловливому непослушному мальчугану было, разумеется, очень тоскливо. Иногда отправляясь по делам, мать за нитку привязывала его к кровати, и он покорно дожидался ее возвращения.

Когда Саша немного подрос, мать стала брать его с собой к своим богатым пензенским подругам, жившим с мужьями в Москве. Эти визиты причиняли мальчику немало страданий. Ему было нестерпимо больно видеть, как его гордая мать, которую он боготворил, заискивает перед богатыми знакомыми, стараясь заручиться их покровительством. При этом она не щадила самолюбия и маленького Саши, потешая всех едкими замечаниями по поводу его неказистого

в кадетский корпус. Как-никак, военная карьера должна была обеспечить ему сносное существование и достаточно высокий социальный статус.

Годы суровой муштры в кадетском корпусе, а затем юнкерском училище закалили характер и укрепили мышцы юноши. Двадцатилетний подпоручик Куприн, закончивший Александровское юнкерское училище «по первому разряду», был отменным строевиком, великолепным гимнастом и необычайно ловким танцором. Правда, в его кровь уже проник сладкий яд сочинительства, но первая проба пера — откровенно слабый рассказ, напечатанный в одном из журналов, — принес ему лишь сомнительную славу в среде товарищей, да дисциплинарное взы-

*Любовь Алексеевна —
мать А.И. Куприна*

скание со стороны начальства. Так что о литературной карьере он пока и не помышлял.

Куприн получает назначение в пехотный полк, расквартированный в глухом провинциальном городке Подольской губернии. Бесконечные занятия с солдатами ружейными приемами и шагистикой, стрельбы, попойки в офицерском собрании, короткие романы с полковыми дамами... Чтобы выбраться из этой засасывающей трясины, он решил поступить в Академию Генерального штаба и отправился в Петербург. Однако в Киеве, в плавучем ресторане, у молодого офицера произошла ссора с полицейским приставом. Не долго думая, подпоручик, уже в то время неплохой борец и гиревик, без осо-

А.И. Куприн — кадет

бых усилий перебросил тушу пристава через перила прямо в воды Днепра. На следующий день он с легким сердцем продолжил свой путь в столицу. Эта молодецкая выходка, однако, дорого обошлась Куприну. Пристав, находившийся «при исполнении», подал жалобу по инстанциям, и молодой абитуриент, к тому времени уже сдавший самые трудные экзамены, по приказу высокого начальства лишился права поступления в академию. Возвратившись в полк, разочарованный Куприн подал прошение об отставке.

Чем только не пришлось заниматься ему следующие несколько лет! Он работал репортером в небольших газетах, занимался перевозкой тяжестей, разводил табак —

махорку, служил в театре актером и суфлером, изучал зубо врачебное дело, был псаломщиком и пытался постричься в монахи. Смеясь, он рассказывал, что даже внес свою

лепту в дело пропаганды санитарии и гигиены — продавал оборудование для первых ватерклозетов.

Жизненный опыт, полученный в эти «пестрые» годы, был неоценим

для писателя, а ведь именно тогда он твердо решил встать на эту новую для него стезю, будучи уже автором двух сборников рассказов.

Куприн всегда считал, что писать следует лишь о том, что хорошо знаешь. Как-то без особого успеха пытаясь передать нюансы психологического состояния человека, который должен драться на дуэли, он сетовал: «Какая жалость, что на военной службе я так ни разу и не дрался на дуэли. А ведь было у меня несколько подходящих случаев».

В начале 1902 года в жизни Куприна произошло чрезвычайно важное событие — он женился на Марии Карловне Давыдовой, дочери известной издательницы. Куприн обожал жену, высоко ценил ее литературный вкус, всегда прислушивался к ее мнению. И правильно, кстати, делал. Порой советы Маши помогали ему избегать ситуаций, которые

вал отрывок из «Трех сестер» Чехова. Когда жена обратила его внимание на эту необъяснимую оплошность, Куприн, вспыхнув, как порох, порвал рукопись в клочья и в отчаянии выбежал из дома. В течение нескольких недель Маша, тайком от мужа, папиросной бумагой склеивала обрывки рукописи. Работа была чрезвычайно кропотливой и удалась ей только потому, что она очень хорошо знала содержание всех глав. Прошло несколько месяцев, и как-то Куприн смущенно заметил жене, что, наверное, поторопился, уничтожив рукопись. Улыбнувшись, она вынула аккуратно склеенные главы из бюро и протянула их несказанно обрадованному мужу.

Пути господни неисповедимы. Именно эта повесть позднее сыграла едва ли не роковую роль в их семейных отношениях. Речь об этом еще впереди. Ну а пока несколько слов

Ч

ем только ему не пришлось заниматься! Он работал репортером в небольших газетах, занимался перевозкой тяжестей, служил в театре актером и суфлером, изучал зубоврачебное дело, был даже псаломщиком и пытался постричься в монахи

могли поставить его в неловкое положение. Так, работая над первыми главами своей повести «Поединок», в монологе одного из своих героев он практически дословно использо-

о том, как родился сюжет одного из самых известных рассказов Куприна «Гранатовый браслет». Тем более что без Марии Карловны это произведение не было бы написано.

Трогательная история любви скромного телефонного чиновника к знатной даме и сегодня мало кого может оставить равнодушным. В жизни нечто подобное случилось с подругой детства Марии Карловны, Людмилой Ивановной Любимовой. Историю эту поведал Куприну муж Людмилы, и писатель довольно точно воспроизвел ее. Правда, авторская фантазия расцвела и, так сказать, «облагородила» некоторые детали реальных событий. На самом деле, никакого гранатового браслета не

Да, в недостатке любви и внимания к супруге Куприна упрекнуть было трудно. Тем не менее, их совместная жизнь мало походила на идиллию — слишком уж разными людьми они оказались. Мария Карловна, женщина умная, светская и честолюбивая, задалась целью обуздать буйный нрав Куприна, сделать из него модного и знаменитого писателя. Александр Иванович, однако, испытывал неистребимую неприязнь к светскому образу жизни, в салонах чувствовал себя неуютно,

К

уприн предпочитал богемную обстановку недорогих ресторанов, трактиров, погребков и пивных. Только там он мог по-настоящему отдохнуть душой. Да и типажи, которые там встречались, в других местах просто не водились

было. П.П. Жолтиков (в рассказе Желтков) преподнес любимой женщине весьма безвкусную вещицу — аляповатый браслет в виде толстой позолоченной цепочки. К ней было подвешено маленькое красное эмалевое яичко с выгравированными словами: «Христос воскресе ...» С разрешения Марии Карловны Куприн в своем повествовании «заменил» эту не очень-то импозантную вещицу на старинный, очень изящный браслет, который преподнес ей незадолго до этого. Он вообще любил баловать жену подарками.

предпочитая им шумную богемную обстановку недорогих ресторанов, трактиров, погребков и пивных. Только там, как уверял Куприн жену, он мог по-настоящему отдохнуть душой. Да и типажи, которые там встречались, в других местах просто не водились. Мог ли настоящий писатель пренебречь такой возможностью?

Пусть так, нехотя соглашалась Мария Карловна, но разве подобает тонкому художнику, одному из самых известных писателей России устраивать пьяные дебоши в значимых местах? Вот ведь газеты пишут:

«... писатель Куприн облил горячим кофе драматурга Найденова и разорвал на нем жилет ... Куприн приткнул вилкой баранью котлету к брюху толстяка поэта Рославлева, при этом стал ее резать и есть, после чего оба плакали ... Писатель Куприн кинул в ресторане «Норд» пехотного генерала в бассейн со стерлядью».

Александр Иванович низко опустил голову. Многое из того, что писали газеты, было правдой. Знал он за собой и другой грех — неусидчивость и неорганизованность. Усадить его за письменный стол и заставить работать было ой как нелегко. Марии Карловне порой приходилось прибегать к весьма неординарным способам воздействия на супруга. Работа над уже упоминавшейся повестью «Поединок» из-за постоянных загулов Куприна затягивалась, и Мария Карловна, потеряв терпение, пошла на довольно жестокий шаг. Она, по сути, выгнала Куприна из дома, заставив снять «холостую» квартиру, где он должен был работать над повестью. Навещать ее и их маленькую дочку Люлюшу он имел право, лишь всякий раз предъявляя несколько новых страниц рукописи. Однажды он принес ей часть старой главы. Утром она заявила ему, что так обманывать ее ему больше не придется, и распорядилась на внутренней двери кухни укрепить цепочку (Куприн являлся домой с черного входа, так как для всех общих знакомых они с женой были в ссоре, на грани раз-

вода). Теперь, прежде чем попасть в квартиру, он должен был просовывать рукопись в щель двери и ждать, пока жена просмотрит ее, — если это был новый отрывок, она открывала дверь. Однако работа у Куприна продвигалась медленно, а видеть семью ему хотелось, поэтому он опять пошел на «подлог». И снова бдительная супруга уличила его в обмане. Последовала унижительная для Куприна сцена. Несмотря на все его мольбы, жена дверь ему так и не открыла...

Это было началом конца. Еще несколько раз супруги сходились и расходились. Однако постепенно они становились чужими людьми. Связывала их только дочь — Люлюша. И вот здесь в судьбу Куприна вмешалось само Провидение. Во время болезни дочери Мария Карловна пригласила свою подругу детства Елизавету Морицевну Гейнрих. Лиза очень привязалась к девочке, и та отвечала ей взаимностью. Обрадованная Мария Карловна предложила подруге переехать к ней и присматривать за дочерью.

Куприн не мог не обратить внимания на строгую красоту молодой женщины. В ней была та настоящая чистота и доброта, в которых он так нуждался. Он влюбился в нее без памяти, и однажды на даче под Петербургом во время грозы объяснился ей в любви. Первым чувством, охватившим Лизу, была паника. Куприн не был ей безразличен. В ней уже зарождалась та большая само-

отверженная любовь, которой она впоследствии посвятила всю жизнь. Но у нее и в мыслях не было разрушать семью подруги, лишать Люлюшу отца. Она решила скрыться, бежать. Уехав из Петербурга, Лиза устроилась сестрой милосердия в больнице одного из провинциальных городов. Между тем Куприн, потерявший, как он считал, все надежды на счастье, совсем пошел вразнос и пил сильнее, чем когда бы то ни было.

Один из его близких друзей, Ф.Д. Батюшков, видя, как Куприн губит свое здоровье и талант, взялся разыскать Лизу. Он нашел ее и сумел убедить в том, что разрыв Куприна с женой все равно окончателен, что Александр Иванович губит себя, и что ему нужен рядом именно

такой человек, как она. В конце концов, Лиза согласилась, но выставила условия: Куприн должен перестать пить и поехать лечиться в Гельсингфорс. Весной 1907 года Куприн и Елизавета Морицевна отправились в Финляндию.

Соблазнительно, разумеется, написать, что любовь сделала Александра Ивановича другим человеком, и он совершенно избавился от своего пристрастия к спиртному, но это было бы неправдой. Порой он, как и раньше, любил провести время в ресторане в шумной компании приятелей за стаканом «быстрого напитка» — так называл Куприн водку за ее свойство быстро исчезать под веселые тосты собутыльников. Следует, однако, признать, что та-

кие загулы происходили значительно реже, чем прежде. Лиза делала все для того, чтобы создать так не хватавший Куприну прочный домашний очаг.

Они купили небольшой домик в Гатчине под Петербургом и переехали туда вместе со своей маленькой дочкой Ксенией. Куприн много

семи килограммов мяса в день. Правда, и друзья не оставляли писателя без гостинцев. Как-то «чемпион чемпионов» Иван Поддубный прислал ему из Астрахани «маленький» презент — три пуда зернистой икры! Однако ближе всего из цирковых артистов Куприн сошелся с Иваном Заикиным и, когда тот увлекся воз-

Гражданская война вконец подкосила материальное положение семьи. Денег не хватало даже на пропитание. Выручали сад и приусадебный участок, главной культурой которого стала теперь картошка...

и плодотворно работал, и все же по-прежнему находил время для встреч с друзьями, только приезжали они теперь к нему в «зеленый домик» в Гатчине. Когда у ворот появлялись две гигантские фигуры борцов, чемпионов мира Заикина и Вахтурова, Куприн громко кричал домашним: «Молоток!» — и, вооруженный инструментом, спешил к воротам. Дело в том, что легко отрывалась лишь одна половина калитки, Ваня Заикин с трудом еще мог в нее протиснуться, а вот стотридцатикилограммовый Коля Вахтуров — никак, для него и приходилось открывать вторую половинку.

Куприны были на редкость хлебосольными. Порой Елизавета Морицевна заказывала у мясника до

духоплаванием, стал первым пассажиром, которого Заикин поднял на своем аэроплане. Случилось это в ноябре 1910 года в Одессе. Правда, «вояж» закончился неудачно — ветер понес их «Фарман» на большую толпу собравшихся внизу людей. Чтобы избежать большой беды, Заикин пошел на чрезвычайно опасную посадку: машина врезалась левым крылом в землю метрах в двадцати от публики. Заикин довольно серьезно пострадал, Куприн отделался ушибами.

Начало Первой мировой войны Куприн встретил в Гатчине. Как офицера его мобилизовали, но отправили не на фронт, как он хотел, а на север Финляндии, где он обучал новобранцев. Однако Куприн уже не

тот, что в молодости — сказывались последствия гульбы и бесшабашных лет. Его одолевала отдышка, порой сдавали нервы...

Весной 1915 года он вернулся в Гатчину к семье. Попытался устроить в своем доме скромный, на десять коек, госпиталь, но вскоре средства его иссякли, революция и Гражданская война вконец подкосили материальное положение семьи. Денег не хватало даже на пропитание. Выручали сад и приусадебный участок. Прежде Куприн выращивал там редкие цветы, экзотические сорта

вывешивал на близлежащей мусорной куче. Впрочем, жестокая реальность постоянно напоминала о себе. Как-то июньским вечером 1918 года, как раз во время игры в преферанс, Куприн был арестован революционными матросами и несколько суток провел в помещении петроградского трибунала. К счастью, его вскоре отпустили.

Осенью 1919 года Гатчину заняли белые. Ну а потом ... потом, вместе с отступающими частями армии Юденича, Куприн оказался в Эстонии, в Ревеле. Затем — Финляндия.

О

казавшись во Франции, Куприн понял, что зарабатывать на жизнь писательским трудом — непосильная для него задача. Кому нужны были там произведения пусть и большого русского писателя? Теряющий силы и здоровье, он все чаще впадал в депрессию...

овощей и фруктов, теперь же главной культурой здесь стала картошка. Неустанные труды по уходу за огородом приносили свои плоды. Куприн собственноручно выкапывал по тридцать шесть пудов отборной картошки, и голод больше не грозил его маленькой семье.

Чувство юмора не изменяло Куприну даже в эти трудные дни. Вечера он коротал с соседями за преферансом. Тайным знаком, приглашавшим партнеров расписать пульку, служил пиратский флаг, который он

А окончательно семья обосновалась в Париже. Началась долгая полоса эмиграции.

Зарабатывать на жизнь писательским трудом оказалось для Куприна непосильной задачей. Работалось ему тяжело. Да и кому во Франции нужны были произведения пусть и большого русского писателя? Теряющий силы и здоровье Куприн все чаще впадал в депрессию. Настроение немного поднималось лишь в бистро за стаканом дешевого красного вина. У него ухудшилось зрение, и теперь

*А.И. Куприн. Фотография,
подаренная Бунину*

*А.И. Куприн
в кругу
семьи*

он порой не узнавал прежних знакомых. Заботы о насущных нуждах семьи взяла на себя самоотверженная Елизавета Морицевна. Сначала она открыла небольшую переплетную мастерскую, которая вскоре прогорела. Та же участь в конце концов постигла маленький писчебумажный магазинчик и крошечную би-

блиотеку, расположенную прямо в их квартире. Куприны жили теперь почти исключительно на пожертвования частных лиц. Дочь Ксения работала манекенщицей и иногда получала крошечные роли в кино. Оказывать реальную помощь родителям она не могла. Кстати, о кино. В середине тридцатых к Куприну обрати-

лись какие-то жуликоватые киношники — эмигранты с предложением подписать договор на экранизацию его повести «Яма». Гонорар был абсурдно мал, но сильнее всего Куприна задело то, что ему предложили сыграть в этом фильме роль старого пьяницы. Жена и дочь выставили непрощеных гостей вон. Куприн, разумеется, не мог знать, что через четверть века один из его рассказов, «Олеся», будет экранизирован во Франции и под названием «Колдунья» обойдет экраны всего мира. В этом фильме дебютировала тогда совсем юная Марина Влади.

К середине тридцатых здоровье Куприна значительно ухудшилось. Он очень ослабел, терял зрение и па-

на, как предателя и отступника, но люди, хорошо знавшие его, судили иначе. Вот мнение известной писательницы Н.А. Тэффи: «Его уход — не политический шаг. Не для того, чтобы подпереть своими плечами правительство СССР. И не для того, чтобы его именем назвали улицу или переулок. Не к ним он ушел, а от нас, потому что ему здесь места не было. Ушел обиженный. Ушел, как благородный зверь, — умирать в свою берлогу. Не он нас бросил. Бросили мы его ...»

Приезд Куприна в Москву был обставлен весьма пышно. Торжественную встречу на Белорусском вокзале возглавил первый секретарь Союза писателей СССР Александр Фа-

В

середине тридцатых семья вернулась в Россию. Приезд Куприна был обставлен торжественно. Встречающую делегацию на Белорусском вокзале возглавлял первый секретарь Союза писателей Александр Фадеев. Куприну были созданы все условия для спокойного комфортного существования. Но он был уже очень болен...

мать. Только любовь и самоотверженность Елизаветы Морицевны поддерживали его. Но и ее силы были уже на исходе. Переговоры о возвращении на Родину, которые она вела втайне от всех, в конце концов, увенчались успехом — им были выданы советские визы. Многие эмигрантские газеты клеймили Купри-

деев. Чтобы не волновать мужа, Екатерина Морицевна при посадке в Париже сказала ему, что они едут повидать друга, и лишь при пересечении границы сообщила Куприну, что они направляются в Россию.

Официальная пропаганда трубила о том, как потрясли старого писателя гигантские перемены за про-

шедшие двадцать лет. Вряд ли практически ослепший, почти полностью потерявший память Куприн способен был осознать эти изменения. И все же он был счастлив вернуться на Родину. Теперь, на закате дней, он, должно быть, испытывал то же чувство облегчения, которое переживал маленьким мальчиком в мрачном Вдовьем доме, дождавшись возвращения матери.

Куприну были созданы все условия для спокойного комфортного существования. Но Александр Иванович был уже очень болен. После

операции по поводу рака пищевода ему суждено было прожить меньше двух месяцев. Он страшно тосковал о дочери Ксении, оставшейся в Париже, а безотлучно сидевшей у его постели Елизавете Морицевне шептал: «Я знаю, что иногда схожу с ума и бываю тяжел, но милая, будь со мной милостива». Он ушел из жизни 25 августа 1938 года.

Когда-то в молодости, заболев, Куприн говорил, что, умирая, хотел бы, чтобы любящая рука держала его руку до конца. Что ж, его желание исполнилось ...

Александр Куприн

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

Июльская теплая ночь еще не начинала свежеть, а в воздухе уже чувствовалась близость зари. Мы с Гамовым шли в ногу, тем скорым, эластически широким шагом, который вырабатывается после третьей версты; ни он, ни я, по обыкновению, не говорили ни слова, но я чувствовал, что мой спутник волнуется и хочет заговорить со мною.

Каждую субботу мы встречались с ним на даче у Елены Александровны и вместе оттуда возвращались пешком в Москву. На этих вечерах его присутствие почти не было заметно. Маленький, тщедушный, весь обросший черными волосами, прямыми и жесткими, с короткой, чуточку рыжеватой бородой, начинающейся под самыми глазами, всегда наглухо застегнутый и всегда немного унылый, — он был самым типичным учителем математи-

ки из всех, которых я когда-либо встречал. Странно то, что даже на глаза его никто не обращал внимания, и я сам разглядел их в первый раз только в тот вечер, о котором идет речь. А между тем это были удивительные глаза: большие, черные и постоянно грустные, точно у раненого оленя, на женском лице они заставили бы забыть об уродливости прочих черт, некрасивость же мужского лица делала их незаметными.

На вечерах у Елены Александровны он сидел на террасе, затканной диким виноградом, в самом дальнем углу. До сих пор, когда я вижу вечером освещаемую лампой зелень с ее мертвенным, жидким цветом, я не могу не вспомнить при этом лица и понурой фигуры Гамова. Мне всегда казалось, что его душа обременена крупным невысказанным горем.

По мере того как приходило время прощаться, я начинал чувствовать на себе его просящий взгляд. Случалось, с шапкой в руках, я заговаривался еще на полчаса, совсем позабыв о Гадове. Он молча стоял рядом, не напоминая ни одним звуком о своем присутствии, и только когда я уже окончательно собирался уходить, он постоянно одним и тем же, неизменно робким тоном предлагал себя в спутники. До сих пор мне неизвестно: пользовался ли я его особой симпатией, или просто он считал меня физически сильнее моих товарищей.

Пролесок, которым мы до сих пор шли, кончился. Перед нами открылось ровное, без одного кустика, осеребренное луною поле, сливавшееся вдаль с безоблачным куполом неба. Мы свернули с дороги на росистую траву, заглушавшую шум наших шагов, и я стал поневоле чутко прислушиваться и приглядываться к ночи. Где-то, очень далеко, сполохнулась и завопила в кусте птичка, чирикнув, точно сквозь сон, два раза, по ветру еле-еле донеслось звонкое, тревожное ржание жеребенка. По траве низко стлались седые клочья тумана, они пропадали из глаз и окутывали нас сыростью, когда мы подходили к ним ближе. В воздухе пахло скошенным сеном, медом и росой.

Ночью, в открытом поле, при назойливо ярком свете луны, все чувства приобретают какую-то странную, тонкую восприимчивость. Мне, мало-помалу, начало сообщаться нервное настроение моего спутника, я попробовал было запеть, но сам испугался того напряженного, фальшивого звука, который издало мое горло.

Я почувствовал на своем лице, сбоку, пристальный взгляд Гамова и повернул к нему голову, он, по-видимому, дожидался этого движения.

— Скажите, пожалуйста, — произнес он своим, по обыкновению, вежливым и немного робким тоном, — вы изволили слышать сегодняшние разговоры? — Разговор в этот вечер шел о привидениях, предчувствиях, таинственных дамах в белом и храбрых студентах и офицерах, один из обыкновенных дачных разговоров. — Конечно, все это ерунда, — продолжал Гамов, не ожидая моего ответа, — и говорилось больше для забавы. Но я заметил, что вы не принимали участия в этом разговоре, и потому, смею думать, можете отнестись серьезно к волнующему меня вопросу.

«Эге! — подумал я. — Похоже на то, что готовится излияние чувствительной души».

— Скажите мне... Впрочем, если вам смешно, вы, конечно, можете не отвечать... Бойтесь вы чего-нибудь?

Мне показалось, что он сразу побледнел, предлагая этот вопрос, и я тогда же заметил красоту и печальное выражение его глаз, казавшихся еще чернее и еще больше на лице, освещенном луною.

— Я, впрочем, не то спрашиваю. Не бояться нельзя, потому что это все от нервов. Но что для вас страшнее всего? Чего бы вы не могли забыть в продолжение всей вашей жизни?

Я по опыту знал, как взвинчивают воображение такие разговоры, и отвечал с намерением сухо:

— По правде сказать, я больше всего боюсь маленьких зеленых лягушек.

— Простите, я не знал, что вам этот разговор неприятен, — сказал Гамов и понурил покорно голову.

Мне стало тотчас же жалко, что я на его учтивый и серьезный вопрос отвечал шутловством. Я начал вывертываться.

— Помилуйте, отчего же? Все равно молча идти скучно. Только я хотел сказать, что у меня нервы крепкие и своим воображением я владею настолько, что, мне кажется, сумею не поддаться никакому страху.

Когда Гамов опять заговорил ровным, глухим голосом, то я заметил странную особенность его речи. Он часто переводил дух, но забирал очень мало воздуха и как будто бы захлебывался. Поэтому фразы у него выходили короткими, отрывистыми, а конец их был еле слышен. Вероятно, это происходило от какой-нибудь грудной болезни.

— А я, голубчик, очень многого, почти всего боюсь. Когда я был еще ребенком, меня пугали буками разными, трубочистами, ну, знаете, чем вообще детей пугают. А я был мальчишка очень нервный, восприимчивый. Должно быть, страх-то на всю жизнь во мне и засел. Поверите ли, я дошел до наслаждения страхом, и когда мной овладевает припадок этой подлой робости, я стараюсь еще больше себя расстроить... Возьмите вы, например, самую невинную вещь: лунные ночи. Разве они не ужасны! Холодный свет, не то белый, не то синеватый, именно мертвый... Мертвая, одинокая луна, лишенная жизни и воздуха... мириады серебряных точек... И земля, такая же точка, песчинка, несущаяся в вечный мрак... Ужасно! Все, все мне говорит яснее, что я умру, погибну в одно прекрасное время и что моя смерть необходима для какого-то неумолимо точного мирового закона... Ужасно!.. — Он помолчал секунд десять, часто дыша, и потом продолжил: — Вдвоем еще ничего. А вот когда один идешь, да в таком ровном поле, как теперь, вот тогда напрягаются все чувства. Смотрите, как этот фальшивый свет сгладил все неровности, точно скатерть — поле, и, кажется, конца ему нет... А я иду один и думаю, что нет кругом на целые сотни верст, кроме меня, ни одного живого существа. И откуда ни посмотри, отовсюду меня видно, захоти я спрятаться, так некуда. Но едва я это подумаю, мне уже кажется, что на меня, в самом деле, смотрят невидимые для меня глаза, смотрят отовсюду, куда я только ни повернусь. И спереди, и с боков, и сзади... Всего страшнее, что сзади: так и тянет обернуться. А сердце стучит, так стучит, что и этому «невидимому», наверное, слышно, волосы на голове шевелятся... ужас все тело охватывает...

Последние слова он не произнес, а точно выкрикнул внезапно зазвеневшим горловым голосом. Нервная дрожь пробежала у меня по спине, но я не остановил Гамова, хотя и чувствовал, что он сейчас разойдется. Мною овладело любопытство.

— Всего же, всего страшнее для меня, — в голосе Гамова послышался оттенок таинственности, — это человек. О! Не тот человек, что преграждает

вам дорогу на перекрестке и хватает вас за горло... Это очень просто: ему хочется есть и не хочется работать. Я мужчина и силу сумею отразить силой. Меня, — и голос Гамова вдруг понизился до шепота, — меня пугает то, что в каждом из нас есть одна темная, закрытая для всех наблюдений, ужасная сторона. Я должен начать издалека. Вам не скучно, что я так много говорю?

— Нет, нет, пожалуйста. Мне очень интересно...

— Случалось вам видеть во сне, будто вы сдаете трудный экзамен? Вам задают вопрос, и вы на него никак не можете ответить. Вы усиленно думаете, ломаете голову, но ответ, как нарочно, не идет на ум. Тогда учитель обращается к одному из ваших товарищей, тот отвечает самым правильным и блестящим образом, и вам становится стыдно за ваше незнание. Случалось это с вами?

— Не помню, — отвечал я, еще не понимая, к чему клонит речь Гамова. — Во всяком случае, если я этого самого не видал, то видал подобное. Я понимаю, что вы хотите выразить.

— Понимаете? Ну, и прекрасно. Дальше. Вам, наверное, приходилось когда-нибудь идти по полю и глубоко задуматься. Так задуматься, что, спроси вас, по какой местности вы шли, вы не сумели бы ответить. А между тем вы старательно переступали ямы, обходили грязные места и ни разу не упали. А? Отчего это? И много, много таких явлений... Я из них вывел одну очень странную теорию...

Я, видите ли, думаю, что человеку присущи две воли. Одна — сознательная. Этой волей я ежечасно, ежеминутно управляю своими действиями и постоянно сознаю в себе ее присутствие. Ну, одним словом, она есть то, что всякий привык понимать под именем воли. А другая воля — бессознательная, она в некоторых случаях распоряжается человеком совершенно без его ведома, иногда даже против его желания. Человек ее не понимает и не сознает в себе. Во сне на экзамене отвечает ваш товарищ. Но ведь товарища-то на самом деле нет, отвечаете вы же, и вы же удивляетесь тому, что говорите. Видите, какая двойственность? Даже теперь вот, в настоящую секунду: вы идете, переставляете ноги, махаете руками. Но ведь вы о ваших руках и ногах даже и думать позабыли, потому что заняты разговором. Кто же ими двигает, если не эта вторая, бессознательная воля? А гипнотизм, когда один субъект, против желания, подчиняется приказаниям другого? И много, много... Понимаете вы хоть немного мою мысль? — Глядя на меня своими грустными большими глазами, он как будто бы извинялся за этот странный разговор.

— Понимаю отчасти, — отвечал я неопределенно.

— Так вот этой самой таинственной области в человеке я и боюсь, — продолжал Гамов, опять понижая свой голос до шепота. — Раз эта вторая

воля есть, есть и физический орган, который наряду со всеми прочими органами подвержен болезням. Только человек ничего об этой воле не знает и болезни своей не чувствует: в этом самое страшное. Лунатики, сумасшедшие, преступники с наследственными влечениями, бесноватые, одержимые противоестественными похотями, эпилептики — все эти несчастные, у которых так дико, так неожиданно, так ужасно проявляются их болезни, все они страдают одним и тем же: расстройством их второй воли. Главное — неожиданно и совершенно непонятно. Я боюсь самого себя, боюсь вас, боюсь всякого... Ну вот, например, мы с вами идем, а я вдруг останавливаюсь, беру вас за рукав (Гамов действительно дотронулся до моего рукава, отчего по моему телу пробежала какая-то брезгливая дрожь) и, ни с того ни с сего, делаю страшную, отвратительнейшую гримасу?.. Разве это не страшно? Особенно ночью, в поле, один на один?

Я с болезненным любопытством поглядел в лицо Гамову. Я почувствовал, что, сделай он, в самом деле, сейчас гримасу, я с ужасом, но в ту же секунду повторил бы ее на своем лице. От одной этой мысли мне стало холодно, но, к счастью, гримасы Гамов не сделал.

Мы подходили к тому месту, где дорога разветвлялась на две: одна вела в Москву, а другая — в один из загородных парков. На перекрестке росли две корявые березы.

— Есть у вас папиросы? — спросил Гамов. — У меня все вышли.

Мы остановились на перекрестке, и он стал закуривать. Закуривал он торопливо, и я подумал, что ему пришла в голову еще какая-то мысль. Действительно, затянувшись поспешно несколько раз подряд, он опять заговорил:

— Известен вам тот странный факт, что убийцу влечет к месту преступления? Это, конечно, давно избито и заезжено, но зато еще раз подтверждает мою, вероятно, нелепую теорию. Вы подумайте только: ведь сознательно убийца ни за что не пошел бы. Это и неблагоприятно, и мучительно, и, наконец, совсем не нужно. Однако он идет, идет и идет, и потом ни за что не скажет, почему пришел... Ну, что вы на это скажете?

Я не знал, чем ответить, кроме неопределенного мычания, мне становилось неловко. Когда Гамов снова торопливо затянулся несколько раз подряд, его лицо, то освещаемое огнем папиросы, с длинными тенями от носа и бровей, то опять тонувшее в темноте, показалось мне страшным. К сожалению, я не мог теперь его остановить, потому что чувствовал себя не в силах сделать это. Предрассветный легкий ветерок тронул листья в верхушке березы, под которой мы стояли, и они затрепетали с тревожным шумом. Гамов с силою швырнул недокуренную папиросу об землю и кинул на меня беспокойный взгляд.

— Да вот, например, что. Вообразите, что вы идете не со мной, а с кем-нибудь другим, при совершенно таких же обстоятельствах и после такого же разговора, какой был у нас с вами. Точно так же, как и сейчас, вы останавливаетесь под этими самыми березами... И вдруг ваш спутник, обыкновенно молчаливый и робкий на вид, начинает вам рассказывать, как он два года тому назад на этом, на вот этом самом месте... — Гамов показал пальцем перед собою, голос его ослабевал и обрывался, — убил женщину... И главное, вы видите, что он не шутит, потому что сообщает такие мелочные, такие тонкие и своеобразные подробности, каких ни один психологический писатель не придумает... Ну, хоть вот так...

Гамов задумался, как будто бы что-то припоминая. Давешний ужас опять прополз у меня по спине своими мохнатыми лапами...

— Я все это очень умно устроил (я говорю от имени этого вашего знакомого). Представьте себе: ни отец, ни мать не знали, что она со мной знакома. О! Даже больше: она меня ненавидела, питала ко мне отвращение, но я все-таки сумел овладеть ее волей и воображением до невероятной степени. Если я в полдень проходил мимо ее окна, она уже непременно выходила перед вечером на Тверской бульвар. Это условный знак у нас был такой (видите, какая мелкая подробность). Покорность такая была оттого, что я случайно проник в ее тайну, очень простую тайну: эта девушка имела ребенка. У меня в руках находились вещественные доказательства, а девушка эта была единственным утешением нежных родителей, да, кроме того, сюда и патрицианская гордость примешивалась. Да, черт! Много было подробностей. (Заметьте, все это вам говорит ваш предполагаемый знакомый.) И все это я сумел одеть некоторым туманным покровом таинственности... Шантаж, вы хотите сказать? Вот именно, именно шантаж; самое подходящее слово, хотя все это делалось не из-за выгоды материальной, а потому что ваш знакомый девушку любил, как сорок тысяч... и так далее... Таким образом, я ей приказал однажды летом прийти на определенное место, мы взяли извозчика и поехали за город на дачу. Дача-то, конечно, была пустым предлогом: мы там никого не застали. Пришлось возвращаться назад пешком, вот как теперь мы с вами. Даже ночь была такая же лунная, теплая и душистая... Только теперь, — Гамов вынул из кармана часы и посмотрел на них, близко поднося к глазам, — пять минут четвертого, а тогда мы подошли к перекрестку не позже как в половине второго...

Понимаете? Я ее любил! Она была изумительно хороша, изумительно! Что-то в ней было страстное, непокорное и очень сильное: как женщина, она обещала бездну наслаждений. Она была выше меня ростом, гибкая, с высокой талией и маленьким бюстом, точно у классической богини,

с сильными маленькими руками. Ее пышная натура особенно сказывалась в волосах. Эти золотые, нежные волосы, местами цвета спелого ореха, просто мешали ей. Они не слушались прически и лезли ей на глаза, у нее была милая, грациозная привычка откидывать их назад быстрым движением головы. Это была необыкновенная женщина!

Вы не испытывали никогда этого захватывающего дух сладострастия, когда сознаешь, что любимая тобой женщина, которая тебя презирает, находится в твоих руках и ты ее можешь взять силой? Верно, не испытывали? А у меня в кармане был американский револьвер Мервинга, и каждый раз, опуская руку в правый карман пальто и ощущая холод металлического дула, я думал, что если здесь выстрелить, то ни одна душа не услышит. И каждый раз мне хотелось потянуться от какого-то чертовски сладкого предчувствия... Здесь ваш знакомый, кстати, сообщит вам еще одну деталь: револьвер он взял из того расчета, что от него, во всяком случае, меньше крови...

Боже мой! Какое это наслаждение! Говорить ей о любви, грозить убить ее, вымогать у нее ласки с револьвером у виска! Ах, это — необъяснимое сладострастие... Но знаете... — Гамов вдруг остановился и хрипло, растянуто засмеялся, я не мог пошевеливаться, — все это, конечно, к примеру... Знаете, что она сделала, когда я вот на этом самом месте, где мы теперь стоим с вами, приставил к ее виску револьвер и грубо, ну так грубо, как разве может только пьяный солдат, потребовал, чтобы она мне отдалась? Знаете, что она сделала? Она расхохоталась и назвала меня трусом, неспособным даже на такую подлость. И не то что расхохоталась искусственно, а на самом деле, громко, презрительно так... О, как она была великолепна в эту минуту, и как я сознавал свою собственную мерзость... Но мне было все равно... Я сказал, что сию секунду выстрелю, она не шевельнулась ни одним мускулом и все продолжала смеяться. Глаза у нее стали большие такие и дерзкие... Я едва надавил собачку... у меня пальцы обессилели и затерпли губы... Мысль работала страшно сильно. Я все испытывал себя: могу или не могу? Мне как будто бы интересно было: сильно нужно нажать, чтобы выстрелить? Я жал потихоньку, а со стороны точно сам за собою наблюдал... И вдруг ее лицо вспыхнуло... По долине грохот какой-то дробный прокатился. Я сначала ничего не понимал... И какая подробность чудовищная мне в память успела врезаться: когда ее лицо осветилось, я еще успел на нем разглядеть улыбку!..

Когда я к ней нагнулся, ее висок и часть лба были в крови. Кровь была лужей и на земле, а на ее поверхности какие-то беловатые жирные струйки... Не знаю, может быть, мне это и показалось. Одна прядь ее золотых волос прилипла к ране. Эта подробность у меня несколько месяцев не выходила из головы: все хотелось взять и отвести эту прядь осторожненько

назад... Смерть гадка, страшна и таинственна... Но стоять возле... созерцать, как молодая, красивейшая женщина, за минуту перед тем смеявшаяся, становится холодной вещью!.. И когда я сам, сам, своими руками произвел это таинственное явление!.. Ужасно!!!..

Гамов задыхался. Последние слова он произнес еле слышно, точно в раздумье или в бреду, и закрыл лицо руками. Когда же он отнял руки, я увидел, что его лицо искажено кривой, измученной улыбкой.

— Ну-с! А знаете, что всего страшнее, мой молодой друг? Всего страшнее то, что я знаю ваши теперешние мысли. Вы думаете, что вся эта история произошла не с вашим выдуманном другом, а с самим Гамовым. А убийцу-то вот и потянуло на самом месте преступления рассказать все первому встречному под видом аллегии, так сказать, заглянуть в пропасть? Ну что, правда? Правда?

Когда он это сказал, я в тот же миг с поразительной ясностью понял ту мысль, которая меня давно уже угнетала, и которую я боялся представить себе отчетливее. Наши глаза встретились и не могли оторваться, наши лица сошлись страшно близко. Ужас нечеловеческий — чудовищный ужас сковал мое тело, сжал ледяной рукой мое горло, сдвинул к затылку кожу на моем черепе. Продлись это состояние еще секунды три — произошло бы что-нибудь нелепое. Может быть, я бросился бы бежать и бежал бы до изнеможения, трясясь и падая. Может быть, мы оба с криком кинулись бы друг на друга, как два диких зверя...

Вдали по дороге послышался стук колес, я и Гамов одновременно вздохнули всей грудью, точно пробудясь от страшного сна, и отвели глаза.

— Ну, я не знал, что вы такой нервный, — заметил было шутливо Гамов, но я не отвечал ему.

Во всю дорогу мы не сказали друг другу ни слова и разошлись, не подав друг другу руки.

А на востоке уже пылали багряные, желтые и розовые тона. Сизая тяжелая туча одна напоминала об уходящей ночи, но и она кое-где была прорезана тонкими, длинными полосками червонного золота, и края ее играли нежными переливами розового перламутра.

Гамов перестал бывать у Елены Александровны, а я хоть и бывал, но возвращался с ее дачи в Москву другою дорогой. □

1893 год.

В ДНИ

СОЛОМОН И ТОМОРРЫ!

Растакового-то числа уличная жизнь города Петрограда текла своим обычным порядком. Извозчики, цеплялись колесами за предохранительные решетки трамваев и немедленно же обрушивались на вагоновожатых отборной, круто замешанной бранью. Вагоновожатые отвечали не менее увесисто, стараясь в то же время увернуться от проворного извозничьего кнута, который мелькал перед самой вагоновожатовой физиономией.

Извозничьи седоки ругали трамвайную публику, потому что презирали ее, а трамвайная публика обливала извозничьих седоков самой сочной бранью, ибо трамвайная публика мучительно завидовала извозничьим седокам.

— Награбил денег, акула, вот и разъезжаешь на извозчиках! На фонаре скоро будешь болтаться, а не на извозчиках ездить!

— Молчи ты, плесень трамвайная! Гнида ползучая!..

Пешеходы не вмешивались в эти классовые распри и, если ругались, то строго придерживаясь своего круга. Ругались только друг с другом, пешеход с пешеходом.

— Куда тебя черти несут?! Чуть с ног не сбил, арестант этакий!..

— Вот ты у меня поговори еще! Идешь, как колода: рот распялил до ушей, галок считаешь.

— Да я тебе за галок... Я тебе за галок зубы пересчитаю!

— Свои придержи! Как бы не высыпались.

А на неизмеримой высоте, почти над самым Невским, парил аэроплан.

И пилот его в кожаной куртке и шапке с наушниками был, вероятно, единственный человек, который ни с кем не ругался: вблизи не было другого пилота.

Растакового-то числа петроградская уличная жизнь мирно текла по своему обычному руслу. Погребальная процессия, пересекая в одном месте Невский проспект, столкнулась с целой вереницей ломовиков. Передний ломовик, рыжий, страшный детина, сделал так, что его лошадь очень ловко отрезала заднюю половину погребальной процессии от передней, так что покойник остался позади, а принадлежавшие ему по праву венки и прочее поехало вперед.

— Куда прешь, рыжий дьявол? — заорал факельщик, замахиваясь факелом на ломовика. — Не видишь нешто — покойника везем?!

— А что он за цаца такая, твой покойник? — взревел ломовик. — Сдай назад, сдай назад!!!

— Дай ему факелом по морде! — негодуяще вскричал другой факельщик. — Осади, рыжий! Чтоб тебе с такой лошадейю подохнуть! В самого покойника оглоблей въехал! Осади!

— Много вас тут, покойников, будет ездить! — проревел ломовик. — Да перед каждым еще осаживай! Подвинь гробик-то влево...

— Вот этим бы гробиком тебя да по шее, — вступился родственник покойного.

Поднялся невероятный шум и крик. Все смешалось, сбилось в кучу...

Крышка гроба тихонько пошевелилась, потом приподнялась... Бледное, сердитое лицо выглянуло из гроба.

— И что это за народ проклятый, — в сердцах сказал покойник, перекидывая одну ногу через край гроба. — Похорониться даже не дадут, как следует. Послушайте, ей! Вы, распорядитель похорон? Вот что, голубчик... Я лучше пешком дойду, сторож мне там укажет место... Сил моих нету ехать при таких условиях! А вы тут распутывайтесь, как знаете.

И, растолкав сцепившихся факельщиков и ломовиков, тихо побрел по улице. А петроградская уличная жизнь по-прежнему мирно текла в своих обычных берегах.

И вдруг среди этого мирного течения случилось такое невероятное событие, что очевидцы его даже кулаками глаза протерли: не сонное ли это видение?

Случилось нижеследующее на углу Невского и Караванной — очевидцы это твердо запомнили и точно также показали потом интервьюерам.

Было вот что: по Невскому проезжал на извозчике господин в котелке. И вдруг ветер, ни с того ни с сего, злобно дунул, и у проезжавшего господина котелок слетел с головы, покотившись по торцовой мостовой куда-то вдаль.

Сначала все было все, как обычно: господин растеряно схватился за обнаженную голову, публика на тротуаре весело и радостно засмеялась, извозчик, ехавший сзади, постарался направить лошадь так, чтобы она наступила копытом на котелок... Но тот же ветер откатил его от ног лошади и подбросил под ноги мальчишки, несшего на голове какую-то кладь... Мальчишка, конечно, ударом ноги отбросил котелок обратно на мостовую, но... тут-то и начинается самое удивительное, самое неслыханное и еще более удивительное, чем случай с обидевшимся на порядки покойником.

Когда котелок, подпрыгивая, покатился по мостовой, из толпы выбежал худощавый молодой человек и погнался за ним.

Тот же беспричинно злобный, по петроградской манере, ветер, гнал котелок все дальше и дальше по направлению к Аничкову мосту. Но у молодого человека была разумная воля и ловкость, которой у котелка не было: на углу Фонтанки и Невского он догнал котелок, поднял его и, обмахнув платком пыль, приставшую к полям, понес его владельцу.

Около последнего собралась уже огромная толпа, с напряженным интересом следившая за непонятными, странными поступками молодого человека.

Шли оживленные толки, но мнения разделялись.

— Я знаю, зачем он побежал, — говорил суетливый прохожий. — Догонит котелок, поднимет, плюнет в него, бросит и побежит дальше.

— Ну, это вы слишком от него большого остроумия захотели, — возразил другой. — Просто он, догнав котелок, наступит на него ногой, продавит и пойдет дальше по своим делам.

— А, может быть, он и не за котелком побежал, — высказал предположение третий, — просто увидел вдали знакомого и бросился догонять, чтобы дать ему по морде.

— А не вытащил ли он у кого-нибудь из нас кошелек и не бросился ли просто бежать, независимо от кошелька?

— У тебя вытащишь, — критически заметил первый. — Ты сам такой, что не прочь в чужой карман...

— А вы моей палки не пробовали?

— Что?!! Да я, т-т...

Но тут, как по волшебству, все споры прекратились, и толпа, молча, с глубоким изумлением стала следить за странными эволюциями молодого человека.

Он приблизился к господину, продолжавшему в растерянности сидеть на извозчике, вежливо поклонился ему и подал шляпу.

Все оцепенели.

— Молодой человек! — хриплым от волнения голосом спросил господин. — Зачем вы это сделали?

— Что именно?

— Зачем вы погнались за моей шляпой?

— Как зачем? Чтобы поймать ее и отдать вам.

Глубокое волнение захватило дыхание господина на извозчике.

— Молодой человек! Вы, вероятно, не здешний.

— Да, я только вчера приехал. А что?

— Молодой человек! Я не верю своим глазам!.. Это такой подвиг, такая красота. Такое самоотвержение, что я... Позвольте вас прижать к моему сердцу. Да нет! Этого мало! Я сейчас еду в Думу и потребую, чтобы вам выдали медаль.

— За что же, Господи?

— Как за что? За вежливое обращение. У нас теперь такие поступки награждаются медалью на ленте с надписью.

К месту происшествия со всех сторон бежали интервьюеры. Сзади ковылял фотограф, бормоча с отдышкой: «Молодой человек! Позвольте, я вас сниму для газеты. Это будет ударный номер».

Потрясенная толпа долго не расходилась.

Заметка в газетной хронике:

БЕЗУМНО КРАСИВЫЙ ПОСТУПОК

Вчера одним приезжим молодым господином, не пожелавшим назвать своей фамилии, совершен бесконечно красивый по глубокому внутреннему благородству и внешней безыскусственной простоте поступок: он поднял слетевшую от ветра с какого-то господина шляпу. Ему будет выдана медаль. Президиум общества борьбы с всеобщим петроградским хамством учреждает в университете стипендию его имени.

Этого сейчас еще нет. Но если жизнь будет идти по такому же уклону, как сейчас, то это наступит скоро...

Журнал «Барaban», 1917 г.

P.S. Увы, Аркадий Аверченко оказался плохим провидцем: хамство в России живет и процветает. Так что его рассказ мы отнесли к жанру не-научной фантастики.

ИЗ-ЗА ДВУХ КОПЕЕК

Именно из-за этой суммы и произошла вся дороговизна русской жизни, вся бешеная скачка цен на предметы первой необходимости, на предметы второй и даже на предметы третьей необходимости.

Трудно было автору разобраться в этом, однако ничего — разобрался.

Извозчик Иона Плюгавкин, услышав впервые, что цена на полпорции чая с ситным поднята на две копейки — сначала остолбенел от негодования, а потом, как гром, разразился на всю чайную:

— Это что же т-такое будет, извольте спросить? Это как же? Это за что жа? Эт-та, значит, с человека рубаху снять, так и будьте здоровы? Что же ты две копейки взял только? Ты бы с меня мильон содрал! Что же брать — дери Подохнешь, с собой не возьмешь, паук паршивый!!

— Иди, дядя, иди. Нехорошо ругаться.

— Я пойду, брат, я пойду! — кричал выпроваживаемый извозчик. — Только я этого дела так не оставлю!

И не оставил.

— Извозчик! На Большую Зеленину.

— Положите полтора рублика.

— С ума ты сошел?!

— Нам сходить с ума не из чего. Какие наши достатки, чтобы с ума сходить? Не очень-то тут сойдешь при таких делах... Впору и так прожить, Не до жиру — быть бы живу. А только теперь, барин, раз все подорожало, то иначе никак нельзя...

Извозчик так кричал, что седоку сделалось неловко.

— Вези уж, черт с тобой! И поехал, хотя злость кипела в его сердце.

«Грабители, анафемские, — думал он. — Шкуру содрать готовы. Ну, хорошо же...»

Извозчик был Иван Плюгавин. Седок — владелец магазина живых цветов Трепачев.

— За эти хризантемы 25 рублей? За что же, помилуйте? Тут и двух десятков не наберется.

— Да-с... Такая цена. Нынче, знаете, все дорого: вон извозчики так дерут, что по миру скоро пойдешь.

— При чем тут извозчики? Всегда хризантемы по 7 рублей дюжина стоили, а теперь — с чего же это вдруг?

— Да-с.

— Если бы для кого путного, а то жене покупаю, именинница она. Уступите!

— Не могу-с. Все вздорожало. Извозчики, и вообще разное.

— Очень даже стыдно с вашей стороны. Ну, давайте.

Хозяин магазина был Трепачев. Покупатель — меховщик Тютин.

— За это боа 300 рублей? Да вы перекреститесь!

— Нам, сударыня, креститься не к чему. Давно крещены. А только все теперь вздорожало. Цветы, например, пробовали покупать?

— Зачем мне покупать? Мне дарят. А только раньше это боа стоило двести.

— Двести? — горько усмехнулся хозяин мехового магазина Тютин. — Ох, как вы ошибаетесь, сударыня!

Хозяин не солгал. Покупательница, хорошенькая брюнетка Муся, тайная подруга жизни рыбного и колониального торговца Хапхапова, действительно ошибалась: боа раньше стоило сто рублей.

— Ну, заверните, — сердито сказала Муся. — Я знаю, что теперь делать.

— Муся! Ведь я тебе и так, почитай, восемьсот даю! Неужели мало?

— Мало?! Да ты что ж думаешь, теперь те времена, когда фунт говядины 7 копеек стоил? Нет, дорогой, или с первого числа ты мне даешь полторы тысячи, или...

— Муся! Мусенька! Не надо говорить «или»! Хорошо! Ты знаешь, что я жить без тебя не могу.

Так говорил рыбный и колониальный торговец Хапхапов.

Едучи домой, он шептал:

— Хорошо...покажу этим чертям, где раки зимуют!..

Из газет:

«Вчера в магазине Хапхакова произошел трагический случай. На глазах у многочисленных покупателей скончалась от разрыва сердца вдова губернского секретаря Секлетей Многих.

Вошла она в магазин совершенно здоровой и бодрой и, купив полфунта сахара, мимоходом остановилась у бочонка с зернистой икрой, осведомившись о цене ее. Едва успел приказчик удовлетворить ее любопытство, как она зашаталась, икнула и, бездыханная, повалилась головой прямо в бочонок с икрой. Вытащили ее уже мертвой. Какой-то доброволец из публики взялся доставить ее в мертвецкую, при том, однако, условии, что право съемки со старухи икры (около 1/4 фунта) предоставят ему, добровольцу, в виде гонорара за доставку.

Мы должны отметить, что это уже не первый случай внезапной смерти в магазине Хапхапова, и все от одной и той же причины — разрыва сердца».

Я подумал только: не сделай хозяин чайной надбавки в две копейки, ничего этого не было бы! Сложная штука — жизнь!

«Новый Сатирикон», 1915 г. □

Публикация **Рафаэля Соколовского**.

В истории искусства не так много портретов художников и скульпторов, написанных их собратьями по творчеству. Один из таких пор-

Ирина
Опимах

Михаил Нестеров:

третов — «Вера Мухина» кисти Михаила Нестерова. В конце 1930-х годов все только и говорили о Вере Мухиной и ее грандиозной скульптуре «Рабочий и колхозница», созданной для павильона СССР на парижской Всемирной выставке 1937 года. Произвели впечатление мощь и романтизм скульптуры и на Михаила Васильевича Нестерова. Ему захотелось познакомиться с Мухиной, а, увидев ее, захотелось ее писать. «Она интересна, умна, хотя может быть, слишком специалистка своего дела, вся в нем, в деле. Внешне имеет «свое лицо», совершенно законченное, русское... Руки чешутся написать ее, она согласна».

Ему хотелось показать ее увлеченность скульптурой, преданность искусству, и он решил писать ее за работой. И хотя Мухина, как она сама признавалась, не любила, когда кто-то нарушал ее уединение в мастерской («Я терпеть не могу, когда видят, как я работаю», — признавалась она), но Нестерову Вера Игнатьевна отказать не смогла. Причем позировала она художнику не в рабочей одежде, а в очень красивой блузке, с жабо, украшенной золотой брошью с красным кораллом. (Мухина обожала эту брошь и часто носила — она купила ее еще в 1914 году, до войны, во время путешествия по Италии вместе с Любовью Поповой). Но что она будет ваять во время сеанса? Поначалу Мухина, позируя, лепила

большой бюст, но Нестерову этот «глиняный истукан» решительно не нравился. И тогда он принял решение: из всех работ, бывших в мастерской Мухиной, выбрал статую Борей, бога северного ветра, сделанного для памятника челюс-

кинцам. Мухина словно давала жизнь этому прекрасному боже-ству, взлетавшему с ее рук в небе-са. Борей — именно то, что нужно! Вот он — символ ее мятежной, твор-ческой души. И старый художник увлекся. Мухина рассказывала:

Портрет Веры Мухиной

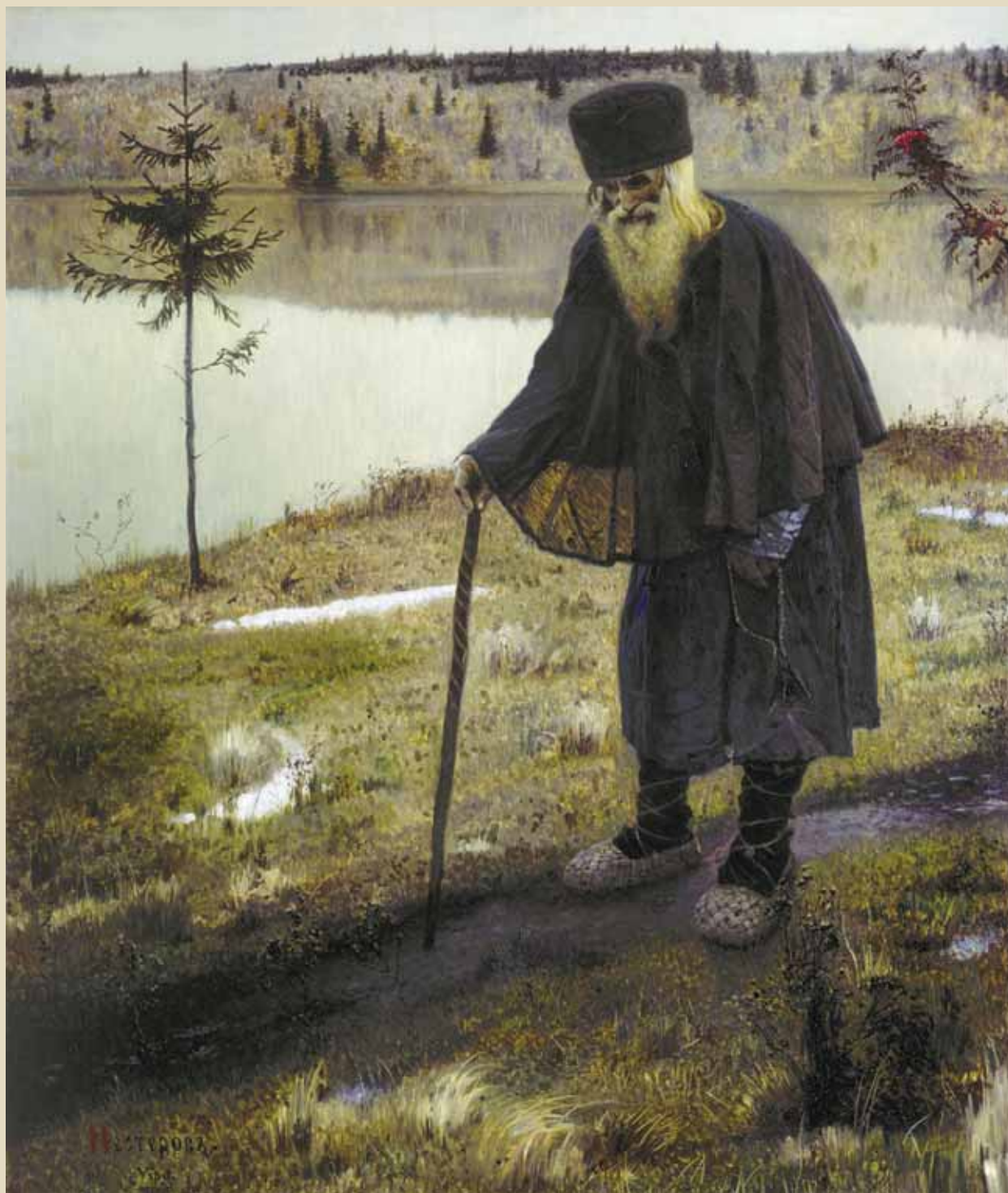
«Он работал со страстным увлечением, с полным напряжением сил, до полного изнеможения. Во время сеансов велась оживленная беседа об искусстве. Но когда он входил в азарт, все умолкало, он самозабвенно отдавался работе».

В свою очередь, Нестерову очень нравилась его модель: «Так вот ты какая! Так и нападает на глину: там ударит, здесь ущипнет, тут поколотит. Лицо горит. Не попадайся под руку: зашибет! Такой-то ты мне и нужна».

Так они работали бок о бок, в перерывах она «подкрепляла его черным кофе», а еще «во время сеансов велись оживленные беседы об искусстве» и о жизни. У каждого из них было что вспомнить...

Наверное, он рассказывал ей о своем детстве в Уфе, о своих родителях, купцах, строго придерживавшихся патриархального уклада, о годах учебы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где его учителями были Крамской и Перов, чьи работы и личность произвели на него неизгладимое впечатление. Наверное, рассказывал он Вере и о том, как был счастлив, когда в 1889 его картину «Пустынник» приобрел сам П.М. Третьяков! Это было уже настоящее признание. Вспоминал, наверное, в те долгие часы работы и о том, какое горе пережил, когда умерла его жена — родила ему дочь, а сама ушла... А потом

были поиски утешения — в работе, в религии. И новая любовь — Екатерина Петровна, Катенька, в которую он влюбился как мальчишка. А она — она полюбила все, что было ему дорого, и стала его самым верным другом. Наверное, Нестеров упомянул за чашечкой кофе и о том, как в 1907-м прошла с большим успехом его первая персональная выставка в Петербурге. Конечно же, рассказывал Вере и о своей работе в Абрамцеве над портретами П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова («Философы»). В последние годы его увлечением стали портреты — решая живописные задачи, он запечатлевал на холсте прекрасные образы своих современников — ярких, умных, поистине творческих людей, каждая встреча с которыми приносила ему счастье. Так он уходил от своего времени, требовавшего приспособленчества и верности идеологии. Так ему удавалось оставаться самим собой, не предавать себя и свой талант. Это было непросто — жизнь вокруг бывала весьма опасной. Многие его друзья попадали в сталинские застенки, лагеря, а многие были расстреляны. В 1938 году вспомнили и о нем: старого художника (ему уже было 76 лет!) арестовали, но, к счастью, после двух недель в Бутырке выпустили на свободу. Причиной ареста стало обвинение зятя художника, известного московского юриста В.Н. Шретера, в шпионаже. Шретера расстреляли, а его жену,

«Пустынник»

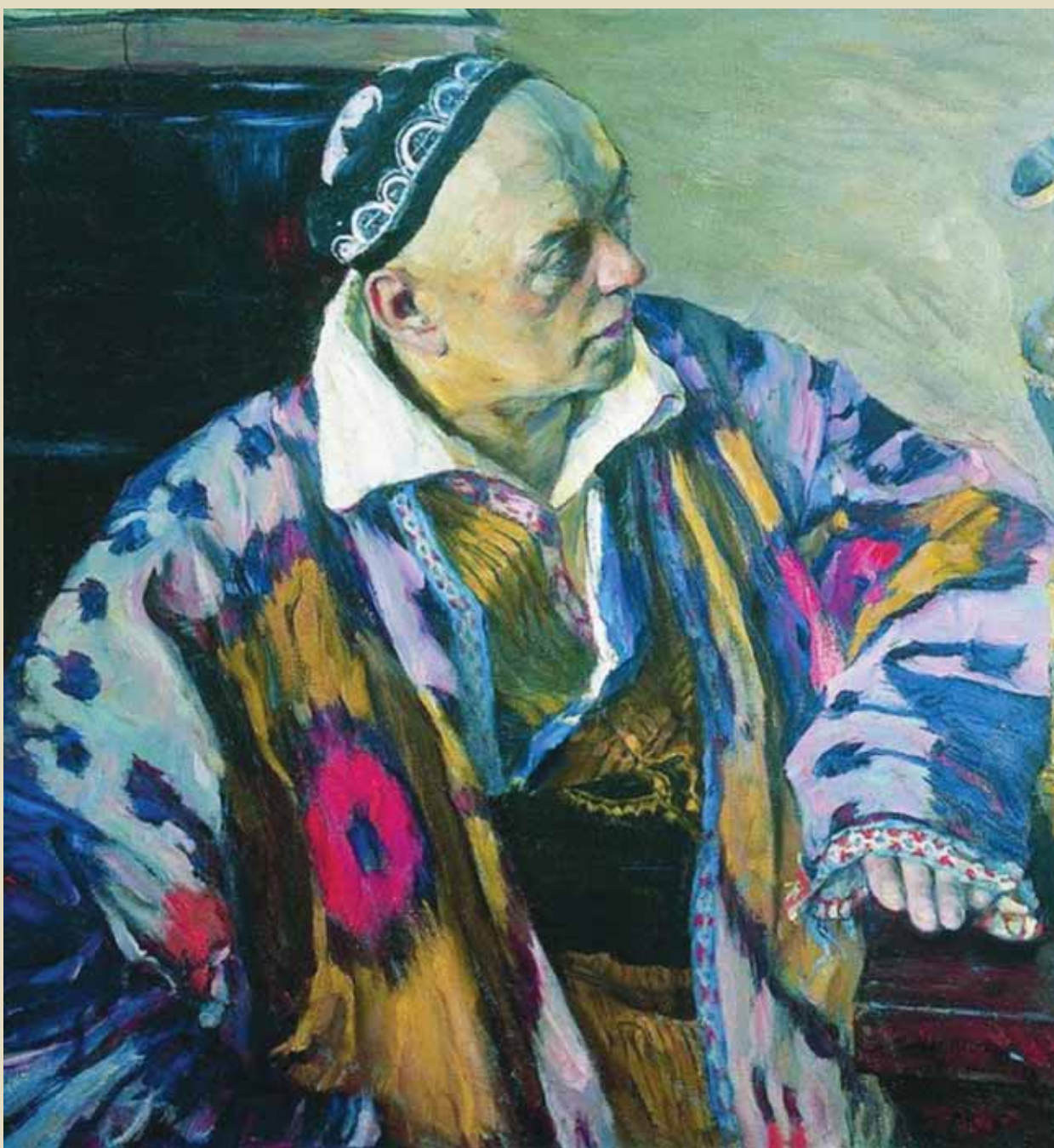
дочь художника Ольгу Михайловну тогда сослали в Джамбул...

Работая, он забывал о своих несчастьях, о страшном времени, в котором пришлось жить, и даже чувствовал

себя по-настоящему счастливым. Как и теперь — создавая образ Веры Мухиной, общаясь с этой яркой, незаурядной женщиной, в жизни которой тоже было много горя...

Вера Мухина родилась в Риге в 1889 году, в очень небогатой купеческой семье. Она рано осиротела — ее мать, француженка, умерла, когда Вере было всего три года. Увлечшись искусством, она поступила в Московское училище живописи, ваяния и зодчества — то самое, в котором учился и Нестеров. Казалось

бы, все складывалось хорошо — у нее прекрасный преподаватель К. Юон, она хорошенькая и пользуется успехом у молодых людей. Но в 1911 году все резко изменилось: в Рождество, катаясь с горы на санках, она врезалась в дерево. Больше всего пострадало лицо. Это было ужасно — очаровательная де-

*«Зима
в скиту»*

Слева:
*«Портрет
Алексея
Васильевича
Щусева»*

вушка в мгновение стала уродиной! По крайней мере, ей так казалось. После больницы заботливые родственники прятали от нее зеркала, забывая, что можно увидеть себя и в вычищенной до блеска кастрюле... С тех пор она никогда не разрешала фотографировать себя в анфас — только вполоборота (вполоборота она и на портрете Нестерова). А потом ее отправили в Париж — на лечение. Мухина использовала это время и для учебы — занималась скульптурой в студии Бурделя.

Когда началась война, Вера решила стать сестрой милосердия. Окончив курсы, она проработала в госпитале все военные годы. Там же познакомилась с доктором Алексеем Замковым. Этот большой, краси-

вый, умный, сильный человек стал ее мужем. (Говорили, что он был прототипом булгаковского профессора Преображенского).

Конечно же, Вера рассказывала Нестерову, как они с мужем спасали их сына Севу — у мальчика обнаружился костный туберкулез. Ни один врач не брался его оперировать, ребенок был обречен на медленное умирание. И тогда отец решил сам делать операцию сыну — и сделал это дома, на обеденном столе, а ассистировала ему жена (недаром она проработала годы в госпитале)! Они победили — мальчик выздоровел, вырос и стал талантливым физиком.

Ну и потом судьба Веру не баловала. Замков, работавший у знаме-

*Портрет
Екатерины Нестеровой —
жены художника*

нитого генетика Н. Кольцова в Институте экспериментальной биологии, изобрел первый в мире гормональный препарат — гравидан, волшебным образом повышавший тонус и силы человека. Ученого, несмотря на весьма обнадеживавшие результаты клинических испытаний, тут же объявили шарлатаном, началась жесточайшая травля. Замков и Мухина даже решили бежать за границу, но их арестовали, когда они уже ехали в поезде. Обвинение было серьезным — им инкриминировалось стремление продать научные секреты врагам Советской России! Су-

пругов отправили на Лубянку. Мухину вскоре отпустили, а доктору пришлось провести несколько месяцев в Бутырке, после чего его сослали в Воронеж. Вера последовала за мужем.

Спустя четыре года благодаря высокопоставленным пациентам они вернулись в Москву. В то время им очень помог Горький, доктору даже позволили создать свой институт. Но преследование ученого не кончилось. В 1938 году институт закрыли. Работать ему не давали, а работа была смыслом его жизни. От переживаний здоровье его резко ухудшилось, он тяжело болел. В 1942 году Замков после второго инфаркта скончался. Ему было всего 59 лет! Сколько бы еще он мог сделать! Его похоронили на Новодевичьем кладбище, памятник изготовила, конечно, она, Вера. «Я сделал для людей все, что мог» — выгравировано на нем. После похорон Мухина сожгла все дневники мужа — боялась, что они могут навредить сыну.

Не все хорошо складывалось и в ее творческой жизни. Ее грандиозному творению, 21-метровой скульптуре из нержавеющей стали «Рабочий и колхозница», украшавшему советский павильон на Всемирной Парижской выставке, никак не могли найти место в столице, и только в 1939 году монумент установили у северного входа Выставки достижений народного хозяйства. Многие идеи Мухиной так и остались

идеями, этюдами, набросками, не воплощенными в жизнь замыслами. Среди них — и памятник челюскинцам с Бореем, изображенным на картине Нестерова. Это тоже очень символично — Борей так и не взлетел. У нее, члена Академии художеств, народного художника РСФСР, лауреата нескольких Сталинских премий, не было при жизни ни одной персональной выставки! Внешне казалось, что она добилась всех мыслимых и немыслимых успехов, но «успешная» Мухина не была счастливым человеком. И Нестерову удалось это показать — показать ее сдержанность и страсть, ее внутреннюю свободу и печать времени, которое сделало все, чтобы эту свободу обуздать.

«Девушки на берегу»

Михаил Нестеров закончил портрет Веры Мухиной в 1940-м, и его тут же купила Третьяковка. Это был предпоследний портрет, написанный художником. А последней работой стал портрет Алексея Васильевича Щусева, в шелковом бухарском халате и тюбетейке. Удивительное дело — в свои почти 80 лет Нестеров продолжал работать, с годами его мастерство совсем не угасало.

А потом началась война. И тут старый художник всех удивил — он ни за что не хотел уезжать из Москвы в эвакуацию, и более того — во время бомбежек отказывался спускаться в бомбоубежище. Он убеждал всех, что немцам в Москве

не бывать. В самый тяжелый момент, когда враг уже стоял совсем рядом, он написал воззвание и прочитал его по радио. Воззвание это было адресовано не правительству, не гражданам России, а непосредственно Москве, москвичам. Он вспомнил всех своих любимых героев, начиная с Сергия, вспомнил Наполеона и других врагов России и Москвы, а в заключение сказал: «Никому из них преодолеть нас не удалось, никому. Немцам в Москве не бывать!» Несомненно, это произвело на всех, слышавших его тогда, ошеломляющее впечатление, ведь казалось, Москва вот-вот падет, а этот старик, уже фактически на пороге смерти, вдруг говорит о грядущей победе, да с такой верой, с такой убежденностью!

Но до победы было еще долгих, мучительных четыре года... Во время очередной бомбежки в дом Нестерова попал вражеский снаряд, вырубилось электричество, перестала течь вода из крана, и старого художника положили в больницу. Он вернулся домой, в свой дом на Сивцевом Вражке через полгода, но обострились старые болячки, пережитое давало о себе знать. Михаил Нестеров умер 18 октября 1942 года. Последней его работой стал пейзаж «Осень в деревне», навеянный строками Пушкина «Уж небо осенью дышало». На обороте холста надпись: «Дарю «Осень в деревне» жене моей Екатерине Петровне в память сорокалетия нашей свадьбы 20 июня 1902 г. Михаил Нестеров 1942 г. Июнь».

А Вера Игнатьевна Мухина умерла в 1953 году, всего за полгода до смерти Сталина, пережившей все в нашей стране. И кто знает, как бы дальше сложилась ее творческая жизнь, если бы ей удалось прожить еще хотя бы несколько лет. В своем завещании она написала: «Не бойтесь рисковать в искусстве». Как делала это она, стало понятно в 1989 году, когда Третьяковская галерея открыла большую выставку, посвященную столетию скульптора. Ее портрет кисти Нестерова висел на центральной стене зала, встречая посетителей выставки. И как тогда, в далеком 1940 году, Ве-

ра Игнатьевна отправляла в небеса прекрасного Борея...

Эту замечательную работу Нестерова можно было увидеть среди других его прекрасных портретов и на его персональной выставке в Третьяковке, состоявшейся в 2013 году.

Портрет, побывавший и в Хельсинки, Дели, Бомбее, в Нью-Йорке, на Всемирной выставке в Брюсселе, продолжает свою жизнь в стенах Третьяковской галереи, напоминая о двух замечательных художниках — Михаиле Нестерове и Вере Мухиной. □

Слева:
*«Святая
Русь»*

*«Осенний
пейзаж»*

Молодая одаренная актриса театра и кино Алла Юганова служит в театре Ленком, и снялась в 34-х картинах. Романтичная, тонкая натура, одухотворенная личность, она запомнилась и полюбилась зрителям по театральным работам: Кончита («Юнона и Авось»),

Алла Юганова:

Сольвейг («Пер Гюнт»), Марианна («Тартюф»), Нина Заречная («Чайка») и по многим другим. Ее также можно увидеть в Государственном театре Наций, где она в спектакле «Стеклянный зверинец» исполняет роль Лауры. А еще Алла прекрасно поет и является солисткой группы «Девушкин сон».

— В театре Ленком состоялась премьера спектакля «Щелкунчик», расскажите об этом, пожалуйста.

— Сюжет знаменитой сказки Гофмана известен всем, но молодой режиссер — дебютант Сергей Дьячковский поставил этот спектакль в жанре стори-теллинг, то есть рассказчик повествует историю, когда дети, Мари и Фриц, уже выросли и пытаются разобраться: что же это было — сказка или же реальная новогодняя история? Я играю Мари.

Не скрою, что мне очень хочется сказки в жизни. Забыть о материальном, о быте... С раннего детства люблю сказки, и всегда с огромным нетерпением ждала Деда Мороза на Новый год, с радостью наряжала красавицу-елку, и верила, что куклы оживают в «Щелкунчике», верила в чудеса, наверное, дольше других детей...

— В кино вы снимаетесь давно и много. Есть на сегодняшний день новые работы?

Белый. Съемки проходили в сжатые сроки, можно сказать, что в экстремальных условиях. Надеюсь, что картина понравится зрителям.

— В театре у вас очень многообразные роли — и классика, и современность. А есть еще не сыгранная, о которой мечтается?

— Раньше мечтала сыграть Анну Каренину, но спустя время, с рождением дочери, внутри меня что-то изменилось. Сейчас «тянет» не на

«Я до сих пор люблю сказки и верю в чудо...»

— Режиссер Владимир Хотиненко снял картину «Наследники», и это для меня большое событие. В фильме играю детского психолога — очень одухотворенного человека. Все действие картины происходит в телестудии, как бы в прямом эфире. Фильм «Наследники» посвящен юбилею преподобного Сергия Радонежского, в 2014 году отмечалось семьсот лет великому русскому святому.

Речь в фильме идет о вечных, непреходящих ценностях. Хороший актерский состав: Александр Балухев, Агриппина Стеклова, Анатолий

трагизм, а на светлые, оптимистичные роли. В последнее время, когда читала киносценарии, они меня мало радовали, персонажи очень похожи друг на друга, можно сказать, все одинаковые. В театре появляется новая драматургия, хочется попробовать свои силы. Хотелось бы поучаствовать и в каком-нибудь музыкальном проекте.

— И это понятно, ведь многие знают, что вы не просто прекрасно поете, а являетесь вокалисткой группы «Девушкин сон»...

— Мое музыкальное творчество было несколько приостановлено в связи с тем, что моя доченька еще совсем маленькая. Сейчас у нас новый виток — мы объединились с продюсером Евгением Поздняковым, и у нас начнется концертная деятельность. Скоро появятся и клипы. Выступаем мы в основном в ночных клубах Москвы, но хотим развить нашу концертную деятельность, участвовать в различных музыкальных фестивалях. Мне это интересно, потому что сама себе могу быть режиссером, все выстраивать так, как мне это ближе. Целиком я раскрываюсь именно в музыкальном творчестве.

— Вы играете в театре Наций в спектакле «Стеклянный зверинец» по пьесе Тенниси Уильямса. Чем театр Наций интересен творческим людям?

— Театр Наций дает возможность раскрыться молодым режиссерам. Дебютанты ставят спектакли, среди них есть выпускники режиссерских факультетов ГИТИСа. Спектакли пользуются популярностью у зрителей.

«Стеклянный зверинец» поставил Туфан Имамутдинов. Пьеса во многом автобиографическая. Мать семейства — Аманда Уингфилд постоянно третирует своих уже взрослых детей. Режиссер не ограничивается извечной проблемой «отцов и детей». Он затрагивает тему личной свободы человека, тему свободы Личности. Марина Неелова играет

Аманду. Это событие — работать на одной сцене с такой Актрисой. В спектакле заняты также Евгений Ткачук и Павел Кузьмин.

— Вы не так давно гастролировали с этим спектаклем в Питере, как вас там принимали?

— Великолепно! Я люблю питерскую публику. Она очень доброжелательная и открытая.

— А в своем родном Ленкоме какая роль вам ближе всего?

— Мне нравится играть Сольвейг в «Пер Гюнте», по натуре я — романтик, и этот образ мне очень близок. Роль большая по объему, эмоциональная, глубокая, заставляющая зрителя о многом задуматься.

У нас в театре состоялась премьера спектакля «Борис Годунов», и актерская работа Александра Збруева, он исполняет в спектакле главную роль, просто потрясающая! Встречи с такими Личностями, как Инна Михайловна Чурикова, Марк Анатольевич Захаров — это всегда творческое обогащение, всегда развитие. Общение с ними сравнимо с чтением книги.

— Алла, расскажите немного о своей семье. Кто, на ваш взгляд, больше всего занимался вашим воспитанием?

— Моя мама, а примером всегда была старшая сестра. Они задали мне вектор — куда двигаться в жизни. Мама — педагог по классу фор-

тепиано, музыкант. Красивую музыку я слушала и полюбила с раннего детства. Папа мой пишет стихи, но нигде не публикуется, он очень скромный человек. У него одна из самых больших коллекций джаза в Москве, и я благодаря этому прослушала много отличной, селекционной музыки. На папины стихи мы с группой «Девушкин сон» записали музыку, и родилась — баллада! Красивая получилась музыкальная композиция. А в театральный институт я поступила в пятнадцать лет, всегда мечтала о сцене, ведь театральная сцена — это Волшебство!

— Вы — тонкий, ранимый человек. Вам, наверное, бывает нелегко в жизни?

— Мне не нравится вмешательство в мое личное пространство. Я не люблю грубить, ругаться, не могу быть жесткой. Мне импонируют деликатные люди. Считаю, что человек должен уважать другого и всегда чувствовать грань дозволенного.

— Актрисам, традиционно, дарят цветы, а какие цветы вы любите?

— Полевые, мне нравятся большие букеты из мелких ромашек. Я с удовольствием занималась бы флористикой, мне кажется, что в процессе взаимодействия с землей есть особая энергетика, человек очищается, становится лучше.

— **Вы любите путешествовать?**

— У меня есть мечта — совершить кругосветное путешествие. Хотелось бы отправиться в далекую экзотическую страну — Мексику, и обязательно с дочкой, когда она подрастет!

— **Что бы вы могли пожелать читателям «Смены»?**

— Внутренней гармонии, не быть «в разводе» с самим собой. Нужно быть счастливым сегодня, сейчас, а не мечтать об этом. И еще — постарайтесь сделать счастливыми других, насколько это возможно... □

Беседовала
Елена Воробьева

Внизу: группа
«Девушкин сон»

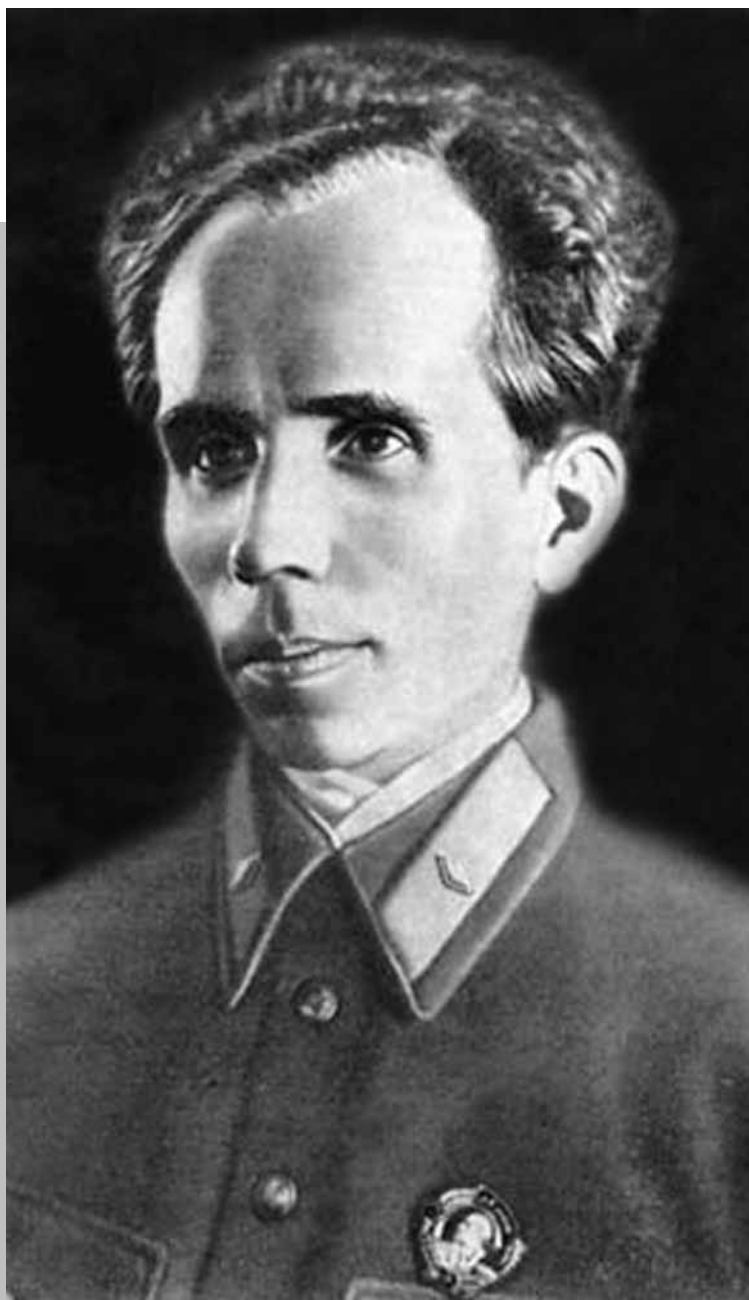
Денис Логинов

КАК ВЫПЛАВЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

«Раньше я решительно протестовал против того, что эта вещь автобиографична, но теперь это бесполезно. В книге дана правда без всяких отклонений. Ведь ее писал не писатель.

Я до этого не написал ни одной строки. Я не только не был писателем, я не имел никакого отношения к литературе или газетной работе. Книгу писал кочегар, ставший руководящим комсомольским работником. Руководило одно — не сказать неправды».

Николай Островский

Он дважды мог умереть от тяжелых ранений в Гражданскую войну. Он мог уйти из жизни в тифозном бараке, согнуться в ледяной воде, спасая лес. Пустить пулю в лоб, когда в 18 лет узнал, что его ждет полная неподвижность и слепота. Прикованный к постели, скрюченными пальцами он писал книгу-исповедь. Автобиографическую повесть «Как закалялась сталь» подправили, а из автора — Николая Островского — сделали идола, «идеал человека и революционера».

Миллионы школьников заучивали наизусть строки: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз...» В советские годы не вспоминали, что, отказываясь расстреливать белых, «пламенный революционер» даже попал под суд. Ни звука о том, что доносил на своих соседей по дому «непролетарского происхождения». Он не мог принять нэп, а в последние годы перед смертью часто повторял: «Со всем не то построено, за что мы боролись».

Биографию Николая Островского, автора одного-единственного романа, опубликовать который было очень трудно, приходится собирать по крупицам из разных источников. Поскольку анкеты, которые он заполнял в течение своей короткой жизни, сильно отличались друг от друга в зависимости от обстановки в стране, а друзья и соратники не успевали оставить воспоминаний — умирали, исчезали...

Многие исследователи биографии писателя не могли найти письменных подтверждений фактам биографии, так как, по словам самого Николая Алексеевича Островского, немало документов пропало. В музеях писателя хранится лишь несколько

подлинных документов. Есть и несколько автобиографий, написанных в разные годы, которые не во всем совпадают.

Дело в том, что надо хорошо представлять себе то трудное время, когда о человеке часто судили, исходя из его происхождения. Поэтому, например, вступая в комсомол или партию, многие желавшие быть принятыми, не упоминали о реальном прошлом своих родителей. Так вот, Николай Алексеевич Островский в своих ранних собственноручных автобиографиях писал, что отец его был рабочим солодового отдела на винокуренном заводе.

А на самом деле?

Николай родился 29 сентября 1904 года в Украине, в селе Вилия, на западной границе Российской империи. Это было многонациональное село — там жили украинцы, русские, белорусы, поляки, евреи, чехи, эстонцы, латыши. Во время Великой Отечественной войны оно было сожжено, кроме дома Островского, где находился музей писателя. Экспозиции представляют не только жизненный и литературный путь писателя, а и историческое течение жизни села Вилии. По случаю сотой годовщины со дня рождения автора романа «Как за-

ную храбрость был награжден двумя Георгиевскими крестами. После отставки еще несколько лет прожил в Петербурге.

Он работал акцизным чиновником, то есть был государственным служащим. Его уважали крестьяне, среди односельчан он пользовался большим авторитетом. Дети очень любили отца. Екатерина Алексеевна Островская, сестра писателя, говорила о своем отце:

«Он был очень добрым, хорошим человеком, никогда нас не обижал».

Мать — Ольга Осиповна, была в два раза моложе мужа. Она про-

Д

етство было самым счастливым временем в короткой и трагической жизни Николая Островского. Закончилось оно в 1914 году, когда отец потерял работу, и семья переехала в Шепетовку

калялась сталь», здание музея-усадьбы писателя Николая Островского в селе было отреставрировано, а экспозиция обновлена.

Николай был младшим ребенком в семье потомственных военных: и дед, и отец его были унтер-офицерами, участвовали в боевых действиях, имели ранения и награды. С детства Николай Островский привык ими гордиться. Отец — Алексей Иванович — участвовал в Русско-турецкой (Балканской) войне, в самых тяжелых боях за Шипку и Плевну. За проявлен-

исходила из семьи чешских переселенцев. В отличие от мужа, была малограмотна, но отличалась ярким самобытным характером, образной речью, насыщенной чешскими, русскими и украинскими поговорками, блистала остроумием и тонким юмором, обладала поэтическим складом души, в память о сыне сочиняла стихи.

В Вилии семья жила в достатке, у них был большой дом, земля, сад, по дому Ольге Иосифовне помогала прислуга. Среди ближайших

родственников и друзей семьи были учителя, священники, военные, служащие Вилийских заводов (в селе их было два).

Николай Островский с раннего детства выделялся своими способностями. В Вилии в 1913 году с отличием и похвальным листом окончил церковно-приходскую школу, когда ему было только девять лет. Детство осталось самым счастливым временем в короткой и такой трагической жизни Николая Островского.

Это счастливое время рухнуло в 1914 году. Отец потерял работу, и пришлось продать дом, землю, раздать долги за строительство дома. Семья переехала в Шепетовку, которая находилась в 85 километрах от села Вилия, возле большой железнодорожной станции. Там Николай Островский поступил в только что открытое Высшее начальное училище.

Его отрочество и юность пришлись на годы крупных мировых потрясений, свидетелем которых он стал: Первая мировая война, Октябрьская революция, Гражданская война, закончившаяся на Украине только в 1920 году. В Шепетовке часто менялась власть: город занимали и немцы, и белополяки, части Красной и Белой армий, петлюровцы, разные банды, которых немало было в те годы на Украине.

Остается только удивляться, что в таких условиях занятия в Высшем начальном училище не прекраща-

лись. Когда у училища отбирали помещение, занятия проходили на квартирах. Заслуга в этом принадлежит организатору и первому директору Высшего начального училища Василию Константиновичу Рожановскому. Его воспоминания о Николае Островском, ставшие доступными лишь в 1990-е годы, вместе с воспоминаниями соучеников Островского, донесли до нас образ многогранно одаренной, неординарной личности.

В училище-школе Островский был признанным лидером, все годы учащиеся избирали его своим представителем в Педагогический совет школы (в первые годы после революции в школах существовало такое демократическое правило). Поэтому подпись Островского, вместе с фамилиями директора и преподавателей, стояла на аттестатах первых выпускников Единой трудовой школы. В 1921 году Николай и сам получил аттестат.

Параллельно с учебой он работал, его трудовая биография началась в двенадцатилетнем возрасте: сначала трудился помощником на кухне вокзального ресторана, затем кубовщиком, рабочим материальных складов, подручным кочегара на электростанции.

Впоследствии он писал Михаилу Шолохову об этом периоде своей жизни:

«Я — штатный кочегар, и насчет заправки котлов был неплохой мастер».

Тяжелая работа не мешала романтическим порывам Островского. Его любимыми книгами были «Спартак» Джованьоли, «Овод» Войнич, романы Купера и Вальтера Скотта, в которых отважные герои боролись за свободу против несправедливости тиранов. В юности он читал друзьям стихи Брюсова, буквально проглотил

«Илиаду» Гомера и «Похвалу глупости» Эразма Роттердамского.

Воспитанный на романтически-авантюрных книжных идеалах, Николай принял Октябрьскую революцию с восторгом. Сблизился с местными большевиками, во время немецкой оккупации участвовал в подпольной деятельности, в марте

1918 — июле 1919 года был связным Шепетовского ревкома.

20 июля 1919 года вступил в комсомол. «Вместе с комсомольским билетом мы получали ружье и двести патронов, — вспоминал впоследствии Островский, — поскольку сразу же уходили на фронт — сражаться против врагов революции».

Сначала он служил в дивизии Котовского, затем — в 1-й Конной армии под командованием Буденного. Участвовал в борьбе с повстанческим движением в частях особого назначения (ЧОН). В августе 1920 года в одном из боев был тяжело ранен в спину шрапнелью (по другим источникам — на всем скаку упал с лошади, получив ранение в голову и в живот). Все это жесточай-

ш тротехническом техникуме, и вместе с первыми комсомольцами Украины был мобилизован на восстановление народного хозяйства. Участвовал в строительстве узкоколейной дороги, которая должна была стать основной магистралью для обеспечения дровами вымирающего от холода и тифа Киева. Это были страшные послевоенные годы, когда в стране царил разруха во всех сферах жизни. Холод и голод стали главными испытаниями для всей страны.

Учащихся техникума посылали и на заготовку дров. Зимой жили в холодном, неотопливаемом помещении. Там Островский простудился, заболел брюшным тифом и в бессознательном состоянии был отправлен домой.

В

училище-школе Николай был признанным лидером. Все годы учащиеся избирали его своим представителем в Педагогический совет школы, и подпись Островского стояла на аттестатах выпускников вместе с фамилиями директора и педагогов

шим образом сказалось на его здоровье, и в 1922 году восемнадцатилетний Островский был отправлен на пенсию.

После демобилизации Николай нашел себе применение на трудовом фронте. Окончив школу в Шепетовке, он, без отрыва от производства, продолжил учебу в Киевском элек-

Усилиями родных ему удалось справиться с болезнью, вернуться к работе и учебе. Николай уже был переведен на второй курс техникума, который преобразовали в институт, и стал бы студентом института, но воспользоваться этим уже не смог, так как опять простудился, спасая в ледяной воде лес. Учебу после этого

Павка Корчагин — персонаж романа «Как закалялась сталь»

пришлось прервать, и, как оказалось, навсегда. В 1922 году, в 18 лет, Николай Островский узнал о том, что впереди его ждет полная неподвижность.

Начался длительный процесс лечения. Теперь больницы, клиники, санатории и другие медицинские учреждения стали занимать большую часть времени в его жизни. Состояние человека, оказавшегося в подобной ситуации, испытываемые им душевные муки, Островский передаст в романе «Как закалялась сталь» через образ главного его героя — Павла Корчагина.

А пока, хотя Николай уже с трудом ходил с палочкой (одна нога у него не сгибалась), он решил работать. В 1923 году приехал к се-

стре Екатерине в Берездов — город на Волыни. А еще через год стал секретарем комсомольской организации Изяславского района.

Во время работы в Берездове и Изяславле главной его задачей была организация комсомола в этих самых отсталых пограничных районах. Со свойственной ему самоотдачей, умением увлечь за собой молодежь, будучи в постоянных разъездах по району, он даже за стол

короткое время смог создать комсомольские ячейки в селах, деревнях, хуторах, там, где до этого не было ни одного комсомольца.

Работа в Берездове и Изяславле была не только сложной, но и опасной. Через границу молодого советского государства прорывались вооруженные банды. В борьбе с ними участвовали части особого на-

значения (ЧОН), бойцом которых был и Островский. Он не давал себе ни в чем пощады, и, несмотря на тяжелую болезнь, необходимость беречься, вместе с отрядами ЧОНа выезжал на борьбу с бандитами. Не приходится удивляться тому, что здоровье Островского резко ухудшилось, и от работы пришлось отказаться.

Осенью 1927 года он начал писать автобиографический роман «По-

альной версии, на состоянии его здоровья сказались ранение и тяжелые условия работы. Окончательный диагноз — «прогрессирующий анкилозирующий полиартрит, постепенное окостенение суставов». Современные врачи, на основании сохранившихся данных о болезни писателя, выдвигают гипотезу, что Островский был болен так называемой «болезнью Бехтерева», которая могла носить наследственный характер.

Постер фильма

весть о «котовцах». Рукопись этой книги, созданная поистине титаническим трудом и отправленная по почте в Одессу бывшим боевым товарищам для обсуждения, к несчастью, потерялась на обратном пути, и судьба ее так и осталась неизвестной.

С 1927 года и до конца жизни Островский был прикован к постели неизлечимой болезнью. По офици-

Николая Островского направили в Харьков, тогда столицу Украины, в Медико-механический институт. В институте с некоторыми перерывами он провел около двух лет, но улучшения не наступило.

«Проклятый институт, — написал он впоследствии — ...так он мне опостылел. Угробил я два года своей жизни ни за грош».

Только в одном Николаю Островскому действительно везло — в друзьях.

Про него можно было смело сказать: «В друзьях особенно счастлив!» В Харькове первым другом для него стал Петр Новиков, всегда готовый прийти на помощь и в течение всей жизни Островского выполнявший его просьбы.

В 1926 году Островский лечился в санатории «Майнаки» в Евпатории, где познакомился с Иннокентием Павловичем Феденевым. А через два года, в другом санатории, — с Александрой Алексеевной Жигиревой.

Феденев и Жигирева принадлежали к той категории революционеров, которых называли «старыми большевиками». Это были люди высоких идеалов, необыкновенной нравственной чистоты: они вступили в партию еще до революции, прошли тюрьмы, ссылки, каторги, жертвовали своим здоровьем ради осуществления своей мечты — создания на земле общества социальной справедливости.

Эти люди стали для Островского вторыми родителями, недаром он называл Жигиреву «второй мамой», а ласково «Шурочкой». Их отношения не сводились только к сочувствию, это была деятельная дружба, постоянная, непрерывающаяся, они помогали ему и материально, и в решении бытовых проблем, и в издательских делах.

После неудачного лечения в санаториях врачи посоветовали Островскому жить на юге, и он отправился в

Новороссийск, к одной из своих теток. У Ольги Осиповны было четыре сестры. Внучка одной из них, Раиса Мацюк, стала женой сначала Николая Островского, а после его смерти женой старшего брата Николая — Артема.

В Новороссийске они прожили два года, причем Николай передвигался уже только на костылях.

Появившееся свободное время он использовал для самообразования. Очень много читал — А. Пушкина, Н. Гоголя, Л. Толстого, а среди современных писателей особо выделял и любил М. Горького.

А еще его привлекала литература о Гражданской войне, ему хотелось разобраться в событиях того времени, очевидцем которого он был в отроческие годы: «Железный поток» А. Серафимовича, «Мятеж» и «Чапаев» Д. Фурманова, повести В. Иванова и Б. Лавренева, «Города и годы» К. Федина. Книги ему приносили домой библиотекари, которые дополнили список друзей.

«Принесенных стоп в 20–30 книг ему едва хватало на неделю», — отмечала жена. Да и в его библиотеке была не одна тысяча книг! А начиналась она, по свидетельству матери, с журнального листа, в который хотели завернуть ему селедку, но он принес селедку, держа за хвост, а журнальный лист положил на полку...

В эти годы в быт входило радио, и Николай, приобретя радиоприемник, был счастлив: еще одна ни-

точка, связывавшая его с внешним миром.

В конце 1927 года Островский поступил в Коммунистический университет имени Я.М. Свердлова и радостно поделился этой новостью с друзьями:

«Учусь заочно, лежа».

Казалось бы, довольно несчастий на одного человека. Но нет, теперь начали болеть глаза.

«Получаю удар за ударом», — писал он друзьям. Едва примирившись с одним, другой, немилосерднее первого, обрушился на него. Врачи запретили ему читать, чтобы не переутомлять глаза. Чем жить? Пока удалось остановить воспаление глаз, но, как потом окажется, только на время.

Позже Островский решил поселиться в Сочи. В письме «Шурочке» в ноябре 1928 году он описал свою «политическую организационную линию»:

«Я с головой ушел в классовую борьбу здесь. Кругом нас остатки белых и буржуазии. Наше домоуправление было в руках врага — сына попа...»

Несмотря на протесты большинства жильцов, он через местных коммунистов добился того, чтобы «сына попа» убрали.

«В доме остался только один враг, буржуйский недогрызок, мой сосед... Потом пошла борьба за следующий дом... После «боя» он тоже нами завоеван... Тут борьба классовая —

за вышибание чуждых и врагов из особняков...»

Да, и такая «борьба» была в жизни несгибаемого большевика-инвалида.

В письме от 26 ноября 1928 года он писал:

«Вокруг меня ходят крепкие, как волы, люди, но с холодной, как у рыб, кровью. От их речей веет плесенью, и я их ненавижу, не могу понять, как здоровый человек может скучать в такой напряженный период. Я никогда не жил такой жизнью и не буду жить».

Кстати, квартиру для Островских снимала «вторая мама» — А. Жигирева, она же хлопотала в Ленинграде, где жила сама, чтобы Островским предоставили в Сочи свое жилье, и использовала для этого свои дружеские связи с влиятельными «старыми большевиками», с которыми вместе была на каторге.

Вскоре Островские, благодаря ее хлопотам, получили квартиру. Жигирева оказывала молодой семье и материальную помощь: присылала деньги, когда из-за бюрократических проволочек Островскому несколько месяцев не высылали пенсию. Материально жилось трудно, Николай Алексеевич говорил, что «бывали дни, когда в доме не было корки черного хлеба».

Осенью 1929 года Н. Островский вместе с женой приехал в Москву, где ему должны были сделать операцию на глазах у одного из лучших специалистов в этой области — М. Авербаха. Но из-за непрекращающегося

воспалительного процесса сделать ее не удалось. Каким-то чудом удалось получить небольшую комнатку в густонаселенной коммунальной квартире, где Островский целыми днями оставался в одиночестве: «чтобы больного не беспокоили соседи», жена, Раиса Порфирьевна, запирала его на ключ, уходя на работу.

Осенью 1930 года Островский, измученный болями и одиночеством, приступил к реализации своего давнего замысла — написать книгу. Его руки еще сохраняли небольшую подвижность. Но... как же писать слепому?

Он сам придумал приспособление, получившее название «транспарант»: в верхней крышке картонной канцелярской папки были сделаны параллельные прорезы, которые направляли его руку, не давая строчкам набегать одна на другую. Николай гордился, что «сам записывает книгу».

Правда, написанное приходилось буквально расшифровывать: буквы «набегали» одна на другую, и разобрать текст было трудно. Его переписывали добровольцы-друзья и посылали харьковским друзьям, чтобы отпечатать на машинке. Если не удавалось разобрать написанное, на помощь приходил сам автор: он помнил текст наизусть. Процесс был трудным и долгим.

«Я взялся за непомерно тяжелый труд. Все против меня, но за меня моя ослиная упрямоść», — признавался он другу.

Вскоре Островский начал диктовать текст родным, тем, кто был свободен. В это время в их небольшой комнате собралось три родственные семьи: Островский с женой, их матери, брат Раисы Порфирьевны с женой, ее сестра с маленьким сыном, сестра Островского с дочкой — всего девять человек.

И, тем не менее, диктовать родным удавалось не часто. Тогда Островский просил соседку Галю Алексееву записывать за ним текст под диктовку. Умная, образованная, тактичная девушка оказалась бес-

ные боли, которые не давали сосредоточиться.

Когда позже он работал в Сочи над второй частью романа, ему очень не хватало его «добровольного секретаря», ее умения и трудолюбия. Остальные — а их было немало — не обладали такими качествами. В ЦГАЛИ есть фотокопии рукописи романа, которые зафиксировали почерки 19 человек. Официально считается, что Островский диктовал текст книги «добровольным секретарям».

В октябре 1931 года все девять глав были закончены и отпечатаны.

В

оспитанный на романтически-авантюрных книжных идеалах, Николай принял Октябрьскую революцию с восторгом. Он сблизился с местными большевиками, во время немецкой оккупации участвовал в подпольной деятельности, был связным Шепетовского ревкома, а в июле 1919-го вступил в комсомол

ценным помощником для слепого писателя.

Они прекрасно понимали друг друга, и большинство оставшихся глав первой части книги были записаны рукой Гали Алексеевой под диктовку автора за довольно короткий срок. При этом — абсолютно бескорыстно. Они работали с большим напряжением, прерываясь только тогда, когда Николаю становилось совсем плохо: его мучили острые, мучительные голов-

После нескольких дней «генеральной чистки» рукописи — Островскому читали текст вслух — было отпечатано три экземпляра текста, на первой странице которого написали: «Как закалялась сталь».

Теперь встала не менее сложная задача: как напечатать книгу? Островский вновь надеялся на помощь друзей: один экземпляр рукописи отослали в Ленинград А.А. Жигиревой, второй — в Харьков П.Н. Новикову. В Москве роль

*С женой —
Раисой Пор-
фирьевной*

«литературного агента» была возложена на И.П. Феденева.

В Ленинграде А.А. Жигирева делала все для издания книги. «Я читала рукопись и плакала», — писала она Н. Островскому о своем впечатлении от книги. Однако куда бы она ни обращалась, книгу не печатали: рукопись брали, читали, везде хвалили, но не печатали, автор, мол, никому неизвестен. Не было удачи и в Харькове. Островский с напряжением ждал решения участи своего тру-

да. В этом теперь был сосредоточен весь смысл его существования.

В Москве Иннокентий Павлович Феденев, передав рукопись в издательство «Молодая гвардия», никак не мог получить ответ. Наконец он добился рецензии, но она была не просто отрицательной — разгромной: «выведенные типы нереальны». Что ж, забыть обо всем и опустить руки?

Но Феденев не успокоился. Он отправился в редакцию журнала «Молодая гвардия» и попросил о по-

вторном рецензировании, сопроводив просьбу подробнейшим рассказом о необыкновенном писателе. Не напечатать произведение после этого было просто невозможно, хотя бы по идеологическим соображениям.

Вторая рецензия была, как и следовало ожидать, положительной. После этого рукопись редактировали заместитель главного редактора «Молодой гвардии» Марк Колосов и ответственный редактор Анна Караваева. Островский признавал большое участие Караваевой в работе с текстом романа, также он отмечал участие Александра Серафимовича, который «отдавал мне целые дни своего отдыха». Так что над текстом работали, по меньшей мере, три известных писателя.

С автором заключили договор, выплатили ему гонорар, который равнялся сумме его полугодовой пенсии, и он вновь почувствовал себя «в строю», как часто любил говорить.

В апреле 1932 года журнал «Молодая гвардия» начал публиковать роман Островского, в ноябре того же года первая часть вышла отдельной книгой, за ней вышла и вторая часть. Роман сразу же приобрел большую популярность в СССР.

В тексте встречались и грубые опечатки, ошибки. Но, несмотря на все недостатки, главное — это была победа, победа над судьбой, над болезнью. Автор радовался, ведь для него, наконец, «открылась дверь в литературу», и горячо благодарил своих друзей за помощь в подго-

товке книги. Он писал им, что его победа — это их победа.

В конце 1932 года он получил авторские экземпляры романа, вышедшего отдельной книгой. Этот день стал для Островского настоящим праздником. Он тут же составил список родных и друзей, которым хотел подарить книгу. Первой в этом списке была его мать — Ольга Осиповна, которую он в дарственной надписи назвал своим «верным часовым».

В 1933 году Николай Островский в Сочи продолжил работу над второй частью романа, а через год вышло первое полное издание этой книги. Помимо работы над книгой ему требовалось отвечать на письма, теперь не только родным и друзьям, а и читателям. Эти письма ему пересылали из журнала «Молодая гвардия». Редакция не переставала удивляться их количеству: за все время существования журнала ни одно напечатанное в нем произведение не имело такого читательского отклика.

Письма читателей, высокая оценка ими романа очень поддерживали писателя. Он приступил к работе над новым романом — «Рожденные бурей».

К Островскому пришли практически сразу официальное признание, слава и достаток. Ему предоставили отдельную квартиру в Москве, машину, в Сочи построили дом (писатель успел отдохнуть в нем одно лето 1936 года). Теперь он не только содержал семью, но щедро посылал деньги и подарки друзьям, которые

в свое время спасали его от полуголодного существования.

Новая двухкомнатная квартира Н.А. Островского — в самом центре Москвы, на улице Горького, 40 (ныне Тверская, 14, где находится музей писателя). В рабочем кабинете было все необходимое: кровать, письменный стол для работы секретарей, радиоприемник, книжный шкаф, диван, два кресла для гостей, телефон. В комнате две электропечи поддерживали специальную температуру в +25° С, необходимую больному. Чтобы яркий свет не действовал раздражающе на незрячие, но не перестававшие болеть глаза Николая Алексеевича, абажур закрывали красной тканью. По этой же причине окно комнаты было зашторено тяжелыми темными занавесками, они не пропускали яркий свет и заглушали звуки с улицы.

1 октября 1935 года Николай Алексеевич Островский был награжден высшей наградой страны — орденом Ленина. Орден ему вручали в Сочи 24 ноября 1935 года. После этой церемонии Островского сфотографировали рядом с женой Раисой, которая... давно ушла от него. Но нужно было поддерживать имидж идеальной «ячейки общества», поэтому в торжественных случаях супруги демонстрировали полную гармонию отношений. Хотя сам Островский очень не любил, когда жена приезжала его навещать.

Свои отношения с ней он честно отразил в первоначальной пу-

бликации романа в журнале «Молодая гвардия», но партийная цензура, с которой он был вынужден считаться, заставила все это вычистить. У «идеального героя» и жена должна быть «безупречно верным товарищем».

И, тем не менее, Островский был счастлив.

«Нет сил описать, что мы в эти дни пережили, — писала Ольга Осиповна Александре Жигиревой. — Просто не верится, что так далеко и так обширно о Коле известно».

1935 год Николай Алексеевич считал самым счастливым в своей жизни. «Кто бы мог подумать, что у меня будет такой счастливый конец жизни, — писал он своему другу, — ведь, если, скажем, я нечаянно погибну, чего я не хочу, то это будет гибель на боевом посту, а не на инвалидных задворках».

Слова про «гибель на боевом посту» не случайны: в 1936 году Островский был зачислен в Политуправление Красной армии со званием бригадного комиссара, чему немало радовался и по праздникам надевал комиссарский мундир.

«Теперь я вернулся в строй и по этой, очень важной для гражданина Республики линии».

Хотя что и как он мог делать на этом посту по «очень важной для Республики линии» — непонятно, но со стороны правительства это был, конечно, очень красивый и широкий жест: даже полные инвалиды в СССР — в строю.

В марте 1935 года в газете «Правда» был опубликован очерк Михаила Кольцова «Мужество». Из него миллионы читателей впервые узнали, что герой романа «Как закалялась сталь» Павел Корчагин — не плод фантазии автора. Что именно автор этого романа — и есть герой. Островским начали восхищаться.

Однажды, недовольный некоторыми семейными сценами романа, какой-то критик написал, что они способствуют «разжижению гранитной фигуры Павки Корчагина». Николай был возмущен — гранит не строительный материал для живого человека. Назвал статью вульгарной:

«Сердечно болен, однако ответу ударом сабли».

Одна из его добровольных секретарей, Мария Барц, оставила нам свидетельство того, что его беспокоило при диктовке:

«По-человечески ли получилось? Не лубочно ли? Не слишком ли ортодоксален Павел Корчагин? Не плакатен ли?»

Он напрасно волновался. Образ главного героя романа Корчагина был автобиографичен. Писатель переосмыслил личные впечатления и документы, и создал новые литературные образы. Революционные лозунги и деловая речь, документальность и художественная вымысел, лиризм и хроника — все это соединилось у Островского в новое для советской литературы художественное произведение, и для многих поколе-

ний советской молодежи герой романа стал нравственным образцом.

Все почести пришли к Островскому, когда ему оставалось жить чуть больше года. Он настаивал на поездке в Москву, чтобы продолжить работу над романом «Рожденные бурей»: ему требовалось наводить справки в московских архивах, встречаться с участниками описываемых событий. Но консилиум врачей дал страшное заключение: жить осталось, возможно, всего один ме-

же названием, что и утраченный ранний роман, но на другой сюжет). Он успел написать первую часть, но роман был признан слабее предыдущего, в том числе самим Островским.

День писателя был четко распisan: когда диктуется роман «Рожденные бурей», когда отвечают на письма, какие часы отводятся для приема гостей — ведь теперь круг желающих побывать у него стал очень обширен. Последние несколько месяцев жизни он был окружен

К

азалось бы, довольно несчастий на одного человека. Но нет, теперь у Николая начали болеть глаза. Врачи запретили ему читать. Измученный болями и одиночеством, он приступил к реализации своего давнего замысла — написать книгу. Его руки еще сохраняли небольшую подвижность. Но как писать слепому?.. Он придумал приспособление, получившее название «транспарант», и гордился тем, что сам «записывает книгу»

сяц. Врачи запретили писателю переезд в Москву, но он настоял на своем, и ему, вопреки предсказанию, удалось вырвать у судьбы еще год жизни.

В начале декабря 1935 года Островский, в сопровождении сестры Екатерины Алексеевны, врача М.К. Павловского и друга Л.Н. Берсенева, поехал в специальном вагоне в Москву, где вплотную приступил к работе над новым романом (под тем

всеобщим почетом, принимая на дому читателей и писателей. Но в первую очередь — это, конечно, были его старые друзья.

Летом 1936 года, по просьбе Островского, новую книгу обсуждали на выездном заседании президиума Союза советских писателей в Москве. Заседание проходило на его московской квартире. Первое слово предоставили Николаю Алексеевичу. Он призвал критиковать его

без скидок «на особенности его положения». Общее мнение участвовавших в обсуждении свелось к тому, что писатель одержал новую победу. Но ему указали и на ряд недостатков, и он дал слово в течение месяца доработать роман с учетом высказанных замечаний.

О необычной судьбе Николая Островского узнали не только в нашей стране, но и за рубежом. Английские журналисты сначала не

верили в реальное существование такого автора, считая, что книгу писала бригада опытных писателей в пропагандистских целях. Мысль эта была развеяна, когда они побывали дома у писателя. «Бедный Островский обладал чем-то большим, чем просто умением. Он был в известном смысле гением», — заявили они.

Лето 1936 года Островский провел в Сочи, в новом доме, построенном для него правительством. Здесь

его посетил известный французский писатель, лауреат Нобелевской премии Андре Жид. О своей поездке в СССР он написал книгу «Возвращение из СССР», которая содержала резкую критику советского строя.

Но Николаю Островскому в книге была отведена отдельная глава, проникнутая искренней любовью и преклонением перед его мужеством.

«Если бы мы были не в СССР, я бы сказал: «Это святой». Вот наглядное доказательство того, что святых рождает не только религия», —

написал французский писатель об Островском.

Лауреат Нобелевской премии Ромен Роллан летом 1936 года прислал ему письмо, где благодарил за поздравление с юбилеем. В письме этом были и такие строки:

«Я восхищаюсь Вами с любовью и восторгом. Если в Вашей жизни и были мрачные дни, сама она явится источником света для многих тысяч людей... Вы останетесь для мира благотворным, возвышающим примером победы духа над предательством индивидуальной судьбы».

Слова эти оказались пророческими. Книга «Как закалялась сталь» вышла за рамки чисто литературного произведения. Она стала учебником мужества для тех, кто в самые тяжелые моменты своей жизни искал и находил в ней необходимую поддержку.

Мировая известность Островского стремительно росла. Еще при его жизни роман «Как закалялась сталь» был издан в Японии, Чехословакии, напечатан в еженедельной газете в Нью-Йорке, готовился к изданию во Франции, Англии, США, Голландии.

Последний месяц жизни Николай Алексеевич был занят внесением поправок в роман. Он трудился «в три смены» и собирался уже дать себе передышку, но... не успел. 22 декабря 1936 года сердце Николая Алексеевича Островского остановилось.

В день его торжественных похорон, 26 декабря, книга вышла

в свет — рабочие типографии набрали и отпечатали ее в рекордно короткие сроки. Экземпляры книги дарили близким и друзьям на похоронах писателя, на Новодевичьем кладбище.

Надо отдать должное и его супруге Раисе — она долгие годы работала в Музее Островского, поло-

потрясало! То была торжественная трагедия».

Трагедийность той эпохи мы хорошо видим сегодня. Тогда видеть ее было запрещено, ведь «жить стало лучше, жить стало веселее»... Даже трагедия могла быть только оптимистической. Спектакль запретили, и участь режиссера нам известна.

В

се почести пришли к Островскому, когда ему оставалось жить чуть больше года. Он настаивал на поездке в Москву, чтобы продолжить работу над романом «Рожденные бурей» и покопаться в московских архивах, но врачи категорически запретили поездку, сделав страшное заключение: жить осталось, возможно, всего один месяц. Но Николай, вопреки предсказанию, вырвал у судьбы еще год жизни

жила много сил на увековечение памяти Николая. (Кстати, только недавно были найдены в архивах документы, из которых следует, что Николай Островский был под судом — в годы Гражданской войны он отказался участвовать в расстрелах белых.)

Мейерхольд поставил спектакль о Павке Корчагине по инсценировке романа, сделанной Евгением Габриловичем. За несколько лет до своей смерти Евгений Иосифович Габрилович рассказывал, какое это было грандиозное зрелище:

«На просмотре зал взорвался овациями! Это было так жгуче, так

Роман трижды экранизировался и выдержал более 200 изданий на многих языках мира. До конца 1980-х годов он занимал центральное место в школьной программе.

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

И это все о нем... □

Светлана
Бестужева-Лада

ЖЕНСКОЕ

ЛИЦО ВОЙНЫ

В гражданской войне с обеих сторон участвовало немало женщин, чаще всего — медсестер и санитарок, гораздо реже — бойцов. Судьбам их трудно позавидовать, а описание этих судеб — не менее трудно найти. Но есть одна женщина, которая еще при жизни стала легендой, а после смерти — и вовсе символом. Только непонятно, что именно символизировала Мария Бочкарева, всегда чуравшаяся политики и одинаково равнодушно относившаяся и к «красным», и к «белым». В любом случае, жизнь простой сибирской крестьянки вполне может стать основой любовно-авантюрного романа в военных декорациях. Но обо всем по порядку.

Мария Фролкова родилась в 1889 году в бедной крестьянской семье в Новгородской губернии. По «столыпинской программе» семья через какое-то время переехала в Сибирь, где получила большой земельный надел недалеко от Томска и материальную помощь.

Там же Мария в пятнадцать лет вышла замуж за своего односельчанина — Афанасия Бочкарева. В церковно-приходской книге сохранилась запись от 22 января 1905 года:

«Первым браком, 23 лет, православного вероисповедания, прожи-

вающий в Томской губернии, Томском уезде Семилукской волости деревни Большое Кусково взял в жены девицу Марию Леонтьевну Фролкову, православного вероисповедания...»

Увы, супруг оказался горьким пьяницей и склонным к рукоприкладству. По характеру гордая и независимая, Мария терпеть этого не пожелала и ушла от мужа, не побоявшись осуждения односельчан. Она перебралась в Томск, где нашла место прислуги в публичном доме, несмотря на свое непримиримое отношение к «аморальному образу жизни». Увы, судьба сыграла с ней злую шутку.

Мария случайно познакомилась с одним из посетителей публичного дома и без памяти влюбилась в него. Предметом любви оказался вор и бандит Янкель (Яков) Бук, наводивший страх на город. Когда его, наконец, арестовали и приговорили к ссылке в Якутск, Мария бросила все и отправилась по этапу вслед за возлюбленным.

Увы, ссылка не способствовала исправлению Якова: на поселении он принялся за прежние дела и вскоре был уличен. Пытаясь спасти любимого от высылки еще дальше — в Колымск, Мария добилась аудиенции у якутского генерал-губернатора и подала ему прошение о помиловании Бука. Губернатор согласился, но поставил условие, чтобы взамен смелая и красивая женщина подарила ему свою благосклонность. Она подарила...

Губернатор сдержал слово, но Мария переживала свое «падение» очень тяжело и даже пыталась отравиться. Оправившись, она все рассказала Буку — «облегчила душу». А тот, обезумев от ревности и ярости, вломился в кабинет «соблазнителя», которого не убил только чудом: пятеро охранников быстро скрутили Якова. Так что Бука все-таки выслали — в глухое якутское селение Амга. Мария последовала за ним и оказалась в Амге единственной русской женщиной. Правда, прожила она там недолго: Яков так и не простил ей измены, и прежние отношения с возлюбленным постепенно сошли на «нет».

И тут грянула Первая мировая война. Всю страну охватил патриотический подъем, очень многие записывались добровольцами в действующую армию. Мария покинула Якова и вернулась в Томск, решив «записаться в солдаты». С этой просьбой в ноябре 1914 года в Томске она обращалась ко многим ответственным лицам, но везде получала предложение пройти ускоренные курсы медсестер и в этом качестве отправляться на фронт.

Мария упрямо продолжала настаивать, пока кто-то в насмешку не посоветовал ей обратиться прямо к государю-императору. Чувство юмора у девушки отсутствовало, поэтому она на последние деньги отбила телеграмму на «высочайшее имя» и... получила разрешение Николая II быть зачисленной вольнонаемной в солдаты. Стоит ли рас-

сказывать об изумлении местного начальства?

В феврале 1915 года Мария с маршевой ротой отправилась на фронт и там оказалась в 28-м пехотном Полоцком полку 7-й пехотной дивизии. Солдаты обычно давали друг другу клички, и Мария, не чуждая сентиментальности, выбрала себе псевдоним «Яшка».

ротный командир, она сама повела солдат в атаку, и враг был отброшен.

Ей присвоили звание младшего унтер-офицера, а за выдающуюся доблесть Бочкарева была награждена Георгиевским крестом. Полученные за годы войны медали она просто не считала.

Дважды отважная женщина была ранена, но оставалась в строю.

*Женский
«батальон
смерти»*

Удивительная женщина без малейшего признака страха ходила наравне с мужчинами в штыковые атаки и по собственной инициативе исполняла обязанности сестры милосердия — оказывала раненым первую помощь и при возможности вытаскивала их с поля боя. Насмешливое первоначально отношение окружающих к Бочкаревой сменилось уважением и популярностью среди солдат. Поэтому, когда в одном из боев погиб

Третье ранение — осколком снаряда в бедро — оказалось не только тяжелым, но и роковым. «Яшке» пришлось провести в лазарете четыре месяца, а за это время резко изменилась обстановка в стране и на фронте.

Февральская революция, казалось, перевернула все и везде: на фронте, прямо на боевых позициях, шли митинги, где призывали к миру. Местами происходили даже так на-

зываемые «братания с немцами» — они-де тоже подневольное «пушечное мясо». Растерянная, еще не вполне окрепшая после госпиталя Мария никак не могла понять, что происходит вокруг нее.

На один из митингов приехал Председатель Временного комитета Государственной Думы Михаил Родзянко. Случай свел его с Бочка-

добровольцев. «Женщина родила человека, — заявляла Бочкарева, — и мы, женщины, должны показать пример, как надо спасти родившуюся уже свободу».

Ничего подобного до сих пор не было ни у одного из государств, участвовавших в Первой мировой войне. Да и после, если быть предельно точными, тоже никогда не было.

У

дивительная женщина без малейшего признака страха ходила наравне с мужчинами в штыковые атаки и исполняла роль сестры милосердия — вытаскивала раненых с поля боя, оказав им первую медицинскую помощь. Насмешливое поначалу отношение к ней сменилось уважением и популярностью среди солдат. Ей присвоили звание младшего унтер-офицера, а за выдающуюся доблесть она была награждена Георгиевским крестом

ревой и, заинтересовавшись этой незаурядной женщиной, абсолютно чуждой политике, Родзянко пригласил ее приехать в Петроград, где, как он полагал, она могла бы оказаться полезной Временному правительству.

В мае 1917 года Мария впервые в жизни оказалась в столице. Немного осмотревшись, она решила попытаться воплотить в жизнь возникшую у нее идею — защищать Родину с помощью специально созданных «Женских батальонов» — воинских частей, набранных из женщин-

Случай с идеей Бочкаревой — уникальный, еще более уникально то, что его попытались (с переменным успехом) воплотить в жизнь.

Ознакомившиеся с предложением оригинального бойца военный министр Временного правительства Александр Керенский и Верховный главнокомандующий генерал Алексей Брусилов его одобрили, посчитав, что «женский фактор» сможет остановить моральное разложение в армии и переломит ситуацию. Идею горячо поддержали и патриотические женские общественные орга-

низации, например, Женский Союз помощи Родине.

Откликнулось свыше двух тысяч женщин, чего никто не ожидал. Их поселили в отдельном помещении, приставили к ним опытных инструкторов, кормили из особой кухни 2-го Балтийского Флотского экипажа.

Первоначальный энтузиазм был так велик, что в добровольцы записалась даже супруга Керенского,

зрелище необычное и трогательное до слез. Это «Женский батальон смерти». Всюду звенящим металлом звучит команда организатора батальона... Она мелькает как метеор, перебегая от одного взвода к другому, и вся горит огнем вдохновляющей ее идеи», — отмечал один из журналистов, посетивший казармы необычной воинской части в начале июня 1917 года.

Ольга, которая собиралась ехать на фронт в качестве сестры милосердия, дав обязательство «в случае необходимости оставаться все время в окопах». Следует ли говорить, что все ограничилось только благими порывами? Окопов госпожа министерша так никогда и не увидела.

«На редкость стройно и молодежато маршируют взводы «солдат», подобранных по росту, представляя

К сожалению, в советской литературе и кинематографе сложился искаженно-карикатурный образ Женского батальона и его участниц. Договаривались до того, что для «защиты буржуазии» ставили под ружье всех петроградских проституток. Но сохранилась статистика образовательного уровня бочкаревского батальона, которая проливает свет на истинный состав участниц.

До тридцати процентов составляли курсистки (в том числе, и с престижных Бестужеских курсов), а более сорока процентов женщин имели среднее образование. Среди личного состава батальона присутствовали, между прочим, княжна Татуева из знаменитого грузинского рода, Добровольская — дочь генерала, а батальонным адъютантом была Скрыдлова — дочь адмирала Черно-

Сразу были установлены жесткий режим и дисциплина: подъем в пять утра, занятия до десяти вечера, краткий отдых и простой солдатский обед. Даже во время еды в столовой, если начинались разговоры, звучал металлический окрик Бочкаревой:

— Не люблю базара, не люблю базара. Тише!

Или же раздавались замечания, вроде:

морского флота. Пожалуй, сама командующая батальоном была менее образована, чем ее подчиненные.

Разумеется, тут же появившиеся публикации и фоторепортажи рисовали жизнь женщин-солдат в более чем идиллических тонах: этакий вооруженный Институт благородных девиц во главе с госпожой начальницей — опытным и закаленным бойцом. На деле все было, мягко говоря, иначе.

— Нечего дуть на ложку и прохлаждаться. «Там» некогда будет заниматься такими нежностями. Надо здесь еще привыкать ко всему.

Первые проблемы возникли — не могли не возникнуть! — из-за обязательной для всех короткой стрижки: далеко не все женщины были готовы расстаться с косами и локонами. Затем пошли жалобы на то, что командирша груба и «бьет мор-

ды, как заправский вахмистр старого режима». А хуже всего, с точки зрения властей, было то, что Бочкарева категорически запретила организовывать в ее батальоне любые советы и комитеты и — главное! — появляться там любым партийным агитаторам.

Если учесть, что уже с конца февраля существовал «Приказ номер один» «О демократизации армии», то Бочкарева его не просто нарушала — грубо игнорировала.

Командующий Петроградским военным округом генерал П.А. Полонец писал в своих мемуарах «Дни

затмения» о том, как к нему обращались с жалобами на Бочкареву убежденные сторонницы демократии из ее батальона и на то, как она реагировала на их требования выполнения «Приказа номер «один». «Она, свирепо и выразительно помахивая кулаком, говорит, что недовольные пусть убираются вон, что она желает иметь дисциплинированную часть».

Раскола избежать не удалось: в батальоне под командой Бочкаревой осталось только 250 женщин, остальные нашли себе место в других воинских частях, где не было таких «драконовских порядков» и процветали всевозможные советы, митинги и агитации. Но это Марии Леонтьевне было безразлично: уход «демократок и неженоек» она выразительно прокомментировала в одном из интервью прессе:

«— У вас еще продолжается запись в батальон?»

— Нет, прекращена. ...Каждый день приходят проситься. Это хорошо — значит, поняли, — но всем отказ. Довольно.

— Не предполагается оставлять запасных кадров?»

— Не к чему. Уйдем и умрем. Пусть этим занимаются другие».

Уйдем и умрем... Как видно, Бочкарева не питала особых иллюзий относительно будущего. Это подтверждает и официально данное батальону название.

21 июня 1917 года на площади у Исаакиевского собора состоялась

торжественная церемония вручения новой воинской части белого знамени с надписью «Первая женская военная команда смерти Марии Бочкаревой». На левом фланге отряда в новенькой форме прапорщика стояла взволнованная Мария, только что произведенная в офицерский чин:

«Я думала, что все взоры устремлены на меня одну. Петроградский архиепископ Вениамин и уфимский архиепископ напутствовали наш батальон смерти образом Тихвинской Божией Матери. Свершилось, впереди — фронт!»

Напоследок батальон прошел торжественным маршем по улицам Петрограда, где его приветствовали тысячи людей. В буржуазных кварталах дамы бросали «защитницам Отечества» под ноги букеты цветов. Ближе к рабочим районам в толпе начали раздаваться и оскорбительные выкрики. Пролетариат, на словах ратовавший за равноправие, на деле оставался при твердом убеждении, что все бабы — дуры, а некоторые по дурости еще и за ружье хватаются.

23 июня необычная воинская часть отправилась на фронт. Жизнь здесь окончательно развеяла еще теплившуюся в душах некоторых женщин романтику. Батальон придали пехотному полку. Бочкарева вспоминала, что «никогда прежде не встречала такой оборванной, разнузданной и деморализованной шантрапы».

Первоначально у казарм батальона пришлось даже поставить

часовых: революционные «солдаты-граждане» приставали к «бабам» с весьма недвусмысленными предложениями. Осознать, что женская воинская часть прибыла на фронт не для развлечения, было выше их разума.

Характерная деталь: когда в июле 1917 года завязался ожесточенный бой с немцами под Сморгонью, би-

кой железной стойкостью, как их командирша. Так, в один из напряженных моментов, когда на счету у Бочкаревой был буквально каждый боец, она застала одну из своих «амазонок» занимающейся за деревом любовью с каким-то солдатом. Вне себя от ярости Мария ткнула ее штыком, а незадачливый «кавалер» еле спасся бегством.

После отнюдь не триумфального возвращения из Америки в Россию, где до нее абсолютно никому не было дела, Бочкарева формально находилась в резерве Архангельского фронта. Когда же ей предложили принять участие в вооруженной борьбе против большевиков, она ответила категорическим отказом, чем изрядно подпортила свой имидж героини среди сторонников белого движения

лись, фактически, только женщины. В донесении командования говорилось, что «отряд Бочкаревой вел себя в бою героически, подавал пример храбрости, мужества и спокойствия». Более того, другие части не поддержали атаку, предпринятую женским батальоном. Храбрость женского отряда вынужден был признать даже такой скептик, как один из лидеров белого движения генерал Антон Иванович Деникин, который до этого именовал батальон «суррогатом армии».

Случались в военных буднях и трагикомические эпизоды, поскольку не все женщины отличались та-

В дальнейших боях батальон понес серьезные потери. Сама Бочкарева была контужена и отправлена в петроградский госпиталь. После выздоровления она получила приказ нового Верховного главнокомандующего Лавра Корнилова сделать смотр женским батальонам, которые начали появляться, как грибы после дождя, и которые были весьма далеки от первоначально задуманного эталона.

Увы, инспекция первого же батальона — московского — обнаружила его полную небоеспособность. Более того, за батальоном закрепил-

лась обидная кличка «бочкаревские дуры». Узнав об этом, Мария вернулась в свою часть и твердо заявила:

— Больше женщин на фронт не брать, потому что в женщинах я разочаровалась.

Критерии Бочкаревой были, конечно, слишком высоки для обычных женщин. Ей-то самой за храбрость, одно за другим, были при-

званием «Батальон смерти» — и кто только над этим впоследствии не насмеялся. Батальон, оборонявший (без особого успеха) последнюю резиденцию Временного правительства, набирался «с бору по сосенке», в том числе и из отчисленных ранее Бочкаревой нарушительниц дисциплины. Именно они запечатлены у Инженерного замка, и именно эта

своены звания подпоручика и поручика (почти беспрецедентный случай в русской армии). Но в атмосфере революционной неразберихи было просто невозможно в короткий срок создать даже обычную мужскую боеспособную часть. Опыт организации в Петрограде нового женского батальона это только подтвердил.

Именно этот батальон, по иронии судьбы, и вошел в историю под на-

редкая фотография хранится в фондах Государственного музея политической истории России.

Для проведения первоначального обучения и боевой подготовки батальон отправили в район Левашова и разместили в имени княгини Вяземской. По воспоминаниям командовавшего одной из рот Женского батальона штабс-капитана Павла Шагала, «...обучение было органи-

*Бойцы
женского
батальона*

зовано вполне серьезно и принесло ощутимые плоды... Никакой политической окраски у батальона не было, — категорически утверждал офицер, — не было также никаких разговоров о будущем политическом устройстве России. Это было объединением лучших честных девушек и женщин России, которые хотели служить, даже неизмеримо больше, принести себя в жертву Родине».

Предполагалось, что скоро батальон отправится на фронт. Одновременно началась подготовка к созданию еще одного, запасного Женского батальона. Однако судьба распорядилась иначе.

Всего батальон насчитывал тысячу женщин-солдат (их называли «добровольцами»), двенадцать офицеров и троих унтер-офицеров, пользовался правами отдельной воинской части, приравнивался к полку

и подчинялся непосредственно штабу Петроградского военного округа.

24-го октября батальон был вызван в Петроград якобы для участия в параде. Но фактически намеревалось дать как можно более мощный отпор начавшемуся выступлению большевиков. Так что 2-я рота Женского батальона оказалась в составе гарнизона Зимнего дворца, куда входили также казаки, юнкера пехотных, инженерных и Михайловского артиллерийского училищ, словом, все те, кто готов был защищать Временное правительство.

Женщинам вместе с юнкерами поручили оборонять юго-восточное крыло Зимнего со стороны Дворцовой площади. В течение дня им даже удалось оттеснить (причем бескровно!) красногвардейцев и установить контроль над Николаевским мостом.

Но к вечеру 25 октября Зимний был окружен войсками Военно-революционного комитета, после символической перестрелки ряды защитников стали стремительно таять. Женщины последними попросили выпустить их из дворца, и их просьба была удовлетворена, с условием полного разоружения. Ночь они провели в казармах под замком, а затем отправлены обратно в Левашово.

После захвата власти большевиками командование батальона приняло решение об его роспуске. С помощью антибольшевистского «Комитета общественной безопасности» удалось получить женскую одеж-

ду и документы сестер милосердия, с которыми «ударницы» могли относительно безопасно вернуться по домам.

Кстати, Мария Бочкарева все это время находилась на фронте и вообще никак не была связана с обороной Зимнего дворца. Тем не менее, созданся устойчивый миф, отраженный даже в знаменитом фильме Сергея Эйзенштейна «Октябрь»: среди обороняющих дворец есть типаж, внешне сильно напоминающий Бочкареву.

На самом деле после Октябрьского переворота Бочкаревой, по ее собственным словам, «пришлось тяжелее, чем было на фронте». Для начала ей приказали распустить по домам свой батальон, хотя на фронте он считался одним из лучших. Затем ее вызвали в Петроград, в Смольный. Там кто-то из высокопоставленных представителей нового режима (сама она утверждала, что это были Ленин или Троцкий) долго убеждал Марию, что она, как представитель крестьянства, должна встать на защиту власти трудящихся. Но в ответ Бочкарева лишь упорно твердила, что слишком измучена и не хочет принимать участие в Гражданской войне ни в каком качестве. Пришлось отпустить.

Почти то же самое — «Я боевого дела во время Гражданской войны не принимаю», — спустя год она заявила белогвардейскому командующему на Севере России генералу Марушевскому, который попытался

заставить Марию заниматься формированием боевых частей. За отказ разгневанный генерал приказал, было, арестовать Бочкареву, и его остановило лишь вмешательство английских союзников, которые узнали о судьбе «русской амазонки», давно известной в Англии.

Возможно, здравый крестьянский инстинкт подсказывал Марии, что и красные, и белые хотят как-то использовать ее военный авто-

шена американским президентом Вильсоном на обед в Белый дом. Мария Леонтьевна в ответ на его приветствие сказала, что считает себя счастливой женщиной, так как вышла из народа и видит сегодня президента свободной страны. Когда Вудро Вильсон поинтересовался, «кто прав и кто виноват в России, то я ему сказала, что слишком мало разбираюсь в этом вопросе и боюсь попасть в ложное

Когда Красная армия заняла Томск, Мария сама явилась к коменданту города, сдала свой револьвер и предложила сотрудничество. Комендант от предложения отказался, взял с нее подписку о невыезде и отпустил домой. Как позже выяснилось — временно. В рождественскую ночь 1920 года она была арестована, приговорена к смерти, и в мае приговор был приведен в исполнение. Героине-фронтовичке, чуждавшейся политики, было всего тридцать лет...

ритет в непонятной ей политической игре. Но «поиграть» все же пришлось: генерал Корнилов уговорил ее «помочь спасению России», и она, под видом сестры милосердия, с фальшивым паспортом отправилась в 1918 году с агитационной поездкой в США и Англию, через охваченную Гражданской войной Россию.

В День независимости 4 июля 1918 года Бочкарева была пригла-

положение», — вспоминала она впоследствии.

Находясь в Англии, Бочкарева получила в середине августа 1918 года краткую аудиенцию у короля Георга V, на которую прибыла в офицерской форме со всеми своими боевыми наградами. В ходе пятиминутной беседы король сказал, что рад видеть вторую Жанну д'Арк и приветствовал ее «как женщину, которая много сделала для России».

Но вопрос о политических взглядах вновь поставил Марию в тупик. *«Король спросил, к какой партии я принадлежу, а верю я только генералу Корнилову. Король сообщил мне новость, что Корнилов убит, я сказала, что не знаю, кому теперь верить, и в гражданскую войну я воевать не думаю»*, — так в апреле 1920 года записал ее показания об этой встрече военный следователь Особого отдела ВЧК.

Во время пребывания в Соединенных Штатах Мария надиктовала одному из соотечественников свои воспоминания. В 1919 году в США вышла ее беллетризованная биография «Яшка», наделавшая много шума. Книгой зачитывались многие, в том числе и такие разные люди, как британский военный министр, а затем премьер Уинстон Черчилль и лидер испанской компартии Долорес Ибаррури.

После отнюдь не триумфального возвращения в Россию, где до нее абсолютно никому уже не было дела, Бочкарева формально находилась в резерве Архангельского фронта. Когда ей предложили принять участие в вооруженной борьбе против большевиков, она ответила категорическим отказом, чем изрядно подпортила свой имидж героини среди сторонников белого движения.

Оставшись предоставленной самой себе, Мария тяжело переживала. Она опустила, стала много курить, активно прикладываться к спиртному. В случайной компании пила стаканами водку и, плача, демонстрировала свои боевые награды. От греха подальше белое командование на Севере приняло решение отправить ее на прежнее место жительства в Томск. Здесь она — опять же чисто формально — вошла в со-

став армии А.В. Колчака, с которым лично встретилась осенью 1919 года.

Постаревшая, измученная скитаниями и уже потерявшая последние женские черты, Мария Леонтьевна пришла просить об отставке, но Колчак все-таки уговорил Бочкареву продолжить службу и сформировать добровольный санитарный отряд. Мария произнесла страстные речи в двух омских театрах и за

два дня завербовала 200 добровольцев. Но дни самого «Верховного правителя России» и его армии заканчивались, и старания Бочкаревой пропали втуне.

Когда Красная Армия заняла Томск, она сама явилась к коменданту города, сдала свой револьвер и предложила Советской власти сотрудничество. Комендант от предложения отказался, взял с нее подписку о невыезде и отпустил домой.

Как позже выяснилось — временно. В рождественскую ночь 1920 года она была арестована и затем отправлена в Красноярск.

На все вопросы следователя Бочкарева давала откровенные и бесхитростные ответы, чем поставила чекистов в сложное положение. Никаких явных доказательств ее реальной контрреволюционной деятельности обнаружить не удалось, в боевых действиях против красных Бочкарева также никогда не участвовала, о ее заграничной поездке чекисты не знали. В конечном итоге появилось постановление:

«Для большей информации дело, вместе с личностью обвиняемой, направить в Особый отдел ВЧК в г. Москву».

Возникла надежда на благоприятный исход, тем более что постановлением ВЦИК и СНК смертная казнь в РСФСР была в очередной раз отменена. Но, к несчастью, в Сибирь прибыл заместитель начальника Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновский, наделенный Феликсом Дзержинским чрезвычайными полномочиями. Высокопоставленный представитель Москвы не понял, что же смутило местных чекистов в деле этой явной «контры», агитировавшей за Колчака. На постановлении он написал краткую и, в прямом смысле, убийственную резолюцию:

«Бочкареву Марию Леонтьевну — расстрелять».

16 мая 1920 года смертный приговор был приведен в исполнение.

В тридцать лет героиня-фронтовика, чуждавшаяся политики, погибла из-за двух не вовремя произнесенных речей.

Бочкарева стояла у самых истоков женского военного движения в России. В годы Великой Отечественной войны на фронте и в партизанских отрядах сражались уже сотни тысяч женщин. Большинство из них никогда не слышало о Марии Бочкаревой, но подсознательно вдохновлялись ее патриотическим примером.

На малой родине Марии Бочкаревой в городе Томске местные краеведы проводят чтения и конференции, посвященные своей легендарной землячке, выражают справедливое мнение о необходимости увековечить память патриотки, установив на доме 20 по Горшковскому переулку, где она жила в 1919 году, мемориальную доску. Будет ли оно услышано, покажет время.

Но уже сегодня Марии Леонтьевне Бочкаревой посвящены десятки научных статей и публицистических очерков. В 2001 году, наконец, увидела свет в русском издании книга ее воспоминаний «Яшка: моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы». Так что историческая правда постепенно вытесняет карикатурный образ, возникший после Октябрьского переворота и впоследствии почти забытый.

Прав был один из героев романа «Мастер и Маргарита», сказавший:
— История нас рассудит. □

Легкие

денежки

Лонни Лиз

Будь оно все трижды проклято!!! А что еще скажешь, очнувшись на полу в луже крови и задыхаясь под тяжестью навалившегося на тебя жирного мужика с отвратной рожей? К тому же мертвого, о чем красноречиво свидетельствовала торчавшая у него в груди рукоятка ножа!

Когда я попыталась спихнуть его с себя, это удалось не сразу — кровь оказалась густой и липкой, словно патока на засохшем пудинге. Стало быть, я провела «в отключке», как минимум, несколько часов. Правда, я никак не могла вспомнить, как сюда попала, да и вообще, кто я такая. Перед глазами расплывались тусклые радужные круги, но, взглянув на труп, я все же невольно подумала о том, что, так или иначе, «страдалец» отмучился. И, судя по всему, прикончила его именно я, поскольку иного выхода просто не оставалось. Нормальные люди не режут ножами красивых женщин без особых на то причин, верно? Вряд ли он сам бы покончил с собой, хотя, наверное, это стоило сделать давно.

Наконец, приняв вертикальное положение, я огляделась по сторонам. Повсюду были разбросаны вещи, будто здесь произошла нешуточная схватка. Моя одежда, заляпанная кровью, валялась на полу, а на мне был лишь один резиновый шлепанец. Ну и дела!

Как я, которая «сечет» в модной обуви ничуть не хуже профессионального дизайнера, могла опуститься до такой дешевки?!

Интерьер комнаты представлял собой настоящий «кошмар» — старый телевизор, привинченный ржавыми болтами к стене, пожелтевший эстамп в картонной рамке из разряда тех, что некоторые считают «настоящим американским искусством». В воздухе витал едва уловимый аромат апельсиновых корок, будто кто-то забыл вынести вчерашний мусор. Короче говоря, это был номер дешевого мотеля — настолько захламленный, что трудно решить, что хуже — окружающая обстановка или наличие свежееиспеченного «жмурика».

Машинально проведя ладонью по предплечью, я ощутила, как свернувшаяся кровь шелушится на коже подобно высохшей штукатурке! Пора было сматываться отсюда, и чем скорее, тем лучше!

Я метнулась в ванную с потрескавшимся кафелем и, схватив линялое полотенце и крошечный обмылок, в темпе включила душ. Едва струи горячей воды обрушились на мое тело, я увидела ножевой порез чуть ниже левой груди, а поперек живота — второй. Ни тот, ни другой не были глубокими, однако причиняли изрядную боль. Каким образом, черт возьми, я ухитрилась влипнуть в столь скверную историю?!

Вытеревшись, я вернулась в комнату. Моя одежда годилась лишь на помойку, но на перекладине, отделявшей комнату от ванной, болталась пара проволочных вешалок с каким-то старомодным тряпьем. Выбрав мешковатую «гавайку», украшенную пошлыми розовыми фламинго и пальмами, я натянула ее прямо на голое тело, после чего подцепила валявшиеся на полу шорты-«бермуды» — прямо скажем, великоватые, но кожаный ремень и мои округлые бедра послужили им достаточной поддержкой.

— Да, детка, что и говорить — оделась по последней моде, — криво ухмыльнулась я, разглядывая себя в зеркале.

Лежавшая на комоде женская сумочка, судя по всему, могла принадлежать только мне, поэтому, высыпав на кровать ее содержимое, я первым делом заглянула в бумажник. И не ошиблась — в водительских правах красовалось мое фото. Иссиня-черные волосы, карие глаза, очаровательное овальное личико. Очень даже сексапильная девушка по имени Розмари Руссо. Розмари. Роза. Роузи! В голове закопошились обрывки мыслей, но очень медленно, в виде разрозненных фрагментов.

Нагнувшись за вторым шлепанцем, я заметила на ночном столике ключи от машины и еще один бумажник — явно мужской, где оказалась перетянутая резинкой толстая пачка стодолларовых купюр — как минимум, две-три тысячи, — но подсчитывать добычу было некогда.

Сцапав сумочку и ключи, я выскочила из номера и принялась лихорадочно насиловать кнопку на брелоке, пока одна из машин не отозвалась мелодич-

ным сигналом. Подлетев к ней, я распахнула дверцу, скользнула на кожаное сиденье и сразу поняла, что с ней у меня не будет никаких проблем. Будь это импортная тачка, да еще без автоматической коробки передач, мне бы нипочем отсюда не выбраться.

Я повернула ключ в замке зажигания и, выезжая со стоянки под мягкое урчание мотора, увидела вывеску: «Мотель «Джерси». Тут у меня в голове будто вспыхнула лампочка, и я, наконец, вспомнила, как Роузи Руссо из Бронкса оказалась на полу номера мотеля в Нью-Джерси в обнимку с мертвецом.

На прошлой неделе мы с моей лучшей подругой Джинной совершили очередной рейд по бутикам — подобные тайные вылазки мы устраивали регулярно. А когда наши мужья возвращались домой с фабрики, их ждал вкусный ужин и заботливые жены, выглядевшие так, словно день-деньской хлопотали по хозяйству! Никто из них ни разу ничего не заподозрил! Что ж, в конце концов, мы им не изменяли, а всего лишь развлекались — невинные шалости, понимаете?

«Шалить» мы повадились еще в юности — прежде чем «идти на дело», тщательно изучали свежие номера журналов мод, и, выходя на «охоту», уже знали, какая изящная вещица найдет пристанище в одной из наших сумочек или каком-нибудь ином, более укромном местечке. Это доставляло нам такое же острое наслаждение, когда в детстве удавалось тайком умыкнуть шоколадный батончик с прилавка кондитерской. Наверняка в глубине души мы обе оставались мелкими воришками — лишь бы не попасться! А, выйдя замуж, принялись каждую неделю понемногу откладывать из «хозяйственных» денег, дабы потом покупать приглянувшиеся нам шмотки, пряча их в необъятных глубинах платяных шкафов.

Наши мужья ни о чем не догадывались.

Вообще-то, мой Франко и ее Патрик — отличные ребята, и, ей-богу, мы искренне любим своих благоверных, но они не способны отличить настоящей

вещи от Гуччи от китайской подделки. Надо быть полными дурами, чтобы не воспользоваться таким преимуществом!

Мы с Джинной сходили с ума от модных тряпок! Как я уже сказала, наши мужья — простецкие надежные парни, которые исправно приносят получку домой, платят по счетам и не гуляют налево. Спору нет, ценные качества, но нам хотелось от жизни куда большего. Видать, это заложено в самой женской натуре.

— Ну что, устроим очередной вояж? — промурлыкала Джина. — Давно хотелось прошвырнуться так, будто живем в последний раз!

Глазеть на витрины бутиков было здорово, а уж заходить в них хозяйской походкой!.. Особенно — в обувные. Мы примеряли туфли — естественно, самые дорогие и модные — например, от Джимми Чу, Марка Джейкобса или Коко Шанель — с таким видом, словно весь мир принадлежит нам, после чего с пренебрежительной гримасой выходили на улицу, не обращая внимания на ошалевшие физиономии продавцов!

Невинные шалости, только и всего!

Увы, все хорошее когда-нибудь кончается...

В тот роковой день мне попались весьма симпатичные розовые чулочки, усыпанные стразами.

«Какой болван выбросит сорок долларов за чулки?» — подумала я, незаметно отрывая ценник, и, спрятав их в сумочку, подошла к банкетке, где продавец помогал Джине примерить совершенно умопомрачительные туфли от Кристиана Лабутена за восемьсот долларов. Они потрясли воображение! Однако, вместо того чтобы поставить их обратно на полку, моя подруга с гордым видом прошествовала к кассе.

— Эй, что ты задумала?! — прошептала я.

Не отвечая, Джина достала из сумочки бумажник и небрежно выложила на прилавок пачку сотенных. Я едва не поперхнулась от изумления! Неужели она собирается потратить на туфли почти тысячу?!

— Слушай, милая, где ты раздобыла такую кучу денег? — пробормотала я, стараясь говорить как можно тише, чтобы нас не услышала кассирша. — Чего молчишь? Язык проглотила?

— погоди, пока мы не выйдем из магазина, — мотнула головой та, продолжая шелестеть купюрами.

— Ч-черт! Откуда у тебя столько?! — дрожа от нетерпения, набросилась я на нее, едва мы оказались на улице. — Учитывая, что легче прокормить слона, чем твоего Патрика!

— А тебе не кажется, что, наконец, пришла пора серьезно потолковать? — хитро прищурилась Джина, небрежно помахивая пакетом с обновкой.

Вот тогда-то она и поведала мне про некоего Марко.

— Мы встречаемся в условленном месте неподалеку от моего дома и едем в Атлантик-Сити. Там нас уже ждут. Я быстренько исполняю экзотические прихоти какого-нибудь «папика» с толстым кошельком и становлюсь богаче порой на пятьсот, а, бывает, и на тысячу долларов. А потом Марко отвозит меня обратно в Нью-Йорк. Ну, и кому от этого плохо?

— Ничего себе! Знаешь, как это называется?

— Уж никак не проституция, если ты об этом! Во-первых, никакого секса! Во-вторых, я занимаюсь этим крайне редко, а, кроме того — с солидными клиентами. Об этом заботится Марко, а у него глаз наметанный. И все шито-крыто! Даже ты — моя лучшая подруга — ни о чем таком не догадывалась!

— Ну, ты даешь!

— Мама отговаривала меня выходить за ирландца — мол, от них одна головная боль, зарабатывают гроши, да и те пропивают.

— Но твой Патрик — классный мужик, — возразила я. — К тому же, добрый католик.

— И что с того? Наши мужья — оба хорошие католики, но совсем не такие, как мы с тобой. Поверь, Роузи, я и впрямь люблю Патрика, но, как бы он ни старался, мы никогда не разбогатеем.

— А я обожаю Франко, поэтому ни за что на свете не...

Джина предостерегающе вскинула руку.

— Ты ж понимаешь — я доверяю тебе, иначе бы молчала, как рыба. Коли интересно — милости просим. Ну а если нет? В любом случае, Роузи, держи язык за зубами. Видишь ли, детка, я оказалась в уникальной ситуации. Неужели непонятно? У меня есть не только любимый, хоть и небогатый муж, но и туфли от Кристиана Лабутена, которые на его зарплату не купишь, хоть вывернись наизнанку. Наши невинные шалости — дешевая мелочевка для сопливых школьниц, а так получается куда больше и быстрее. Но за все приходится платить.

Я посмотрела ей в глаза и перекрестилась.

— Религиозные предрассудки! — рассмеялась Джина. — Господи, Роузи, ты рассуждаешь, как монашка. Не стоит себя обманывать, ты ведь уже и так запускаешь руку в деньги, отложенные на хозяйство. Признайся честно: ведь приятно купить вещь, которая стоит сотен на пять дороже, чем ты можешь себе позволить. Но неужели тебе ни разу не приходило в голову начать играть по-крупному?

— Мне всегда хотелось загрести кучу денег, только не таким способом.

— Так вот, подруга, это — легкие деньги, за которые не надо вкалывать до седьмого пота, — посерьезнела Джина, похлопывая по своей сумочке. — Помнишь, как в детстве мы наряжались на Хэллоуин? Я была цыганской принцессой, обвешанной маминой бижутерией — с кольцом на каждом пальце, а ты — пираткой с серьгами и черной бархатной повязкой на глазу. Нам казалось, что соседи одаривают нас не сладостями, а золотыми дублонами. И мы отлично себя чувствовали, разве нет? Хотя, согласишься, всегда считали, что заслуживаем большего!

Окинув взглядом витрину бутика, где мы только что побывали, я тяжело вздохнула.

— Тогда перестань корчить из себя недотрогу и займись настоящим делом!

С этого все и началось — неделю спустя за мной заехал Марко...

И вот теперь я сломя голову летела к Джине за объяснениями.

«Кому от этого плохо?» Ну-ну, послушаем, что ты мне на это скажешь!

Бросив машину за квартал до нашей улицы, я подбежала к ее дому и принялась колотить в дверь, пока костяшки пальцев не начали кровоточить.

— Где тебя носило?! — возмущенно взвизгнула она, впуская меня в гостиную.

— Мне нужна нормальная одежда! — выпалила я. — Не могу же я появиться дома в таком виде!

— Мне звонил Марко и сказал, что заезжал за тобой в мотель, но ему не открыли.

— Так получилось.

— А потом он снова перезвонил и заорал, что клиент мертв, и ему придется вызвать Тони, чтобы замести следы.

— Этот сукин сын пытался меня прирезать. Завалил на пол, выхватил пружинный нож и... вот, полюбуйся! — Распахнув рубашку, я продемонстрировала ей свои порезы.

— Господи, откуда мне было знать, что твоим первым клиентом станет этот сицилиец... Винсент?! — закатив глаза, горестно простонала

Джина. — Я бы никогда этого не допустила. Или предупредила бы заранее.

— Так ты была знакома с этим козлом?! Да он собирался меня замочить! — взорвалась я, вновь указывая на свои раны. — Как я теперь объясню это Франко?

— Чтобы Винни кого-то замочил? Не смейся, подруга! Он и мухи не обидит. Это так, всего лишь баловство.

— Мама дорогая! Ничего себе — «баловство»!

— Видишь ли, порой он любит поиграть с ножиком — для него это символ... ну, сама понимаешь, чего. Но девушка при этом остается в живых. Пошевели мозгами: ты получила пару царапин — не больше, чем от кошачьих когтей, — и при этом тебе даже не пришлось ему отдаться. Во всяком случае, у меня никогда не доходило до этого — потому-то я и называю эти деньги легкими!

Она выбежала из комнаты и тут же вернулась с платьем, чтобы я переоделась.

— Роузи, ты в такой беде, что и представить себе не можешь! Одевайся и в темпе мотай отсюда!

— Полиция никогда не узнает, кто это сделал, — заявила я, торопливо натягивая платье через голову.

— Тебе сейчас не о полиции надо думать! О Винсенте уже позаботились.

— Тогда я совершенно ничего не понимаю.

— Роузи, ты что, совсем с дуба рухнула? Этот парень работал на «организацию»!

— Ты имеешь в виду — на мафию?!

— В том-то и дело! Серьезные ребята! Они будут тебя искать, так что живо выметайся. Роузи, пойми меня правильно, ты мне как сестра родная, но я не собираюсь отвечать за то, что ты сдуру наворотила!

В глазах Джинны застыло паническое выражение. Крепко обняв ее, я прошептала, что все будет хорошо, и через кухню бросилась к черному ходу. Я уже поворачивала ключ в замке, как вдруг кто-то позвонил в парадное, но, не дожидаясь, пока

откроют, высадил дверь с такой силой, что она влетела в гостиную, перевернув журнальный столик.

Я замерла, стиснув в потной ладони дверную ручку.

— Быстро выкладывай, где прячется твоя подружка! — послышался голос Марко.

— Не имею ни малейшего представления, — холодно процедила Джина.

— Сейчас ты у меня запоешь, как канарейка! — прорычал Тони, судя по всему, настроенный весьма решительно.

— Все в порядке, старина, не кипятись, — успокоил «коллегу» Марко. — Джина, нам не до шуток. Ты должна выложить все начистоту.

— Говорят тебе — ее здесь не было. Иначе я бы не стала играть в молчанку.

— Тогда откуда у тебя на стуле рубашка Винсента?

— При чем здесь Винсент? Это рубашка моего мужа.

— Марки, а с чего ты взял, что это вещи Винни? — удивился Тони.

— Старина, поверь, я узнаю этих чертовых фламинго где угодно. Дай мне пару минут, и она расколется.

— Пару минут?! Если эта дрянь сию же секунду...

— Я ничего не знаю!

— Джина, сознавайся, что было на самом деле, иначе нам всем не сдобровать! — с неподдельным отчаянием завопил Марко. — И в первую очередь — тебе!

— Отвали, придурок!

Мне захотелось крикнуть ей, чтобы она не упрямилась, а еще больше — вернуться в гостиную и сказать, что моя подруга тут ни при чем, но от страха я была не в силах пошелохнуться.

Металлический щелчок, затем — негромкий хлопок, и... в доме наступила полная тишина.

Беззвучно приоткрывая дверь, я содрогнулась от ненавистного рычания Тони:

— А теперь собери тряпье Винсента и вспомни, где живет эта тварь! Иначе я за себя не ручаюсь!

По дороге домой я рыдала в три ручья, чувствуя себя Иудой, однако постепенно пришла к выводу, что моей вины тут нет ни на грош. Все плыло бы по накатанной дорожке, если бы Джина не обмолвилась мне о Марко, легких деньгах и... вообще не втравила в эту жуткую историю.

Ясное дело, я любила ее, как родную, но в итоге она сама навлекла на себя беду, и теперь я должна была стать следующей жертвой. А все по-

тому, что, как последняя дура, клюнула на эту красивую сказочку!

С бешено колотящимся сердцем я ворвалась в гостиную и, запершись на все замки, принялась судорожно обдумывать пути к спасению. Увы, Франко должен был вернуться домой не раньше, чем через час. Он бы мигом просек, что делать, но к тому моменту его встретит мертвая жена, распростертая на полу в луже крови (второй раз за день). Б-р-р... весьма печальный финал счастливого брака...

Перед моим домом затормозила машина, и в дверь позвонили.

Я открыла и получила по полной программе!

Первым вошел Марко, а следом за ним — Тони, тут же схвативший меня за плечи и с силой приложивший спиной об стену. Едва он приставил пистолет к моему виску, во мне что-то надломилось, и я, захлебываясь в слезах и подвывая от ужаса, выложила им про нас с Джиной все, как на духу — лишь бы выиграть хотя бы несколько секунд жизни!

— Есть идея! — внезапно воскликнул Марко. — И это куда лучше, чем всаживать пулю в ее безмозглую башку. Не говоря уже о том, что это может понравиться шефу.

— Знаешь, приятель, ты бы заткнулся! — дыша на меня чесночным перегаром, буркнул Тони. — Не видишь, что ли, мне надо закончить работу!

— погоди, — поморщился Марко. — Я знаю отличный способ сделать так, чтобы шеф остался доволен, сохранив ей жизнь и одновременно отомстив за Винни. И вовсе не потому, что Винни был каким-то особенным и много для него значил.

— Как ни крути, он был одним из нас. А все должны знать, что с нами шутки плохи.

Прислонив меня к стенке, они отошли в сторонку и принялись шушукаться. Небольшая отсрочка приговора. Что ж, спасибо и на этом.

Я понуро стояла, думая о толстой пачке денег в моей сумочке. Стало быть, когда они забирали ве-

щи Винни из номера мотеля, а потом в спешке наводили там порядок, то не заметили, что его бумажник — пуст. Крошечный, но все-таки плюсики! Хорошо бы пожить еще чуть-чуть, чтобы успеть потратить хотя бы часть этих «легких» денег!

Достав из кармана мобильник, Марко торопливо набрал номер и передал трубку Тони.

Некоторое время тот тихо беседовал с шефом (к сожалению, я не смогла разобрать ни словечка), а под конец, смачно причмокнув, добавил:

— Да, босс, девочка, что надо. Смазливая мордашка, стройная фигурка... Я бы и сам от такой не отказался. — И сунул мобильник обратно Марко.

Я покосилась на каминные часы. До возвращения Франко с работы оставалось двадцать минут — тех самых драгоценных минут, которых мне сейчас так не хватало!

— О'кей, шеф, — пробормотал Марко, сложил телефон и, сунув его в карман, с извиняющимся видом развел руками.

«И что теперь? — уныло подумала я. — Сначала они меня изнасилуют, потом будут долго пытаться, а под конец перережут глотку? Господи, прошу тебя, сделай так, чтобы мне не пришлось долго мучиться».

— Детка, тебе сегодня крупно повезло, — проворчал Тони, подходя ко мне с плотоядной улыбкой. — Не будь ты такой куколкой, мы бы уже отправили тебя на тот свет, — и легонько куснул меня за мочку уха.

— Сейчас нам не до этого, — остановил его Марко. — Пора отсюда сваливать.

— Логично, — нехотя кивнул Тони. — Короче, шеф тебя прощает, но с одним условием. За ошибки надо платить. Поэтому будешь пахать на нас, пока он не даст отбой. Работа остается та же, что и раньше, бабки — те же, но являешься по первому свистку. Все просекла?

— На все сто!

— Мы тебе позвоним. И не вздумай брякнуть хоть словечко легавым, иначе тебе крышка.

— Считай, что ты родилась заново, — на полном серьезе подытожил Марко.

Это означало, что время от времени мне придется выдумывать какие-то отговорки для Франко, но, во-первых, у меня не было выбора, а, во-вторых, водить своего ненаглядного муженька за нос я научилась давным-давно. В остальном их условия меня вполне устраивали — дорогая девушка «по вызову» должна выглядеть привлекательно даже в такой захудалой дыре, как номер мотеля в Нью-Джерси.

Едва за ними захлопнулась дверь, я ринулась на кухню и, дрожащими руками достав из холодильника мороженого цыпленка, швырнула его на

горячую сковородку. После чего, нашарив под раковиной банку чистящего порошка, щедро посыпала им поверхность рабочего стола и минут десять драила ее до блеска с таким остервенением, что по лицу потекли струйки пота.

Ведь день домохозяйки полон хлопот — это подтвердит любой женатый мужчина!

Франко припозднился на целый час. Когда он вошел на кухню, благоухавшую ароматом жареного цыпленка, я с расстроенным видом стояла возле раковины, глядя в окно. Осторожно развернув меня к себе лицом, муж нежно обнял меня и тяжело вздохнул.

— Ты опоздал, милый, — с легким упреком проворковала я, целуя его в щеку.

— Послушай, Роузи...

— В чем дело? Что-нибудь не так?

— Сейчас расскажу. Только это будет нелегко. Может быть, тебе стоит присесть?

Я выключила плиту и покорно уселась на кухонный табурет.

— Что стряслось, милый? На тебе лица нет!

— Когда я попытался свернуть на нашу улицу, она оказалась перекрыта — как раз напротив дома Патрика и Джины. Патрульные машины, целая куча полицейских, толпа зевак, «скорая»... Судя по всему, случилось нечто ужасное. Чтобы попасть домой, мне пришлось развернуться и объехать весь квартал с другой стороны.

Я заерзала на табурете, представив, что должен был испытать Патрик, войдя в гостиную.

— Я... не совсем понимаю, на что ты намекаешь. Мне страшно.

— Я вылез из машины и поговорил с их соседями. Дела обстоят хуже некуда. Видишь ли, Роузи, это и впрямь оказался дом Патрика и Джины. Мне сказали, что санитары вынесли чей-то труп в пластиковом мешке.

— О, Господи, неужели это Джина?! Я говорила с ней по телефону всего пару часов назад! Не мо-

жет быть, чтобы это была она! Или Патрик! Кому могло понадобиться убивать Патрика?!

— Понятия не имею. Его тачка стояла на подъездной дорожке. Я попробовал протиснуться к двери сквозь толпу, но полиция оцепила весь дом, и меня не пустили.

— Должно быть, к ним забрались воры, а кто-то из них оказался дома и...

— Даже не знаю, малыш, как тебя утешить.

Я разрыдалась так, что у меня началась настоящая истерика, и в тот вечер нам было не до ужина.

Через какое-то время к нам заявились полицейские и начали задавать кучу вопросов. Сначала я страшно перепугалась, но вскоре сообразила, что они опрашивают всех, кто живет по соседству.

«Нет, офицер, я ничего не видела и не слышала... Ничего подозрительного... Я весь день занималась стиркой, уборкой и стряпней...»

Они подтвердили, что Джина была убита выстрелом в затылок. Естественно, в первую очередь подозрение пало на Патрика, но у него оказалось железное алиби, поскольку он весь день провел на работе. Никому и в голову не пришло, что это могло быть как-то связано с мафией. Так что убийство и по сей день остается не раскрытым.

В день похорон Джины я стояла на краю ее могилы рядом с Франко и беднягой Патриком и, глядя на гроб, с трудом верила своим глазам. Кто бы мог подумать, что эти «невинные шалости» однажды выйдут нам боком!

Впрочем, в отличие от Джины, я по-прежнему жива и здорова.

Ей бы понравились такие шикарные похороны, это уж точно. В последний путь ее провожала вся наша улица, а также парочка детективов в штатском, которые, стоя в сторонке, пытались «вычислить» возможного убийцу. (Правда, шансов на это у них было не больше, чем у Франко и Патрика).

Вдоволь насмотревшись на заваленный цветами полированный гроб с блестящими латунными ручьями, я тщательно расправила морщинки на моем черном платье (не слишком дорогое, но простое и стильное, как и подобает классической модели от Коко Шанель). А затем до самого окончания траурной церемонии простояла, скорбно потупившись... и незаметно для окружающих любясь своими новенькими туфлями цвета запекшейся крови от Маноло Бланика.

Полагаю, Джина могла бы гордиться своей первой и единственной ученицей! □

Перевод с английского **Дмитрия Павленко**

Максим Дунаевский:

«Я называю себя везучим...»

Сын великого Исаака Дунаевского, которого при жизни называли «советским Моцартом», — сам уже более 30 лет считается одним из лучших маэстро страны. К своим 70-ти Максим Дунаевский написал музыку более чем к 80 фильмам и 20 мюзиклам, успел поработать в Голливуде, семь раз женился. Он — отец четверых детей, гламурный и амурный герой глянцевого журналов, непременный член жюри всевозможных фестивалей. И невероятный трудоголик. Обычно его рабочий день начинается примерно в полдень и заканчивается глубоко за полночь. При этом его телефон всегда занят — «разрывают на части» продюсеры, организаторы концертов, журналисты...

— Максим Исаакович, вы уже много лет живете в каком-то безумном графике, темпе. Когда вы успеваете творить?

— Да для меня самого это загадка! Но я люблю такой график. Наверное, это и есть сама жизнь!

— Но это ведь тяжело!

— Иногда — да. Тогда я на все плюю, и уезжаю, допустим, на дачу. И даже это не отдых — важно просто уйти от всего. Кстати, очень помогает.

— Если позволите, несколько вопросов о вашем отце. Все-таки такая невероятная личность, композитор №1 Страны Советов, всенародная любовь и слава. А затем — гонения, нелепо ранний уход в самом расцвете сил и... множество слухов. Итак, в 48-м году Исаак Осипович попал в опалу из-за печально знаменитого Постановления ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» Вано Мурадели. Именно это послужило причиной его травли и, как следствие, сильно ударило по его здоровью?

— Конечно, отец был в группе, кого тогда предали анафеме, но он пострадал не настолько, как, скажем, Шостакович или Прокофьев — наши классики серьезной музыки. Другое дело, что в стране фактически запретили джаз, вообще всякое, по их терминологии, «подражание Западу», а папу явно относили к «эпиго-

нам западной музыки». И эта «система разгибания саксофонов», как я ее называю, очень негативно на него подействовала. Но, тем не менее, он продолжал работать: ему заказывали фильмы, оперетты. В отличие от Шостаковича, которого практически лишили такой возможности. Мелодии Прокофьева были признаны плохими, не соответствующими советской действительности, и он вынужден был писать мелодии советские, «светлые», что, кстати, у него получалось тоже гениально. Это такой вот небольшой экскурс в историю... На самом деле совсем уж откровенная травля началась позже — в конце 40-х — начале 50-х годов, и началась она с печально известного открытого письма профессуры Горьковской консерватории (почему-то!), которых, как я думаю, на это кто-то специально настропалил. Письмо было опубликовано в газете «Правда», наделало много шума, потом, естественно, попало в ЦК, появились соответствующие статьи во многих газетах.

— О чем писала профессура консерватории?

— О том, что Дунаевский — явление антисоветское... И «оргвыводы» последовали немедленно. Ему не дали очередного звания «народного СССР», которого он заслуживал к своему 50-летию. А это был однозначно плевков государства в лицо самому популярному композитору страны. За последние семь лет своей

жизни он больше не получал никаких премий, наград. То есть его, так сказать, «отстранили». «Схватились» за его сына Евгения, моего старшего брата, и это, безусловно, сказалось на здоровье отца — он сильно страдал.

— «Схватились за сына» — это вы про трагический случай на даче Дунаевского, когда погибла девушка?

могли вытащить. Прихватило сердце, а дома, как назло, никого не было. Он просто не смог дотянуться до лекарства... Но и после смерти его не оставили в покое — в народных массах потом долго жила сплетня, мол, Исаак Дунаевский не выдержал позора и покончил жизнь самоубийством. Впрочем, такие сплетни бродили в основном по низам. Люди моего круга (тем более те, кто знал

Я считаю, что настоящий талант пробьется при любом режиме. Уж как гнобили Солженицына, а он все равно остался самим собой, и его жизнь была полна и интересна. На этом фоне вообще непонятно, на что жалуются люди, которых якобы притесняют за песни. Есть, конечно, у нас инакомыслящие, но это совсем другая категория людей...

— Именно. Тем более что сам Женя был косвенным участником той дачной истории. Но там были так называемые «дети-мажоры» — золотая молодежь того времени. Скандал раздули, пустили слух, что на даче знаменитого композитора творится, Бог знает что, а самого Женю Дунаевского якобы «посадили за изнасилование» и чуть ли не «расстреляли».

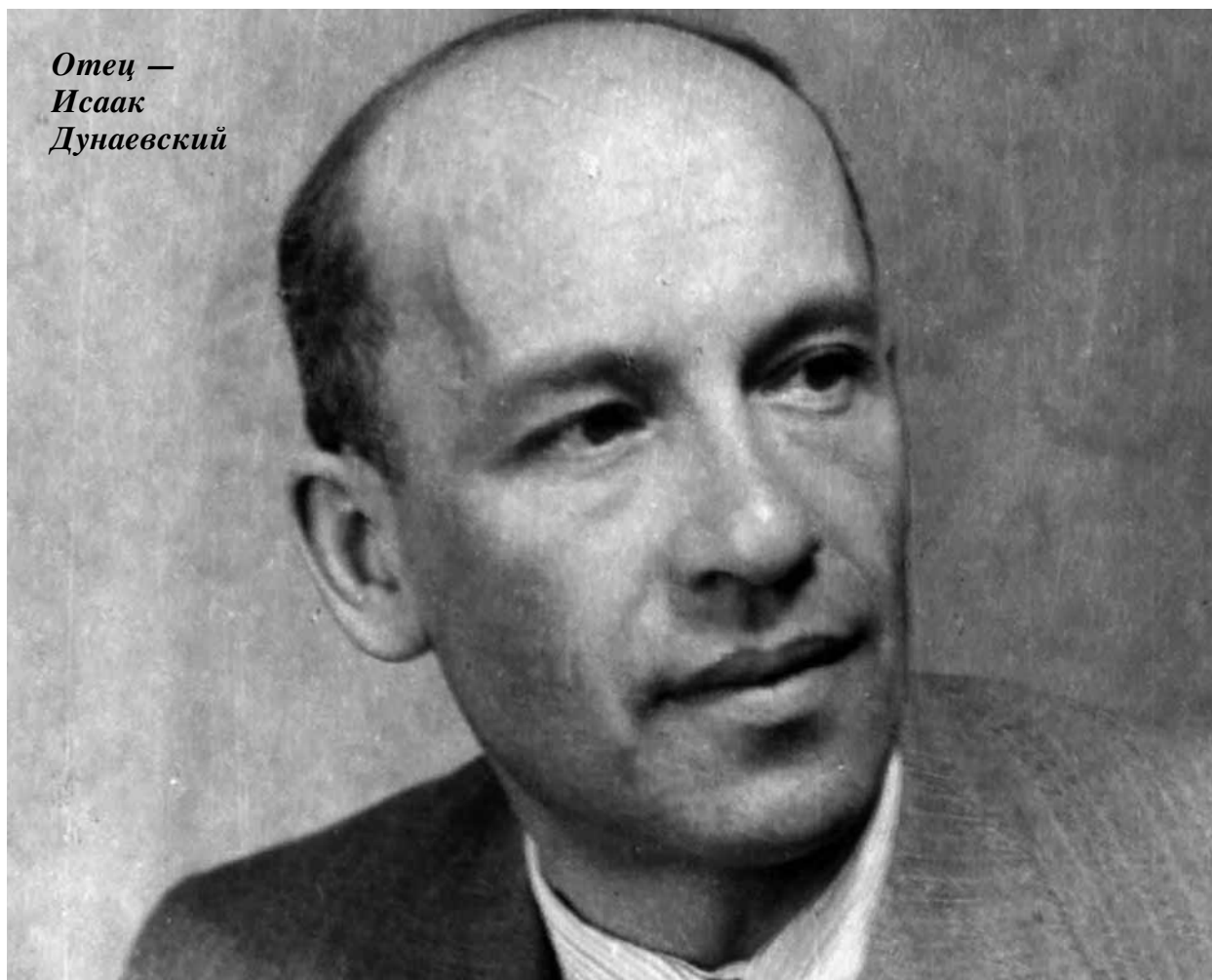
Конечно, папу цепляли тогда за все, за что можно было зацепиться. В результате он умер достаточно молодым, в 55 лет, в, общем-то, от банального приступа ишемической болезни — сегодня бы его спокойно

отца) даже предположить не могли, что он мог уйти из жизни по собственной воле...

— А кому и зачем понадобилось распускать сплетни? Тем более, когда композитора уже нет в живых...

— Думаю, что зависть! Зависть к баловню судьбы, к, как его называли, «советскому Моцарту». Дух-то его живет. Произведения исполняются... Человеческая зависть — это «нормальное» явление во все времена. Причем, чем человек более талантлив, и талант его открыт всем, тем больше это вызывает озлобления,

*Отец —
Исаак
Дунаевский*

неприятия. Всегда так было и будет. К сожалению!

— Кстати, ваш сводный брат Евгений сильно пострадал из-за той истории. Его карьера пошла под откос...

— Карьера — да, была сильно подпорчена. Плюс сказалось, конечно, и то, что Женя был совсем не боец по жизни. Он не захотел бороться! Денег на безбедное существование ему хватало. Ведь папа очень много оставил после себя, и большую часть, как старшему и законному сыну, — ему. Поэтому Женя прожил всю свою жизнь, особо не тревожась

о заработках. И это тоже, я считаю, в какой-то степени помешало ему реализоваться в творчестве.

— Исаак Дунаевский был сказочно богат? Разве это реально в СССР, при царившей тогда идеологии?

— Папа входил в число десяти-двадцати творческих людей, которым «разрешалось» быть богатыми. Среди них были, например, Сергей Михалков, из писателей — Катаев, Шолохов, из режиссеров — Александров... Другое дело, что они не могли это использовать, как можно использовать сегодня, к примеру,

купив себе особняк в Лондоне. Но внутри страны они были очень состоятельными.

— «Фамильные» неприятности коснулись и вас лично?

— Слава богу, нет. Во-первых, я тогда был совсем маленький, а, во-вторых, меня взяли под свое крыло соратники отца, которым он сам помогал по жизни, — Марк Фрадкин, Тихон Николаевич Хренников, Ан-

дрей Эшпай, Дмитрий Кабалевский... Эти люди не только мои учителя, но и просто мои «крестные отцы». Они по-настоящему меня пригрели и в дальнейшем очень помогли.

— Многие состоявшиеся композиторы иногда говорят примерно так: «Если бы не было Моцарта, Бетховена, Баха или Россини — не было бы меня». Если бы Исаак Дунаевский

не был вашим отцом, кем бы вы могли стать?

— Как известно, история не любит сослагательного наклонения. Но из всех возможных вариантов, которые появлялись в моем детстве, пожалуй... Например, одно время я был влюблен в машины и хотел быть шофером — мне нравилось крутить «баранку». Потом это прошло. Еще мог стать спортсменом. Меня всегда тянуло в спорт и тянет до сих пор, несмотря на солидный уже возраст... Я играю в теннис, люблю играть в футбол. И сейчас, если кто-то предложит, с удовольствием погоняю мяч! А в детстве я и в волейбол играл, и в баскетбол, и в хоккей, и легкой атлетикой занимался. Правда, всем этим был вынужден заниматься тайно...

— Почему «тайно»?

— В семилетнем возрасте у меня обнаружили порок сердца. На самом деле это была такая достаточно «популярная» врачебная ошибка в то время — возрастной шумок в сердце ребенка сразу принимали за порок и начинали немедленно «лечить», то есть обездвиживать, заставляя соблюдать постельный режим и так далее. Точно так было и со мной, мне категорически запретили любые физические нагрузки. Но я был непослушным ребенком, поэтому потихонечку ходил в спортивные секции. Причем — вынужденно — в разные. Ведь в одной секции я долго оставаться не мог —

рано или поздно требовалась медицинская справка, что здоров как бык, которой у меня, разумеется, не было. Я «тянул резину», меня выгоняли, и я переходил в другую секцию. Таким образом «одолел» несколько видов спорта, даже получал высокие разряды... А потом, к 14 годам, врачи определили, что никакого порока нет. И никогда не было.

— Задам вопрос по-другому — то есть вы вообще могли стать не композитором, а профессиональным спортсменом?

— Лет в пять-шесть я занимался музыкой, а потом не захотел. Стало скучно, мне было лень разучивать чужие произведения. И отец не стал меня «насиловать» — он считал, что силком в профессию не втолкнешь. По большому счету, я начал заниматься музыкой только на одиннадцатом году жизни, когда его уже не стало. Вот тут мне вдруг страшно этого захотелось. Самому! И это получилось естественно, само собой. Поэтому, я думаю, на меня совершенно не повлияла профессия родителя. Я с таким же успехом мог стать, например, танцовщиком — потому что моя мама, Зоя Пашкова, была балериной. Но меня же никто не отдал в хореографическое училище!

Кстати, сейчас у меня по отношению к своим детям точно такая же позиция: ни в коем случае не заставлять. Дочки и в балет, и на танцы ходили, в театральном сейчас занимаются. И в теннис играет младшая,

и какие-то математические игры ей интересны. Пусть себя пробуют!

— Интересно, кому была посвящена первая ваша мелодия?

— Маме! У меня до сих пор хранится картоночка, красиво оформленная, с обложкой, которую я сам сделал, можно сказать, своими руками. Написано: «Две маленькие пьесы для фортепиано». Помню, одна называлась «Маленький вальс»... и какая-то еще. Приписано: «Опус №1. Посвящается моей дорогой мамочке». Мне тогда было лет девять.

— А вы сами верите в гены, наследственность?

— Верю. Только неизвестно, каким образом это проявляется. Может, в следующем поколении. Или через два... Никто этого не может знать точно.

— Как считаете, что вам передалось от отца?

— Из хорошего я бы выделил то, что тоже достаточно оптимистично отношусь к жизни, всегда положительно заряжен на все, что делаю, по отношению ко всем — потому что без такого заряда, скорее всего, ничего хорошего не создашь. Из плохого — то, что я всю жизнь прошел таким... чересчур уж любвеобильным.

— Разве это минус?

— С одной стороны — хорошо, с другой — некое распыление сил

и энергии. Во всем — и в личной жизни, и в творчестве. Так что, думаю, здесь больше минус.

— Замечательный композитор Геннадий Гладков начинал свою музыкальную карьеру с того, что играл на аккордеоне «Мурку» друзьям-уголовникам. Как начинали вы?

— Вот вы спросили, что я унаследовал от отца. Одно я знаю точно: он начинал как «серьезный» композитор, писал симфонии, балеты, но потом ушел в кино и музыкальный театр. И у меня та же история. Я окончил теоретико-композиторский факультет Московской консерватории. (О чем, естественно, не жалею: музыкант без академического образования — не полноценный музыкант!) В молодости я тоже писал серьезную музыку — кантаты, сонаты, циклы романсов, хоры... Но меня всегда тянуло в музыку драматургическую — в кино, театр. Я рано начал работать — в 18 лет. И сразу в театре! Вернее, в эстрадной студии МГУ «Наш дом» Марка Розовского, Ильи Рутберга и Альберта Аксельрода, откуда вышло много известных ныне актеров и режиссеров. Хотя все мы были очень молодыми — Розовскому было 24 года, мне — 18, но для меня это была, конечно, грандиозная школа жизни, как бы сказал Горький — «мои университеты». Основа основ. Там я начал писать песни и мюзиклы.

*С супругой —
Мариной*

— В 80-е годы один за другим выходили фильмы с вашей музыкой. А когда вы поняли, что вот она — пришла слава?

— Известным меня сделал фильм «Д'Артаньян и три мушкетера». Тогда посыпались заказы, предложения, появилось телевидение... Сразу все открылось!

— «Пора-пора-порадуемся на своем веку...» — это сейчас классика жанра, а ведь поначалу ваши песни, наверное, ругали на чем свет стоит?

— У Ильфа в «Записных книжках» написано: «50 лет ругали. А потом за это же хвалить будут»... Конечно, не все, что ругают, потом хвалят. Но, во всяком случае, — это частое явление. У меня даже остались какие-то заме-

точки из газет «Правда», «Советская культура», где писали, что «эти глупые песенки никто никогда не запоет». К счастью, к подобной критике я отношусь спокойно, с юмором. Больше реагирую на мнение моих друзей, близких, которых уважаю.

— До серьезных цензурных запретов не доходило?

— Ну, было немножко, но это так смешно выглядело. Например, в безобидной детской песенке «Я — Водяной» вдруг «находились» политические подтексты, чуть ли не сам Председатель Гостелерадио СССР Лапин сказал, мол, «куда это они собрались лететь? Не в Израиль ли случайно?» Между прочим, Лапин был далеко не глупый человек, просто время было такое.

Знаете, когда сегодня некоторые творческие личности рассказывают, как их в те годы третировали и прижимали, из-за чего они не смогли самореализоваться, я этому не особенно верю. Я считаю, настоящий талант прорвется при любом режиме — будь то времена Римской империи или Советского Союза. Уж как Солженицына гнобили, из страны выгнали, а он все равно остался самим собой, и его жизнь была полна и интересна.

суть их профессии, их «физика». Моя же профессия более собранная, тихая, да и воспитание у меня немножко другое. И все же то, что девушки «чепчики бросали» при виде мушкетеров в Львове и в Одессе, — это факт!

— Михаил Боярский рассказывал: на пике славы был подвержен таким атакам фанатов, что иногда вынужден был буквально применять грубую мужскую

Я никогда не говорил плохо ни об одной из своих бывших женщин, никогда ни с кем не делил имущества. Уходил — и начинал жизнь с нуля. Наверное, это одна из причин, что они не только поддерживают со мной ровные отношения, но и между собой дружат! С легкой руки Натальи Андрейченко появилось даже шутовское выражение: «Пора создать «клуб жен Дунаевского»

— На съемках «Трех мушкетеров» собралась очень дружная компания — Балон, Боярский, Старыгин, Смирнитский, о чьих любовных и прочих похождениях более 30 лет ходят легенды. Как вы при всей вашей любвеобильности не «влипли» вместе с ними в какую-нибудь захватывающую дух историю?

— Во-первых, я с ними немножко потусовался, конечно. А потом... Актеры — это немного другая категория людей. Они практически все, особенно в молодости, позволяют себе некие буйные выплески, потому что это

силу — так доставали! А у вас были неистовые поклонницы?

— У меня таких поклонниц не было никогда. Я хоть и публичный человек, но строю свои отношения с прекрасным полом совсем по-другому. Возьмите «желтую прессу», она же не пишет ни о каких моих похождениях. Значит, видимо, ничего этого нет! А было бы, они быстренько ухватились бы.

— Вас называют «родоначальником слияния вокально-инструментального жанра и кино»? Это так?

— Я просто первый это сделал — в «Трех мушкетерах». До этого никто никогда с ансамблем музыку и песни для кино не записывал.

— У каждого маэстро свой секрет создания музыки. Как пишете вы?

— Для меня главное — мелодия. Бывает, я пытаюсь ее «ухватить за хвост». Иногда я ее просто позову: «Давай-давай. Вот сейчас... очень нужно!» — и она приходит. Иногда не получается... Тогда я не делаю никаких усилий, потому что знаю: если не пришла, значит, «не хочет». Мелодия для меня — это некая Королева, за которой нужно поухаживать немножечко, и она либо сама захочет придти, либо нет. А вымучивать, выпрашивать... Нет, нельзя.

— Из этой серии знаменитая история песни «Позвони мне, позвони» из фильма «Карнавал»? Ведь всего вами написано было, если не ошибаюсь, 25 вариантов!

— Да! Татьяне Лиозновой все время что-то не нравилось. В результате, я решил пойти на обман. Принес «новую музыку», она послушала и, наконец, сказала: «Вот! Это то, что нужно! Все-таки я не зря столько времени приставала к тебе!» А это был самый первый мой вариант, который она забраквала. И он вошел в картину. Потому что был самый искренний.

— Как вы считаете, влюбленность помогает творчеству?

— Наверное, все влияет. А может ничего не влиять — сядешь где-то в уголке посреди шума и...«эврика!» Илья Резник может сесть в угол, взять салфетку и написать на ней стихи... На самом деле способность к творчеству, к любому — это вещь, про которую мы не можем ничего складного придумать в плане научных обоснований. Лично у меня никаких «вспомогательных» ритуалов нет. Просто я люблю какие-то места для этого. Допустим, в загородном доме у меня свой кабинет, который я сам своими руками сделал. Вот я в него люблю войти, посмотреть на мои фотографии, настроиться. Там как-то все пахнет творчеством — для меня...

— Из 200 песен, которые вы написали, какие бы безоговорочно занесли в свой «хит— парад Максима Дунаевского»?

— Я бы назвал некоторые, за которые никогда не стыдно. Среди них песни к одной из любимых моих картин «Мэри Поппинс» — «Ветер перемен», «Непогода»... Мне очень дороги «Ах, этот вечер!», «Все пройдет...» Многие из них написаны совместно с потрясающими поэтами Наумом Олевым, Леонидом Дербеневым, Юрием Ряшенцевым. Это песни не только лирические, это и философские — в них есть новизна, смысл, содержание. Их не так много, но за них не стыдно.

— Для композитора это главный критерий?

— Для меня — да! Когда-то я, например, очень стыдился своей песни «Городские цветы», считая ее слишком кабацкой. Но по сравнению с тем, что появилось на эстраде потом, она оказалась просто... классикой Моцарта. Не хочу уподобиться старому брюзжащему человеку, не врубающемуся в тему, но для того, чтобы написать хит того формата, который сейчас востребован, ни таланта, ни мастерства особо не нужно.

— Помните, герой Сергея Мартинсона в картине «Антон Иванович сердится» утверждал: «Музыку нужно не сочинять, а изобретать»...

— Вот-вот. Музыку «изобретают» многие. Вся сегодняшняя попса, например, — это же изобретенная музыка, не сочиненная. Человек садится к компьютеру и начинает «конструировать» даже не из «кирпичиков», а из уже готовых блоков. И это конструкция! Поэтому в музыке сейчас «живых» произведений почти нет. Все остальное делают бесконечные радио- и телеэфиры и ротация.

— В свое время вы открыли таланты поющих Боярского, Караченцова... Вы всегда пишете конкретно для кого-то?

— Это самое главное! Я всегда пишу конкретно для кого-то. Последний пример — мюзикл «Любовь и шпионаж», который написан специально для Ларисы Долиной.

— Кстати, лет восемь назад вышел потрясающий мюзикл «Веселые ребята», где к известной музыке отца вы дописали 9 или 12 новых мелодий. Совершенно волшебная штука получилась, там блистали Дмитрий Харатьян и Ирина Апексимова. Почему он широко не пошел?

— Этот жанр очень труден. Почему? С одной стороны, у нас прижилась антреприза (поскольку это частная вещь, спектакли стоят очень дешево). С другой — есть государственные театры, живущие на дотационные деньги и деньги спонсоров. А вот между ними стоит мюзикл, который не может быть таким же дешевым, как антреприза, где из декораций зачастую одна простыня, две картонки и для переезда из города в город достаточно одного чемоданчика. Мюзикл — это обязательно живой оркестр, прекрасные декорации, шикарные костюмы, свет, звук... Он — дорогой продукт! И он конкуренции не выдерживает. Все говорят: «А почему у нас не приживается мюзикл?» А потому что равных условий нет. Но все равно делать-то что-то надо! Мюзикл, музыкальный театр — это та область, которой я хочу посвятить себя максимально. Мне сейчас это интереснее всего.

— Если честно, хотя бы изредка не тянет «изменить» любимому жанру, написать рапсодию или симфонию?

— А я, кстати, до сих пор иногда этим балуюсь! Несколько лет назад написал большую кантату «Радуйся солнцу» на старорусские и церковные духовные тексты — для симфонического оркестра, хора и трех солистов — баса, сопрано и рок-певца. Кантата была исполнена в Псковском кремле на 1200-летию Пскова при шеститысячном скоплении народа, имела большой успех. Так что бывают у меня такие «озарения».

— Джон Леннон говорил: «За спиной каждого гениального идиота всегда стоит великая женщина». Вы можете сказать, что всегда рядом с вами были женщины, которые поддерживали, вдохновляли?

— Наверное, могу. Ведь если женщины в жизни мужчины не играют роли, то он, наверное, и не мужчина. Правда, в моем случае легко возразить: мол, женщин было слишком

много. Но, безусловно, на каждом этапе жизни это присутствовало.

— Так и хочется спросить: а где вы их находите?

— Например, с Мариной, моей нынешней супругой, нас познакомили. Это было в конце апреля 1999 года на дне рождения директора гостиницы «Редиссон-Славянская». А в остальных случаях... Все было по-разному. И они все разные. Правда, у всех есть что-то общее с моей мамой. Словом, любимая женщина чуть-чуть должна быть мамой, чуть-чуть любовницей, чуть-чуть — хозяйкой... Все по чуть-чуть! Но в одном лице.

— В музыкальной грамоте — семь нот... У вас — семь жен. Случайное совпадение?

— Ха-ха-ха! Кстати, вы мне первый об этом сказали, такое откры-

тие совершили! Возможно, восьмой поэтому и не будет! Я действительно считаю, что это мой счастливый брак «на всю оставшуюся жизнь».

— Говорят, вы поддерживаете отношения со всеми своими бывшими женами. Как вам удалось то, что не удастся почти никому из публичных людей?

— Я думаю, что это, скорее, данность природная — так тянет, так душа зовет. Я никогда не говорил плохо ни об одной из своих бывших женщин, никогда не делил ни с кем имущества. Уходил — и начинал жизнь с нуля. Наверное, в этом одна из причин, что они не только со мной ровные отношения поддерживают, но и между собой дружат, общаются! С легкой руки Наташи Андрейченко, появилось даже шутивное выражение: «Пора создать «клуб жен Дунаевского».

— У вас четверо детей. На сегодняшний день есть шанс, что кто-нибудь из них продолжит династию композиторов Дунаевских?

— Единственный шанс — моя старшая дочка Алина. Она живет в Париже, там организовала рок-

Америка повлияла на вас как на музыканта?

— Я прожил в Лос-Анджелесе девять лет. Работал над музыкой к фильмам и шоу в Атлантик-сити, на телевидении. Говорить, что в США я имел шумный успех, не буду, как это делают многие, кто возвращается.

Для меня при создании музыки главное — мелодия. Бывает, я пытаюсь ее «ухватить за хвост», а иногда просто позову, и она приходит. Мелодия для меня — это некая Королева, которая либо сама захочет придти, либо нет. А вымучивать из себя... Нет, нельзя

группу. Пишет музыку, поет, аранжирует. Мне кажется, она талантлива, и при удачных стечениях обстоятельств из нее может выйти толк. Хотя добиться успеха за рубежом очень сложно... А больше — никто! Старший сын Митя подавал надежды, у него большие способности, и музыкальные, и актерские. Даже какое-то время в голливудскую актерскую школу ходил. Но принял решение посвятить себя мужскому делу — он финансист, работает в крупной швейцарской компании. Средняя дочь, видимо, посвятит себя театру. А младшая Полина пока еще не определилась, что ей интереснее. То она хочет стать теннисисткой, то артисткой, то еще кем-то.

— Вы едва ли не единственный из наших композиторов, работавших в Голливуде. В чем

Работал на хорошем профессиональном уровне. Для меня Америка — это, прежде всего, их технологии, совершенно другие отношения внутри творческих коллективов. Они более жесткие и более конкретные, точные. Не важно, в музыке или в кино. Технологически там действительно другой качественный уровень! И это стоило перенять. Поэтому, вернувшись сюда, и я, и Саша Журбин, и другие, кто там работал, стараемся выстроить свои отношения с режиссерами и киношным окружением правильнее. Скажу вам честно: пока это больших трудов стоит и плохо приживается.

— Александр Журбин работал в Америке тапером. Можете назвать самый тяжелый момент в вашей американской «одиссее»?

— Мы там пытались создать шоу-театр с рестораном — в Штатах такие представления называются «диннер-шоу». Один из моих друзей купил громадное по размерам заведение, с хорошей сценой. Мы его оформили, сделали звук, свет... Пытались наладить этот бизнес, но, конечно, с нашим российским пониманием бизнеса не смогли одолеть трудностей, а трудности были просто ужасающие. Ведь в тот момент на это было брошено все — и здоровье, и деньги, и время. Порой приходилось мелочь считать по карманам... Буквально!

— А планов остаться на «фабрике грез» изначально не было?

— Наоборот, были! Но душа и работа позвали сюда. А теперь — на пенсионный какой-то период, может быть, снова в Америку поеду... Скучаю, знаете ли, по любимым американским местам...

— Лет десять назад на вопрос «Как отдыхаете?» вы отвечали: «Водка, плавание, теннис. И ничего больше». Что ответите на этот же вопрос сейчас?

— Да вот точно также. Это же вещи вечны-е! Ну, естественно, семья все-таки к этому прибавляется. Но семья как раз мешает отдыху. Она ведь какое-то время терпит, а потом начинает что-то обязательно просить, кланчить, давить... Поэтому я не ратую за то, чтобы отдыхать без семьи, но именно поэтому не включаю ее вот в этот перечень.

— Еще без чего вы сегодня не можете обходиться, что дает заряд, силы?

— Если все элементы моего отдыха чуть подробнее расшифровать, много новых граней добавится. Например, теннис для меня — это не только игра и физическое удовольствие, это и общение, и времяпровождение, и уход от всякой рутины и ерунды — в этот момент у тебя голова абсолютно свободна. Водка — это не просто выпивка, а это тоже любимые друзья, с которыми ты общаешься, делишься. Плавание для меня — это, прежде всего, море. Без него я вообще не понимаю, что такое отдых. В горах мне неинтересно. Лыжи? Я катался на лыжах — максимум, два дня. А вот море никогда не надоедает.

— И последний вопрос. Максим Дунаевский везучий человек?

— Думаю, что да! В моей жизни есть моменты несомненного везения... Недавно мой друг, один из богатейших людей страны (не буду называть его фамилию) сказал мне: «Знаешь, Максим, мне в жизни никогда не везло!» После этих слов мне хотелось упасть со стула... Вот он не считает, что его миллиарды — это фарт, удача, все, что у него есть, он заработал кровью и потом. А я, у которого нет в наличии и малой доли того, называю себя везучим. Согласитесь, парадокс! И главное, что я себя таковым всецело ощущаю. □

Беседовал **Андрей Колобаев**

Виктор Кметь

ТРЕТЬЯ БОЛЬ

Часы судьбы пропели третью боль,
А я уже почти забыл две первых.
Потухший взгляд, рождающий
инферно...
Любовь моя, что сделалось
с тобой?

Предательство — расстрел длиною
в жизнь,
Где ни одна из пуль не клонет
мимо.
Ежесекундно памятью прошит,
Я умирал, а ты была счастливой.

А вам — судить и вешать ярлыки
На зеркала, в которые глядите.
Но если есть клыки, то обнажите,
Хотя какие могут быть клыки...

Мир — не спасенный красотой урод,
Но ярость духа все же путеводна!
Комета лучезарна и свободна!
И высшей мерой — огненный полет.

MAINE DAME

Мы потеряли невинность в боях за любовь...

Виктор Цой

Правота за тобой, неизменно железная леги.
Все сбывалось по слову, наотмашь ломая хребет.
Я узнал, как глядят в темноту не рожденные дети,
Как пылает клеймо на сраженной паденьем судьбе.

Исчерпав на войне невозможных и лютых прощений
Безоглядную веру, любовь подняла белый флаг.
Видит Бог, Белоснежка, я знал, ты была совершенна,
Но не смог по-другому, как, впрочем, и ты не смогла.

Изменяя себе, преломив лебединые шеи
Иделов, обжегся о боль твоих пепельных глаз.
Я спасал от взросления детскую блажь отношений
И натягивал нимб на рога, а в итоге погас.

Мои руки в крови молчаливых и страшных согласий.
Адаптация совести... Время бездушных убийц.
Вероятность друг друга кричала, и выбор был ясен,
Но большим дураком оказался твой маленький принц.

Над страной чудес — одиночества черные храмы,
Только кроличьи норы призывно горят в темноте.
Млечный путь уронил нам в сердца по цыганской звезде.
Возвращайся, Алиса, ты так мне нужна... Maine Dame... □

Я ПАДАЮ...

---

*Из тьмы иль снова в темь летит моя душа —
Не ведаю, как жить...
Мне праведно, перед Всевышним трепеща,
Себя перекрестить...*

«Сегодня тебе не стоит выходить из дома, — сказал Анастасии ее внутренний голос. Было раннее утро. Она только что открыла глаза, и ей показалось, что слова эти прозвучали еще во сне... — Иначе ты влипнешь в историю, — продолжал внутренний голос, который прекрасно знал характер своей недоверчивой хозяйки и потому был настойчив и безжалостен, — из которой, пожалуй, и выкарабкаться-то не сможешь! И я призываю тебя — посиди дома, позвони редактору и скажи, что ты плохо себя чувствуешь... Или намекни, что пишешь для газеты какую-то великую вещь и тебе нужен свободный творческий день...»

Внутренний голос был упрям, но Анастасия еще упрямее. Успев приготовить завтрак, накормить им мужа и сына-школьника, а также привести себя в порядок, она выпорхнула из дома вместе с ними. Собственно, день начинался как всегда. Это утро было не хуже и не лучше других. Алексей побрел в свой Союз художников, где планировалось открытие выставки его работ, а Павлик отправился в школу.

Подходя к редакции, десятиэтажному зданию, в котором они, газетчики, занимали три верхних этажа, Анастасия вновь услышала свой внутренний голос, который жаловался неизвестно кому, что она его совсем не слушает... Интересно, интересно... Кто же его собеседник? Мысли ее полетели в далекие миры. Она вспомнила слова великого философа Николая Федорова о том, что посредством одного зрения пространство не может быть открыто. Зримое есть только предполагаемое. Правда, Анастасия подо-

зревала, что видела в этих словах не только то, что хотел выразить философ, но и подтверждение присутствия в неких довольно близких к нам измерениях тайной силы, которая способна влиять на человека, оберегать его, или, напротив, погубить... Возможно, внутренний голос разговаривал с ее ангелом-хранителем...

На планерку Анастасия опоздала. В редакции давно к этому привыкли и не делали ей замечаний, памятуя о давнем случае, когда самый первый ее редактор лишил ее премии «за систематические опоздания на работу», после чего она не опаздывала месяца три, но и оригинальных материалов в газету за все это время от нее никто не дождался. И вот каждое утро в тоскливой тишине и монотонном жужжании редакторского голоса все ждали одного и того же спектакля, и грешно было лишать людей этого зрелища. Анастасия быстро разделась, причесалась в приемной, перекрестилась, как актриса перед выступлением на сцене, и вошла в редакторский кабинет... Суть ее дальнейших действий сводилась к одному — как можно незаметнее добраться до своего стула, который стоял у самого края огромного длинного стола, созданного специально для планерок. Здесь у каждого было свое постоянное место, и это гарантировало, что, даже если Анастасия будет пробираться с закрытыми глазами, все равно попадет именно на свой стул. От двери до этого стула было примерно шагов десять, но как она их преодолевала! Коллеги говорили, что они не ходят в театр потому, что не представляют зрелища лучше того, что она показывает на планерках. Впервые, Анастасия всегда шла, вернее, ползла к своему стулу согнувшись, чтобы вечно выступающий и занятый собственной персоной редактор не заметил ее за спинами товарищей. Чаще всего у нее было уморительно-повинное выражение — в отчаянии сложенные на груди руки, мученическое лицо, покаянное раскачивание головой, означавшее, что нет ей прощения! Иногда спектакль начинался тогда, когда она, действительно незаметно пробравшись к своему месту, словно вросла в стул и лукаво смотрела вокруг, как будто была здесь с самого начала. Часто все были заняты каким-нибудь спором или дразгмами, и в таких случаях ее искусство могли наблюдать и оценить лишь те, что сидели напротив. Увы, таких коллег было немного, основная масса журналистов сидела рядом и сзади нее, и их в подобных случаях ждало разочарование — захваченные спором и пропустившие «выход» Анастасии, они вынуждены были лишь констатировать по ее спине, что спектакль уже идет, но они смотрят его из-за кулис...

На этот раз ей не повезло — как только она открыла дверь, все взоры устремились на нее, как будто присутствующие специально ждали, когда она появится. Чувствуя, что мимикой здесь не обойтись и надо сказать какую-то оправдательную речь, Анастасия начала:

— Здравствуйте! Не смотрите на меня так осуждающе. Вы вот сидите, такие хмурые, озабоченные, деловые и скучные, а тут захожу я и пробираюсь потихонечку, вам становится смешно, весело, и вы уже забываете обо всем плохом, что успело обрушиться на вас за это утро. Представьте, что бы вы делали без меня? Несли бы свое уныние и скуку в газету? А я хочу возвысить свои опоздания до степени их влияния на более живое содержание газеты, когда в ней чувствуется энергия...

Анастасию слушали не перебивая, потому что она была талантлива. По этой же причине к ней никогда не относились как к клоуну или, правильнее сказать, к клоунессе. Но, продолжая говорить, она ощущала, что сегодня здесь происходит что-то не то, что все эти лукавые многозначительные взгляды, скрещивающиеся на ней, говорят об одном — что-то редакторская братия ей уготовила. Редактор тоже смотрел на нее хитрющими глазами, а потом взял слово:

— Мы тут посоветовались перед вашим... появлением и решили, что только вы можете придумать...

— Что? — Анастасия даже вскочила с места, прижимая руки к груди. — Что я должна придумать? Я все сделаю, я смогу, вы только скажите. Умоляю!

— Ну, хватит, Анастасия, я же серьезно! Надо придумать несерьезную рубрику! Время сейчас не такое, как... раньше. Нас должны читать, выписывать. Подписка хромает. Это раньше областная администрация деньги давала, а сейчас говорит — сами зарабатывайте, увеличивайте подписку. Вот мы сегодня все распределились по новым рубрикам, кто что. А тебе надо придумать какую-нибудь сногшибательную... В стиле твоего последнего материала, где у тебя, помнишь, строчки-то были «Рыжее солнце вползло на карусель»...

Редактор был сегодня каким-то просительно-милым. Редактор ее цитировал! Ну, как не откликнуться на это потрясающее действие!

— Интервью с рыжими! — воскликнула Анастасия.

— Что — с рыжими? — недоуменно переспросил редактор.

— Рубрика новая, — вставил Серик, казах по национальности, красивый, многодетный и очень способный журналист, который недавно влился в их ряды. — А что, мне нравится...

Все пожилые коллеги, выступающие в роли наставников, отвергли предложенную рубрику как неэтичную. Зачем, мол, подчеркивать, что у человека такой цвет волос...

— Почему именно с рыжими? — спросил сбитый с толку редактор.

— Брюнетов и блондинов — много, — улыбнулась Анастасия, — на них газетной площади не хватит. А рыжих мало. К тому же они особенные.

Раньше из них варили эликсир долголетия... Можно об этом рассказать перед презентацией рубрики...

— У нас человеколюбивая газета, — отчеканил редактор. А потом все-таки попросил: — Расскажи про эликсир-то. Все ведь ждут.

Анастасия привела рецепт из древнеперсидского текста, который вычитала в книге «Закрытые страницы истории», — надо взять человека, рыжего и веснушчатого, кормить его плодами до тридцати лет, затем опустить в каменный сосуд с медом и другими компонентами и закупорить, а через сто с лишним лет тело обратится в мумию. Это и будет средство, продлевающее жизнь...

— И... что ты хочешь сказать этой бессмыслицей?

— О поиске. В области рыжих, — вновь стрельнул догадкой Серик.

— Я хочу сказать, что их мало, и они, по моим наблюдениям, все особенные. Может, особенные потому, что их мало. Но я просто гарантирую интересные интервью, потому что у них — свой взгляд на вещи. На политику. На друзей. Они не такие, как все. Дайте попробовать! Думаю, по первому интервью можно будет судить...

— А у тебя уже есть кандидатура? — деловито спросил редактор.

— Нет. Сейчас выйду на улицу и остановлю первого попавшегося. Нам ведь не важно, кем он будет по профессии, главное, интересен его взгляд на современные жизненные процессы...

— Давай! — махнул рукой редактор. — Иди прямо сейчас и... дерзай!

В кабинете редактора стало шумно, многие тоже захотели благословить Анастасию на этот подвиг. Она вышла, пронизанная ответственностью момента, забежала в свой кабинет, набросала на большом листе вопросы для рыжего, затем взяла чистый дешевенький блокнот, которые очень любила, еще одну новую шариковую ручку на случай, если подведет старая, и вышла из редакции.

Этот день обещал быть обыкновенным будничным серым днем, каких в жизни Анастасии, наверное, были вереницы, но она этого не замечала, ибо ее внутреннее состояние никогда не было ни серым, ни будничным. Внутри нее всегда что-то сияло, сверкало, да так ощутимо, что иногда ей казалось, что от нее исходят какие-то видимые всем лучи. Она одергивала себя за эти фантазии, но в то же время думала о том, что это выплескивается ее энергия и, возможно, задевает окружающих, как-то незримо влияет на них. Ведь не зря в ее присутствии унылые люди начинали улыбаться, а те, что безнадежно махнули рукой на какое-то дело, какой-то проект, отчаявшись добиться результатов, вновь обретали веру в успех. Ее хорошая знакомая Нина торговала книгами, дела ее шли плохо — книги никто не покупал.

Однажды Анастасия встретила ее утром — Нина со слезами отправлялась в свою палатку возле педагогического института.

— Зря и иду, — говорила она. — Все равно никто ничего не купит... Каждый раз так... Бросать это дело надо...

Анастасия пообещала ей помочь и часа через два пришла в ее палатку. Заставив Нину отойти в сторону, встала на ее место и за час продала почти все книги! Но самое главное — она научила Нину настраиваться на победу и всякий раз, идя на работу, повторять, что сегодня будет особенно удачный день, просто прекрасный, замечательный, и не отпускать, не терять этот настрой в течение всего дня.

Сейчас Анастасия шла по городу и сама настраивалась на победу. Интересно, что она всегда чувствовала, когда такой же настрой был в других людях, знакомых или незнакомых, и верила, что это чувство дано ей свыше. Как и многое другое — умение читать чужие мысли, узнавать судьбу ребенка — глядя на малыша, она, словно на экране, видела его взрослым и, в зависимости от этого, делала определенные выводы. Ей часто снились вещие сны — о ее прошлом и будущем. Она могла общаться с дорогими ей умершими людьми. Более того — она чувствовала смерть. По запаху. От человека, который стоял на пороге иной жизни, жизни после жизни, как выразился американец Моуди, исходил тонкий, едва уловимый запах, напоминающий об увядших осенних цветах... Иногда он был мягким, иногда резковатым, но вслед за этим запахом буквально влетала, распахивая все двери, вторгалась одна мысль: «Как жаль, что этого человека не будет»... Анастасия никому этого не говорила — сначала потому, что не была уверена в правильности своих догадок, а позже, когда получила доказательства своей правоты, ей было страшно и стыдно об этом сказать. Да и кому? Ведь чаще всего она делала такие выводы в автобусе, электричке, прикасаясь с незнакомыми ей людьми. Кстати, подтверждение верности своих ощущений она получила абсолютно случайно, возвращаясь на электричке из командировки в поселок цементников. Вместе с ней на остановке возле цементного завода села женщина с тяжелыми сумками. Анастасия помогла их разместить, они разговорились, и в какой-то момент их беседы она уловила этот знакомый, ужаснувший ее запах... Всю дорогу Анастасия думала о несправедливости законов бытия или каких-то механизмов, его определяющих, — женщине было лет под пятьдесят, она с восторгом рассказывала о своих детях и первом внуке... Когда поезд подъехал к вокзалу, Анастасия вышла первой и приняла тяжелые сумки попутчицы, но тут к ним подскочил трезвый, что бывало редко, корреспондент Сева Горбатко и, обвешавшись этими сумками, зашагал рядом с женщиной — как оказалось, его тетей. А через несколько дней Сева подошел к Анастасии

и сказал, что его тетя, с которой она тогда ехала, неожиданно умерла... Так Анастасия выяснила, что дано ей знать заранее. Однажды она со своим коллегой и его девятнадцатилетним сыном зашла в книжный магазин. Перебирая книги, юноша вдруг повернул голову к окну, и на него брызнул сноп солнечного света, который, осветив лицо и волосы, сделал его похожим на одуванчик. Анастасию тут же пронзила страшная мысль: «Как жаль, что его не будет»... И к ней потянулся тот самый запах... Она попыталась предупредить отца этого молодого человека о грозящей опасности, но у нее ничего не вышло... А через полгода юноши не стало...

Перечитав множество книг мистического содержания, Анастасия не нашла ответов на свои вопросы. А еще поняла, сколько ей пока не дано, да и будет ли дано вообще? Например, она не видела ауру человека. Как-то один из сослуживцев, считавший себя знатоком в этой области, долго рассказывал ей, что, чем шире аура — тем умнее человек, а у ограниченных людей аура тонкая, всего в несколько сантиметров. Анастасия невольно посмотрела на его голову — ее окаймлял тоненький, сантиметра в два, темно-серый нимб. Это было так смешно, что она расхохоталась, а сослуживец серьезно обиделся.

Но и того, что было, ей хватало, чтобы чувствовать себя человеком необычным — внутри себя, и немного загадочным — для других. Хотя эта загадочность при общении с людьми всегда уходила на второй план, уступая место ее жизнелюбию, энергии, всегда приподнятому, радостному состоянию, от которого она буквально светилась и дарила этот свет всем, кого любила и жалела. А все самое сокровенное, что происходило в ее загадочном мире, она изложила в своих рассказах, где пророческие сны, мистические истории следовали одна за другой. Эти таинственные рассказы она назвала «Где-то во Вселенной...» Решила — пусть все это уляжется, уживется на бумаге, ведь порой она надежнее, чем человеческая память...

Анастасия настолько погрузилась в свои мысли, что совершенно не заметила рыжего молодого человека, который, видимо, давно уже шел впереди. Рыжий был одет в хорошо сшитый серый костюм, какие даже сейчас, при отсутствии всяческого дефицита, можно найти далеко не в каждом магазине, и нес в руке довольно объемную черную матерчатую сумку. Он не суетился, не убыстрял и не замедлял шаг, не размахивал своей поклажей, не озирался по сторонам, но от него исходила такая сильная, мощная тревога, что Анастасии стало не по себе. В какое-то мгновение она решила не идти за ним — в данное время этому человеку явно было не до интервью, нечего и думать забивать ему мозги своими вопросами, да еще для чего — для развлечения читателей! Тревога его усиливалась буквально с каждым шагом, и она чувствовала, как он старается собраться, сконцен-

трироваться на одной мысли — все будет хорошо, удачно, все получится, волноваться нечего, меня ждет успех... Анастасия умела сопереживать, сострадать, ей стало искренне жаль этого парня, и она продолжала покорно идти за ним. Хотелось его догнать, спросить, чем она может ему помочь — скорее всего, здесь просто нужно доброе слово или добрый совет. Идти за ним подталкивало и простое любопытство — куда он спешит и почему так волнуется? Деловая встреча, от которой многое зависит? Пожалуй, нет, его беспокойство сильнее любого возможного при этом волнения. Свидание с женщиной? Нет, тут боязнь иного рода, явно не связанная с прекрасным полом... Анастасия перебрала еще несколько вариантов, ускорила шаг, чтобы успеть за рыжим, который пошел более энергично, и вдруг уловила в потоках энергии, которые шли от него к ней, какую-то замкнутую агрессивность. Она испугалась. В этот момент она не хотела бы встретиться с ним с глазу на глаз в каком-нибудь безлюдном переулке. Но вокруг было много прохожих, иногда ей даже приходилось кого-то обгонять, чтобы успеть за рыжим, не потерять его из вида, и постепенно она успокоилась. Однако теперь почему-то стала переживать за него — не наделал бы каких-нибудь глупостей... Может, он спешит к знакомому, который его обманул, и элементарно хочет набить ему морду? Или готовится сотворить что-то такое, за что могут ему отомстить? Или...

Неожиданно Анастасия налетела на выбежавшего из дворовых ворот ребенка, и малыш тут же заплакал. Она успокоила его, отвела обратно во двор, порывшись в сумке, достала конфету и дала ее ребенку. Все это заняло у нее минуту-две, но за это время рыжий бесследно исчез. Анастасия в недоумении остановилась посреди тротуара — видимо, пока она возилась с мальчиком, он куда-то зашел. Но куда именно? Вдоль улицы находились четыре вероятных места — гастроном, выставочный зал, какой-то коммерческий банк и магазин «Рыболов». Гастроном ей проверять не пришлось — там проводился санитарный день, в который полагается все мыть, чистить, избавляться от мышей и тараканов, но за окнами было пусто, и одинокие прилавки, похоже, напрасно дожидались своих хозяев — те просто устроили себе еще один выходной. В выставочном зале по утрам вообще не бывало посетителей, а на рыбака рыжий тоже не походил — его терзали явно не те заботы. Оставался банк, и Анастасия решила подождать его на скамейке в тени — не заглядывать же в это учреждение, где люди занимаются своими деньгами, это все равно, что заглядывать им в карман...

Рыжий выбежал из банка какой-то помятый, осунувшийся, как будто только что вылез из дерущейся толпы, где ему хорошенько наподдали и не сказали, за что. Он шагал прямо на Анастасию, и, пока она гадала, что же с ним произошло, и годится ли он сейчас для интервью, из банка при-

мерно в таком же виде выскочили еще двое и направились в ту же сторону, что и рыжий. Ей вдруг показалось, что это его враги, и он их боится! Поймав в какую-то секунду его затравленный взгляд, она решила броситься на помощь. Почему? Прежде всего, из элементарного чувства сострадания, но, главное — тех двоих окружало что-то злобное, кажется, прикоснись они к рыжему — и конец ему... Эта мысль заставила Анастасию вскочить со скамейки, броситься к рыжему, на мгновение застывшему под ее взглядом, представиться ему и, прикоснувшись к его руке, заговорить:

— Пожалуйста, извините меня, что я вот так, на улице. Я за вами, знаете, откуда иду?

— Так вы что, за мной следили? — вздрогнул рыжий.

— Ну, в некотором роде... Я сейчас вам все объясню...

И Анастасия стала рассказывать ему про газету, про планерку, про новые рубрики, в том числе и про интервью с рыжими. Она и не заметила, как рядом с ними остановилась машина, дверца ее приоткрылась, рыжий дернулся, чтобы туда сесть, но Анастасия в этот момент подсунула ему лист с набросанными для интервью вопросами и терпеливо ждала, что он ей на это скажет. Он же, поставив свою сумку на асфальт и зажав ее ногами, начал пробегать глазами текст. И тут один из двоих, сидевших в машине, выскочил из нее, быстро выхватил у рыжего сумку, дверца машины захлопнулась, и она, под его недоуменным взглядом, поплыла по дороге, набирая скорость, и через минуту исчезла. Рыжий так и остался стоять с недоуменным выражением на лице.

Анастасия хорошо разглядела эту машину — «Лада» цвета топленого молока. Новенькая, чистенькая, вся какая-то бесшумная. Но самое интересное — за рулем сидел один из тех двоих, что выскочили из банка...

Итак, двое, чем-то страшным связанные с рыжим, благополучно уехали на машине, оставив его торчать на тротуаре с какой-то помешанной журналисткой. Анастасия посмеялась над собой и ринулась в омут вопросов и ответов, где люди довольно редко говорят правду и всегда стараются выглядеть лучше, чем они есть. Но Анастасия считала, что это хорошее стремление — значит, человек догадывается о своем несовершенстве и понимает, к чему надо стремиться.

— Мне все же хотелось бы поговорить с вами... — нерешительно начала она, но рыжий, побледнев, тут же перебил ее:

— А вы далеко живете? Может быть, пригласите меня к себе? Вопросы мне понравились, я бы ответил...

— В редакцию, вы имеете в виду? Но это далеко. Мы можем просто сесть вон на ту скамейку... Погода хорошая... Пойдемте, а то, я вижу, вы плохо себя чувствуете...

— Я не хочу и не могу сидеть на скамейке! Вы что, далеко живете?

Тон его был довольно груб, но Анастасия приписала это его болезненному состоянию.

— Я живу тут, рядом...

— Так за чем дело стало? Я бы вас сам к себе пригласил, но я не здешний. У меня тут нет никого. Я в другом городе живу...

— Мне неловко, я вас не знаю, — решила все-таки сказать Анастасия, но он снова перебил ее:

— Да не бойтесь вы! Пошли отсюда скорее!

И они почти бегом направились к дому Анастасии, стоящему в глубине квартала, в центре дворового лабиринта.

Войдя в квартиру, она увидела в прихожей записку от сына: «Ушел на дзюдо. Буду поздно». Она расстроилась, и рыжий, заметив это, поинтересовался, что ее так расстроило.

— Сын опять ушел на дзюдо. А сегодня соревнования. Мы с отцом ему запрещали участвовать в соревнованиях. Просто заниматься — пожалуйста...

— Но что плохого в соревнованиях? Крепче будет, научится побеждать...

— Я считаю, да и муж мой тоже, что соревнования — это насилие над своими силами, над внутренними ресурсами.

— Оригинально...

— Да ничего оригинального! Страшные нагрузки на сердце, печень... Стрессовые состояния... Нужна физическая культура, а не спорт, не соревнования. Куль-ту-ра! Понимаете? — Анастасия прервалась и махнула рукой: — Садитесь вот за этот стол. А я здесь буду записывать. Вам удобно? Вы там, на улице, так побледнели, если плохо с сердцем, вот карвалол. У меня он всегда под рукой.

— Вы что, сердечница? — спросил рыжий, усаживаясь сбоку за небольшой письменный стол, на котором лежали аккуратно сложенные листы с текстом, выведенным на принтере.

— Похоже, да, но стараюсь об этом не думать... Не знаю, почему я с вами откровенна, но я не раз ощущала, как... умираю.

— И как же? — Рыжий вдруг улыбнулся: — Получается, не вы у меня интервью берете, а я у вас.

— Отвечу. Но только для того, чтобы вас разговорить. Сердечный приступ. И я просто падаю и умираю. Без лишнего крика и шума. Наверное, это было в прошлой жизни... У меня даже есть стих по этому поводу. Прочеть?

— Конечно!

— Мне снится все один и тот же город.
Унылый дом. Играет клавесин.
Пролетка. Кучер. И как будто скоро
Я на дорогу упаду без сил.
А дальше — тьма. Там ничего не снится.
Но этот сон, мгновенье, как изгой,
Из прошлой жизни вырванной страницей
Бежит, бежит и тянется за мной...

Рыжий ничего не сказал, но посмотрел на Анастасию с большим интересом. Однако она точно знала, что думал он о чем-то своем. Тем не менее, продолжила:

— Мне как раз на днях приснилось, как именно это произойдет. Или когда-то происходило...

— И как?

— А, не буду! Хватит того, что я все свои сны изложила на бумаге... И даже набрала на компьютере, подготовила к печати... Но что-то мешает мне их опубликовать...

Анастасия не нашла чистого блокнота — забыла, что они, целых два, лежат у нее в сумке, а потому взяла листы бумаги, сложила их напополам, и получилось нечто наподобие тетради, тоже вполне удобно записывать. Пока она занималась бумагой, рыжий внимательно стал вчитываться в текст, распечатанный на принтере. Она решила прервать его занятие и приступить, наконец, к делу.

— Извините, но я хочу сделать так, чтобы нам ничего не мешало, — сказала Анастасия, отодвигая от него свою рукопись. — Мы и так столько времени потеряли... А ведь даже еще и не познакомились...

— Я — Борис Лунин. Из... Великих Лук.

Она записала, хотя отлично поняла, что это ложь. Но почему?

— А вы точно из Великих Лук? И точно Лунин?

— Я же сказал...

— Гм... Хочу проверить. А есть ли там река?

— Вы имеете в виду — прямо в городе, что ли?

— А хоть и в городе!

— Ну... есть где-то недалеко...

— Откуда вы все-таки, а? Через Великие Луки течет Ловать...

Рыжий вдруг покраснел и, похоже, стал выходить из себя.

— Я там родился! А потом меня увезли... Откуда я могу помнить про эту дурацкую реку! И Лунин я, Лунин!

Он врал убедительно, но все-таки врал, а Анастасия терялась в догадках — зачем?

— Я с детства от этой фамилии страдал! Меня дразнили! Я рыжий, похож на солнце, а фамилия лунная...

— Небось, и дразнилки были? — усмехнулась Анастасия.

— Были!

— А вы их не помните?

Этим вопросом она проверяла его способности к экспромту. Что ж, если получится, это тоже пригодится ей для интервью. Рыжий минуту посидел молча, будто вспоминая, а сам лихорадочно искал хоть какие-то удобоваримые рифмы.

— Борька — рыжий, Борька — пламя!

Не гуляй сегодня с нами!

Тебе нужен дождик-дождь,

Не то город подожжешь! — неожиданно выдал он.

Что ж, терпимо... Но Анастасия не сомневалась, что этого не было на самом деле. А рыжий, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Я понял еще в детстве, что фамилия много значит для человека. Убежден в этом и сейчас... Моя фамилия все время заставляла меня размышлять о... космическом пространстве... О звездах. Естественно, о Луне. Я, знаете, не смеялся, когда Армстронг, первым побывавший на Луне, признался, что видел там Порфирия Иванова, и если бы не этот удивительный человек, то космонавтам не вернуться бы на землю, у них ведь были какие-то неполадки. И Порфирий, представьте, когда его спросили про этот случай, ничуть не удивился и подтвердил, что помог космонавтам...

После этой космическо-мистической тирады рыжего наступила приличная пауза, во время которой несколько удивленная Анастасия решала, в какую сторону повернуть это необычное интервью. А, была не была! Космос — это всегда интересно! И она осторожно спросила:

— А вы помните, у Блока: «Выйдет месяц — небесный Пьеро, встанет красный паяц на юру»...

— Ну, мне это не нравится... Какой паяц, какой Пьеро? Я этого не понимаю... Луна — это богиня ночного света, римляне именно так считали...

— А одно из своих святилищ эта самая Луна, по мнению тех же древних римлян, имела вместе с богом Солнца! Так что ваша внешность и ваша фамилия вполне объяснимы... — засмеялась Анастасия.

— Их представляли и иначе — как брата и сестру, даже как близнецов... Но мне больше нравится совершенно абстрактное определение. Луна — ночь, тьма, загадка, таинственность, Солнце — день, свет, труд, праздник... Как ни странно, в этом абстрактном больше конкретики. И тут я как бы раздваиваюсь. Фамилия меня тянет в одну сторону, а волосы и веснушки — в другую.

— Но у вас же нет веснушек...

— Просто я их свел.

Он был откровенен, и в то же время говорил неправду, Анастасия это чувствовала. Поняла она и то, что человек этот хорошо знает историю, мифологию, но главное для него — что-то другое, чего он боится коснуться даже мысленно, чтобы себя не выдать. Интересно, что именно?

— Так что о видении мира я вам уже и сказал, — продолжал рыжий. — То есть еще на один вопрос ответил. А теперь насчет жены и детей... Вы извините, нельзя ли попить, а то в горле пересохло...

Анастасия ушла на кухню, оставив его одного, включила чайник, а между приготовлениями к чаепитию осторожно заглянула в комнату — рыжий вновь нагло уперся глазами в ее рассказы о вещих снах, даже не пытаясь скрыть, что ему это интересно. Анастасия заметила, что до сих пор даже мысленно она называет его рыжим, а не Борисом, потому что и имя, и фамилия у него совсем другие, а это — выдумка на час или два...

— Анастасия! — вывел ее из оцепенения возглас рыжего. — Я тут все прочитал, вернее, пробежал глазами. И хочу сказать, что все это чрезвычайно интересно. Мы с вами во многом схожи. И эта ваша планета, где вы оказываетесь вместе с подругой... Она похожа на Луну... Но! Знаете, о чем сказано в древних мифах — Центральной Америки, кажется... Два бога должны были сгореть, чтобы превратиться в месяц и солнце! Так что — огонь! А у вас — холод...

— Так приснилось...

— Меня особенно последний сон поразил... Где вам прямо говорят, как вы умрете... Вы к нему как отнеслись? Испугались?

— Может быть. Даже с сердцем плохо стало.

— И декорации такие, знаете, интересные — там красный дом, тут старинный особняк, рядом — ветхая пятиэтажка...

— А... почему декорации?

— Ну, я имею в виду — место действия...

Рыжий говорил, а сам не отрывал глаз от рукописи. Анастасия же принесла, наконец, чай и обратилась к нему:

— Вот что, Борис...

Рыжий не реагировал!

— Но вас ведь зовут Борис?

Он все же оторвался от своих далеко уведших мыслей, поднял голову и уверенно ответил:

— Конечно.

— Мне интересно, как живет рыжим — легче или тяжелее, чем другим? И считаете ли вы этот мир справедливым? Справедливее, чем считают его другие?

— А почему бы вам негра об этом не спросить?

— Но у нас нет негров!

— Что ж, отвечу. У каждого своя выгородка, независимо от внешних данных.

— Что, что?

— Выгородка. Ну, в театр вы ходите? Или в кино? Действие, скажем, происходит в комнате героини. Эту комнату — декорацию — строят в павильоне. Она и есть выгородка. Ее выгораживают от всего другого...

— А вы что, кино снимаете?

— Нет, нет, ни в коем случае!

Он сказал это поспешно, слишком поспешно, и Анастасия поняла — он причастен к кино, вернее, к киносъемкам. Однако она решила не показывать вида, что узнала о нем хоть часть правды — во-первых, чтобы его не нервировать, во-вторых, из боязни за себя. Раз человек скрывает правду, значит, у него есть на то причина, и она ведь не знает, какая именно. Анастасия решила продолжить глубокомысленный, но ни к чему не обязывающий разговор:

— Вы хотели сказать про выгородку...

— Да, хотел. У каждого она своя, в зависимости от того, как живешь, думаешь, чего хочешь, ждешь... Человек сам создает свой мир...

— Но обстоятельства бывают сильнее любых человеческих желаний...

— Обстоятельства? Бывают... Но тогда их надо обуздать. Запрячь, как тройку коней. Запрячь и хлестануть как следует!

Анастасия пожалела, что привела его домой. Сейчас ей показалось, что он ненормальный, псих, что ему плевать на людей, что он ради своей какой-нибудь грошовой цели готов растоптать любого, даже беззащитного человека. И еще в его голосе ощутило послышалось некое барское высокомерие, болезненное величие, которое довольно часто бывает у людей талантливых, но обиженных судьбой. Разумно решив, что этот костер надо быстро и осторожно погасить, она спокойно спросила:

— А кто вы, Борис, по профессии?

— Я — инженер, — горделиво ответил он. — Я многое могу, умею, но не вижу, чтобы людям это было особенно нужно.

Вот это уже была правда! Как отличались его спокойные, уверенные слова от того напряженного разброса мыслей, который был ранее, от той боязни ошибиться, раскрыться и дать раскрыть себя, свое состояние, свою тайну — да, да, именно тайну, иначе зачем нужно было ему все это вранье, весь этот лунатизм в космосе, это солнцестояние... Анастасия уверенно взяла в руки эту хрупкую, протянутую ей случаем ниточку и осторожно потянула за нее:

— Вы — инженер... Это здорово! А вы... что-нибудь изобрели, да?

— Что-нибудь — да. Я инженер в четвертом поколении. Мой прадед еще до революции сотрудничал в Питере в Металлургическом бюро — слышали о таком?

— Нет...

— Как — нет?! Вы же журналистка! Самые прогрессивные технические идеи! Прадед был конструктором, он выполнял проекты новых печей. Первая мировая война... Не хватало трехдюймовых артиллерийских снарядов, и их стали делать на заводах — корпуса вытачивались на станках, представляете? А затем они подвергались термообработке в специальных печах... Вот этих печей сначала и не было, их-то и делал мой прадед... Из этого Металлургического бюро уже потом, через много лет вырос «Стальпроект» — институт по проектированию агрегатов сталелитейного и прокатного производства для черной металлургии. Не знаю, что с ним сейчас... Впрочем, наверное, то же, что и со всеми — не работает...

Анастасия чувствовала, что этот рассказ правдив, более того — дорог рыжему. Может, из-за прадеда, которого он почитал и любил, но, скорее всего, из-за дела, из-за профессии, которой он хорошо владел. Интересно, где он работает, чем занимается? Что-то изобрел, но что конкретно? Если не получится интервью с рыжим, то, возможно, получится интервью с гостем нашего города. Интересным гостем.

— Что же все-таки вы изобрели, а?

В глазах рыжего вспыхнул какой-то нехороший огонек — вопрос ему явно не понравился. Но почему? Ведь только что ему было по-настоящему интересно рассказывать об инженерном деле, что же изменилось за эти секунды? Что было в ее вопросе такого, что могло вызвать его неудовольствие? Про изобретения она уже второй раз спросила — в первый раз он был спокоен и сказал как-то нечетко — промямлил, что он действительно что-то изобрел. Но и многозначительность какая-то при этом была — вроде как это что-то секретное. Есть еще и третий вариант — вероятно, он действительно замечательный инженер, который много всего изобрел, но, по нашей русской традиции, это оказалось никому не нужно... Возможно, он посылал чертежи своих изобретений в разные инстанции и получал отписки... Это его измотало, измучило, озлобило, в конце концов! И Анастасия с теплотой, на какую только была способна, попросила:

— Пожалуйста, расскажите мне о своем изобретении...

И снова на его лице появилась нехорошая, прямо-таки отвратительная ухмылка. Анастасия почувствовала себя так, словно ей дали пощечину. Инженер... Да никакой он не инженер, а обыкновенный проходимец, прощелыга, которого она, по своей безмерной доверчивости и глупости — да,

да, именно глупости, — привела в собственный дом. Надо немедленно заканчивать с идиотским интервью и гнать этого «залетного мудреца», этого изобретательного луноведа в шею! И все-таки, несмотря на его противную улыбку, Анастасия решила дождаться ответа.

— Об изобретении... Хм...

Рыжий сделал очередную паузу и тихо, но как-то настойчиво произнес:

— Я думаю... нет, я просто уверен, что вы еще услышите о моем изобретении...

Началась какая-то нехорошая игра, но Анастасия все же не чувствовала, что ей угрожает опасность, а потому, вопреки логике, решила продолжить этот тупиковый разговор.

— Но намекните хотя бы, с чем это изобретение связано, — попросила она.

— С... благосостоянием людей. Да. С благосостоянием. С их обеспеченностью.

— Чем?

— Чем? — Рыжий на минуту задумался. — Да всем. — Он вскинул вверх руки и стал водить ими, как бы охватывая все, что было в комнате — шкафы, люстру, шторы на окнах, цветы. — Всем вот этим! И этим! Всем! Всем! Всем, я вам говорю!

Вот теперь Анастасия твердо решила гнать этого ненормального философа. Спокойно глядя ему в глаза, она сказала:

— Мне кажется, что для интервью вполне достаточно материала. Спасибо.

Рыжий сразу как-то сник — чувствовалось, что уходить ему не очень-то хотелось, встал, покорно пошел к выходу, но вдруг у самых дверей резко обернулся и проговорил:

— А чай я так и не выпил...

— Пейте, — покорно разрешила Анастасия.

Рыжий вновь уселся за стол, залпом выпил остывший чай, презрев и сахар, и конфеты, вынул носовой платок и стал осторожно вытирать вспотевшее лицо. Что-то в его движениях показалось Анастасии странным, неоправданным — ну да, конечно, эта его необъяснимая осторожность. Он был похож на загримированного артиста, который боится испортить свой грим. Но рыжий не был загримирован! У него было чистое, правда, бледноватое лицо. Анастасия быстро надела очки, подошла к нему ближе и стала вглядываться в него, как историк — в ценнейший музейный экспонат.

— Что это вы меня рассматриваете, как бабочку? — с деланным возмущением спросил он, вставая из-за стола.

И тут ее поразило то, на что ранее она почему-то не обратила внимания — его рыжие волосы при ближайшем рассмотрении не блестели, не полыхали огнем. Нет, они по-прежнему были ярко-рыжими, прямо-таки красными, но в них не было блеска, не было, живительной влаги. Они казались тусклыми, совершенно безжизненными!

Рыжий допил чай и собрался уходить, а идиотский вопрос буквально сорвался с губ Анастасии:

— А у вас что, парик?

Рыжий застыл на пороге и обернулся. В глазах его заметались зеленые искры, и он процедил сквозь зубы:

— Это не ваше дело. Выкиньте все из головы. И это ваше дурацкое интервью — тоже. Вы поняли?

— Мы поняли, — заверила его Анастасия. — Мы больше не будем.

Последние слова она договаривала, уже слыша шаги сына — Павлик всегда поднимался по лестнице, пританцовывая или напевая разные песни, в зависимости от настроения. Рыжий столкнулся с ним на лестничной площадке и молча прошел мимо.

— Что, проиграли? — сочувствующе спросила Анастасия.

— Да на фиг эти соревнования! Сейчас тебе такое скажу — упадешь!

— Ладно, зайди сначала. Это от нас гость вышел, я у него интервью брала.

Она втянула сына в прихожую и закрыла дверь.

— На фиг твоего гостя! Наш банк ограбили! Ты тут сидишь с гостями, а у нас вся улица оцеплена! И по телевизору об этом говорят! Вы хотя бы телик включили, тогда бы знали.

— А... какой банк? Не рядом ли с выставочным залом?

— Ну да.

— А... кто ограбил? Их задержали?

— Хм... А почему ты думаешь, что их было несколько? Может, один человек грабил. Я думаю, тут и один вполне справится. Вспомни, сколько есть детективов, где один мужчина или даже одна женщина грабит банк. Заходит в маске, наставляет пистолет, и — порядок!

— Павлушка! Что ты мелешь! Какой же это порядок!

— Да ладно тебе, не сердись. Подумаешь, что плохого-то, что ограбили? Кто там деньги-то хранил? Богатые. Вот и прикинь, выходит, отобрали у жуликов.

— Ага... Благородные отобрали, да? Вор у вора дубинку украл... А ведь там и пенсии, и пособия детские, и по безработице пособия...

— Получат твои пенсии и пособия. Привезут. Возместят.

— Если бы эти люди считали себя благородными грабителями, они бы, наверное, грабили дома нынешних богачей... Придумывали бы хитроумные ситуации, как из них деньги выжать... А это — обыкновенные бандиты.

— Да, мамуля. Ты, наверное, права. Эх, жалко! Ограбление — а папы нет. Давай ему позвоним!

— Позвоним обязательно, только попозже. С восьми вечера — льготный тариф, платить надо будет в три раза меньше.

Алексей в эти дни был обыкновенным «толкачом» — на домостроительном комбинате, куда его и еще нескольких художников пригласили писать целую галерею портретов, с ними не могли расплатиться за выполненный заказ — у предприятия не было средств даже на зарплату, так как с ним не рассчитались другие строительные организации. Так получилось, что Алексей хорошо знал директора самого главного должника — предприятия из соседнего города, и сам вызвался туда отправиться, чтобы выбить эти деньги. Он сидел там уже вторую неделю и вот теперь, испробовав все средства, пытался попасть на прием к местному губернатору.

Павлик включил телевизор. Пробежался по всем программам — ничего. Только тут Анастасия подумала о том, что надо бы позвонить в редакцию — возможно, именно ей поручат написать об этом ограблении, дать обычную информацию. Пока она звонила и слушала сетования редактора на то, что в интересах следствия подробности ограбления пока не разглашаются, Павлик выловил на одном из местных телеканалов сюжет об этом происшествии. Собственно, показали лишь двух женщин, которые рассказали, что в тот момент, когда в банке никого не было, двое неизвестных силой вывели их в зал для посетителей, усадили на стулья лицом к стене и приказали не шевелиться, предварительно спросив, где находятся деньги, приготовленные для инкассации, а также хранилище. Как и что взяли грабители, какую именно сумму — не говорилось, возможно, перепуганные сотрудницы об этом и не знали. Одна из женщин осторожно намекнула на то, что, по ее мнению, в банке был и кто-то третий — во всяком случае, один из бандитов, который их стерег, переговаривался с другим, но был слышен и еще чей-то голос!

Все это Анастасии показалось удивительно глупым — почему в банке не было охраны, например, обыкновенного полицейского поста у дверей? И почему большие деньги оставляются на незащищенных женщин с замедленной реакцией?

На экране появился фоторобот человека, якобы именно в это время выбегавшего из банка. Анастасия взглянула на него мельком, перебирая бумаги на столе. Она торопилась, надо было покормить Павлика и бежать в редакцию. Взглянула и побежала на кухню, но тут же ощутила что-то

необычное в своем состоянии, было полное впечатление того, что кто-то смотрел ей в затылок. Она вернулась в комнату, еще раз взглянула на экран, но как раз в это время фоторобот сменила реклама, однако взгляд этого нарисованного по описаниям свидетелей-прохожих человека уже проник в комнату, Анастасия это чувствовала, он был словно живой, а, главное, она его уже где-то видела!

— Мам, ты что? Тебе плохо? Да что с тобой, проснись! — тормозил ее Павлик.

Анастасия встряхнулась и решила никуда не бежать, а рассказать сыну обо всех своих утренних приключениях — об очередном опоздании на работу, о необычном интервью, о встрече с рыжим, которого обуревала какая-то тревога, о его вранье, о том, что на нем почему-то оказался парик... Такие откровения между ней и Павликом не были редкостью — сын умел слушать, как никто другой, он часами мог не хуже взрослого анализировать с ней разные ситуации, давал неплохие и уж совсем не глупые советы, да и вообще лучшего собеседника она себе не представляла. Даже Алексею иногда было скучно от ее психологических тонкостей, Павлику же — никогда. Анастасия выключила у телевизора звук, но оставила изображение, чтобы не пропустить следующее сообщение об ограблении. Рассказывая, она вновь переживала эти часы, вспоминая детали, на которые вроде бы и внимания тогда не обратила. Например, откуда вышел рыжий. А именно — из дверей банка. Ну и что? Оттуда выходили и другие люди. К тому же рядом, в полутора-двух метрах, находится этот магазин для рыбаков, двери его ходуном ходят от посетителей — издали могло показаться, что человек вышел из банка, а на самом деле он ходил покупать себе какой-нибудь поплавков... Боже! Да как она могла забыть о черной сумке рыжего! Почему ее увезли те двое, причем сделали это поспешно и без лишних разговоров? Анастасия снова представила себе эту сцену — подъезжает «Лада» цвета топленого молока, из нее быстрее молнии выбегает человек, хватая из-под ног рыжего сумку и так же быстро оказывается в машине, словно летает по воздуху. Быстро, но без суеты, без лишних движений, словно актер, хорошо отрепетировавший свою роль. А тот, что за рулем, тоже предельно спокоен — или предельно напряжен? Так же — ни одного лишнего движения, лишь руки, уверенно держащие руль. Никакой суеты, хотя, судя по всему, машине надлежало гнать со скоростью света. Только одно незаметное движение нарушило спокойную позу и грозило разрушить этот образ — чуть заметный поворот головы в сторону Анастасии и рыжего, и брошенный на нее острый и любопытный взгляд... Вот оно! Именно этот взгляд ощутимо присутствовал сейчас в этой комнате. Тогда, стоя на асфальте, она почувствовала, как десятки невиди-

мых иголочек, словно брызнувших из глаз этого человека, вонзились в нее, ей стало неприятно, но разговор с рыжим отвлек ее, и она не обратила должного внимания ни на машину, лишь окинув ее взглядом, ни на этих двоих. Почему же эти иголки она ощущает сейчас здесь, в своей комнате?

— А ты фоторобот видела? — отвлек ее от мыслей Павлик.

— Вообще-то да. Но я его никогда раньше не...

Уже говоря эти слова, она чувствовала, как внутри нее словно открылся какой-то клапан, мешавший прорваться простой и ясной мысли, догадке — взгляд человека за рулем и этого фоторобота был одинаково колюч, потому что у того, настоящего, и у нарисованного и всплывшего на экран бандита были одни и те же глаза! Впрочем, почему бандита? Разве кто-то видел, что именно они грабили банк?

— Ты прав, Павлушка. Это тот, что был за рулем. — И она повторила уже заданный себе вопрос: — Но разве кто-то видел, что именно они ограбили банк? «Какой я бог! Я знаю облик свой. Я червь слепой, я пасынок природы»...

— Это ты к чему? Классное стихотворение.

— Гете. Фауст. Это я к тому, что человек на все способен, я уже не раз тебе об этом говорила. Предостерегала тебя. Помнишь, когда ты был маленьким, я все время твердила, чтобы ты не уходил на улице с чужими дядями, даже если тебя поманят шоколадкой и пообещают купить отличную игрушку...

— А что, женщины лучше? Женщины на это не способны? Ну, заманить и украсть ребенка?

— Еще как способны!

— Меня предостерегала, а сама с незнакомыми людьми на улицах останавливаешься, в дом их приглашаешь. Ну, и мамуля у меня!

— Я виновата, Павлик. Но такая уж у меня профессия. Нельзя же брать интервью только у знакомых людей.

— Ты в полицию пойдешь? Расскажешь им все, что мне сейчас рассказала?

— Но я не уверена, что фоторобот — это тот, из машины. Я не знаю.

— Погоди-ка, я вот о чем сейчас подумал. Если ты, мамочка, все же решишь, что это они самые, а, значит, и рыжий твой из их компании, то тебе есть чего бояться! Дураки банков не грабят, они сразу вычислят, кто их может выдать. Поймут, что только около тебя с рыжим и останавливались, и если этот рыжий — их человек, значит, они тебя «засветили»...

— Господи, каким языком ты говоришь!

— Да на фиг язык! Так... Дверь у нас заперта? Они могут прийти сюда и что-нибудь с тобой сделать!

Анастасия не хотела верить в догадку сына — собственно, эти мысли пришли к нему с ее подачи, но как же она была бы спокойна и счастлива, если бы не было никаких утренних приключений, никаких рыжих «умельцев»... Вывод — не надо опаздывать на планерки! Но почему рыжих? Скорее всего, у него обычные русые волосы. Он, наверное, просто забыл снять парик. Выбежал из банка, сделав свое черное дело, прямо в рыжем парике... Но для чего он его нацеплял?

Взгляд фоторобота, то есть той льдины, как мысленно окрестила его Анастасия, все еще носился где-то по комнате, прятался в углах, и она ощущала это всей кожей. Было и еще какое-то прозрение, либо подозрение, либо информация, которая прорывалась к ней, но что-то мешало ей осесть в мыслях. Возможно, ее собственная усталость, стрессовое состояние, при котором она стала менее чувствительной.

Анастасия позвонила редактору, объяснила, что неважно себя чувствует, но интервью пишет, а потому после обеда на работу не придет. В ответ выслушала довольно язвительное замечание, что обед уже давно кончился, и в детских садах в это время начинается полдник, и устало сыронизировала насчет того, что не знала о переходе редакции в статус детского сада, но подозревала об этом. Она уже хотела повесить трубку, как вдруг редактор словно окатил ее с ног до головы ледяной водой, сказав:

— А вас тут, чуть не забыл, уже спрашивал герой вашего интервью. Сказал, что он рыжий...

— И... что он хотел?

— Ничего, просто ваш телефон спросил. Я дал. У вас все нормально, да?

— У меня никогда не бывает все нормально, потому что я нормальный человек!

— Настенька, да не сердитесь вы так! Я же вам разрешаю не приходите сегодня...

Она положила трубку и рухнула в кресло, руки и ноги стали ватными и не повиновались ей. Анастасия попросила Павлика принести ей нашатырный спирт. Он нашел ампулу, отбил стеклянный кончик, налил нашатырь себе на пальцы, чтобы не тратить времени на поиски ваты, и поднес руку к ее носу. Реакция последовала незамедлительно — Анастасия ощутила покалывание в руках и ногах, лицо ее порозовело. Павлик принес одеяло, укрыл им мать, сел возле телефона и строго сказал:

— Знаешь что, я не хочу тебя потерять. Я звоню в «скорую» и в полицию. И ты мне не сможешь помешать.

— В «скорую» не надо, мне лучше. Никуда не звони. Этот фоторобот... Я не уверена... Пожалуйста, не надо...

Анастасия готова была заплакать, но Павлик был настойчив.

— А ты и не будешь говорить, что уверена. Ты просто скажешь о своих подозрениях. Хотя бы об этом парике. Парик-то ведь реальный... Да и сумку с чего бы им брать и увозить у чужого человека? Их он, из той же банды. Вот и получается трое, как эти женщины из банка говорили...

Анастасия решила зайти с другой стороны.

— Понимаешь, Павлик, я боюсь, что сразу пойдет утечка информации. Полиция — это протокол, другие бумаги, это много глаз, и все будут знать, что журналистке, довольно известной, что-то там привиделось, что-то ей в мозги влетело, а что — и сама не знает, полная неразбериха. Вот если бы поделиться с кем-то, чтобы об этом никто не знал... Эх, жаль, что Валентины нет в городе!

Она говорила это, искренне веря, что ее подруга, талантливейший частный детектив, непременно раскрутила бы это дело, будь она в городе.

— Интересно, зачем тетя Валя в Москву поехала?

Чтобы на время оторвать Павлика от телефона, Анастасия решила рассказать ему в подробностях историю, которая так заинтересовала ее подругу, что та ринулась по следу, несмотря на очередное подорожание железнодорожных билетов и гостиничных номеров. Обычно полиция тесно сотрудничала с Валентиной, пользуясь ее добровольно приносимыми дарами в виде распутанных преступлений или указанных четких следов, по которым оставалось только пройти немного, чтобы разгадать причину, мотив, приведший к трагедии, ловкому обману или иному трюку, в основе которых были злоба, месть, жадность, коварство, а то и человеческая слабость. Многие сближало Анастасию и Валентину — начать с того, что они жили в одном городе, учились в одной школе, правда, в разных классах, потому что Настя была значительно младше, никогда не противоборствовали в спорах, к тому же Валентина понимала мистические настроения Анастасии и верила ей, ибо сама обладала подобным даром. Они часто смеялись над этим и говорили, что на том свете непременно будут столь же близки.

У родной полиции Валентина была в почете, ей даже выдали лицензию частного детектива, а этого нелегко добиться. И вот на днях она спешно вылетела в Москву.

— Понимаешь, Павлушка, ее соседка... или соседка ее знакомой, я уж не помню, вдруг получила приглашение от очень богатой московской семьи пожить у них. Ну, там, в Москве.

— А зачем?

— Якобы... не знаю даже, как и сказать. У главы семьи жена очень нервная, не работает, часто болеет, и якобы ее может спасти только... добрая душа, если будет долгое время с ней рядом.

— Эта соседка или соседка знакомой — и есть добрая душа?

— Да. Они познакомились в нашем городе еще прошлым летом — муж и жена отдыхали где-то неподалеку, бродили по окраинам и набрали на ее дом. Устали, постучались к ней и попросились отдохнуть.

— Но если они богатые, могли бы и в гостинице отдохнуть.

— Конечно! И Валентина так же подумала. Так вот, они потом еще не раз к ней заходили, даже вроде как подружились, хотя раньше друг друга не знали. И теперь эта женщина поехала к ним в столицу, они очень звали. Валентина упростила ее написать в письме, как ее примут, что будут просить сделать — у нас не было сомнений, что за этим что-то кроется! И вот недавно она получила письмо...

— Ну, и?..

— Хорошее письмо. Ее ничего не просят делать — там есть домработница, которая все убирает, моет, стирает, гладит. А готовит сама хозяйка. И продукты закупает она же. Гостью возят по Москве, была уже на нескольких спектаклях в театрах, они ей вечернее платье нашли... И когда тетя Валя прочитала о том, что они даже предлагают женщине надевать их одежду...

— То что? «Слишком дешевая квартира» — да, мам?

— Да. Я думала, ты и не помнишь этот рассказ. Эркуль Пуаро быстро сообразил, что слишком дешевая квартира предназначалась только для пары с определенной внешностью — чтобы эти люди стали жертвами в какой-то тайной игре и погибли или были схвачены вместо кого-то... Вот и соседку, очевидно, выдают за кого-то... Может, за мать родную — если этой семье угрожают. И на эту подставку преступники могут клюнуть. Похитят ее, к примеру... Словом, тетя Валя уехала наблюдать и все выяснять.

— Да уж, тетя Валя докопается! — Павлик вдруг опомнился и прямо-таки взвизгнул: — Так вот как ты мне зубы заговорила! Тетей Валею! Приедет — я ей пожалуюсь! Все про тебя расскажу! А сейчас звони немедленно в полицию, а то мне папа шею намылит, что я тебя не заставил!

— Надо еще подумать...

— Звони! Я бы сам позвонил, но они детский голос плохо воспринимают — сразу почему-то думают, что розыгрыш...

Анастасия покорно потянулась к трубке, но рука ее дрогнула от настойчивого дверного звонка. Павлик бросился к дверям, Анастасия за ним, шепча, чтобы он сначала посмотрел в глазок. Однако в глазке было темно. Это могло быть по двум причинам — либо в коридоре добрые соседи выкрутили лампочку, либо незваные гости чем-то загородили глазок, чтобы хозяева не могли их рассмотреть. Павлик тоже это понял. Анастасия решила и тихо спросила:

— Кто там?

Уверенный мужской голос ответил, что пришли по обмену и хотят посмотреть квартиру. Столь же уверенно Анастасия сказала, что они ошибаются, и ни о каком обмене она никогда не думала. Павлик юркнул в комнату, жестами умоляя ее не делать глупости и не открывать дверь. Мужчина на лестничной площадке продолжал говорить о каком-то Катугаре — станции, где есть квартира для обмена, и откуда до Савеловского вокзала минут сорок электричкой. Он дошел до того, что обязался даже устроить на работу любого, кто с ним поменяется.

— Рядом строятся новые корпуса института. Там можно преподавать... Мыть полы, в конце концов! И деньги там платят вовремя. Вам нужны деньги?

Анастасия вздрогнула всем телом — она почувствовала, и это чувство словно ударило ее в грудь, вся дурацкая тирада про квартирный обмен, вся эта чепуха говорилась для одной-единственной фразы, которую неизвестный за дверью сейчас и произнес. Вопрос про деньги невидимым, но ясно осязаемым облаком вплыл к Анастасии через дверь, испугав ее и заставив уйти подальше, в глубь коридора. Ей стало жутко. Мужчина же взялся вдруг говорить о том, что обмен этот он уже нашел, только вот квартиру посмотреть у него и его друзей никак не получается, поскольку сейчас она заперта, квартира эта такая же, как и у Анастасии, вот они и просят ее открыть. В коридор снова вышел Павлик и, не будь Анастасия в таком критическом состоянии, она многое могла бы прочесть на его довольном лице. Во всяком случае, заметила бы, что он уже не так встревожен и чем-то определенно доволен. Да что говорить, если бы не это облако, вернее, не эти бандитские щупальца из-за двери, она бы сразу догадалась, что Павлик позвонил в полицию. Но она об этом не думала. В голове роились совсем другие мысли — что делать? как быть? как спасти себя и сына? Если эти «обменщики» захотят, они без труда могут выломать дверь!

И тут в этот бешеный ритм неожиданно ворвался спокойный голос Ирины из соседней квартиры, многодетной матери, постоянно, к счастью для Анастасии, находящейся дома. Анастасия никогда у нее не бывала, но это не мешало их теплым отношениям и выполнению нигде не узаконенных обязанностей — присматривать за квартирами друг друга, за лестничной площадкой. Вечерами весь дом мог слышать зычный Иринин голос, несущийся по всем этажам:

— Господа алкоголики! Прошу убраться из подъезда! Иначе...

Далее шло разнообразие угроз — от полиции до поганой метлы, и «господа» покорно и понуро ползли на свежий воздух. Но сейчас перед Ириной были явно не алкоголики, поэтому она произнесла следующую тираду:

— Чего мы хотим, уважаемые граждане? Почему мы здесь гудим уже минут десять-пятнадцать — бу-бу-бу?

По «уважаемым гражданам» Анастасия поняла, что мужчина в коридоре не одинок. Интересно, сколько их?

— Вы что, все трое, немые, а? Почему молчите? Витька, отойди! Пойди там к Юре, он что-то плачет.

Ирина явно обращалась к своим чадам — очевидно, они тоже потянулись за матерью в коридор. И тут говорливый увещеватель вновь подал голос:

— Да мы по объявлению! Вот же оно, читайте!

Пока Ирина что-то там читала, Павлик показал матери на глазок в дверях. Анастасия поняла — Ирина открыла свою дверь, и сейчас можно увидеть конец первого действия всего этого спектакля. Она на цыпочках подошла к дверям и стала смотреть. Двое мужчин стояли к ней спиной, один, тот, что разговаривал с Ириной, — боком, так, что неплохо был виден его профиль. Ну, что ж, Анастасия смело могла сказать, что до этого мгновения не видела его никогда. Развернулись лицом к двери и остальные двое, и на миг ей показалось, что они сделали это нарочно, как бы демонстрируя себя — вот, мол, смотрите, мы чисты и никаких черных помыслов у нас не было и быть не может! Однако она тут же одернула себя — нервы напряжены, во всем ей видится двойная игра, а надо просто выслушать, чего же хотят эти люди. Напряжение, в котором она пребывала, потихоньку спадало, и ей стало легче дышать. Разговор же на поле брани продолжался.

— Стоп, мужики! — радостно выкрикнула Ирина. — Разворачивайтесь на сто восемьдесят градусов и — тремя этажами ниже! Квартира-то ваша там!

— Да мы знаем! — вновь подал голос тот, кто показал объявление. — Только там никого нет! Вот мы и решили посмотреть такую же квартиру на любом этаже. Нам лишь бы планировку увидеть...

— А нас никто пока не пустил, — жалобно заметил тот, кто стоял к Анастасии в профиль. — Все боятся. Так вот мы до вас и добрались. Не пустят здесь — дальше пойдем, что делать... А, может, откроют ваши соседи, нам бы хоть одним глазком взглянуть...

Ирина молчала. Чувствовалось, что она пребывала в нерешительности. Потом тихо спросила:

— Настя, ты дома? Анастасия! Тут вот квартиру просят посмотреть...

Анастасия переглянулась с Павликом, который вдруг почему-то неожиданно кивнул, и открыла дверь... Все трое воззрились на нее. По виду это были обыкновенные рабочие парни, которые явно не каждый день занимаются квартирным обменом — усталые, измотанные, какими и положено

быть после трудового дня. Они точно не вызывали никаких подозрений, и она упрекнула себя за прежние нехорошие мысли, но все равно решительно произнесла:

— Всех троих не пущу. Не могу. Муж будет недоволен, он не терпит посторонних в доме. Один — так и быть, зайдите.

Вошел тот, который первым подал голос.

— Мне бы только планировочку... Планировочку... — повторял он, осматривая комнаты. — Так... Хорошо... Хорошо... А... ведь еще должна быть комната? Да?

— Она и есть. Вот дверь. Там мой рабочий кабинет. Откройте и с порога посмотрите, а входить не надо.

Парень открыл дверь и застыл на пороге, как ему и было велено. А потом обернулся, жалобно посмотрел на Анастасию, вытащил из кармана портновский резиновый сантиметр и чуть ли не простонал:

— Пожалуйста, дайте только стены замерить... У меня детей четверо, я им сам сделаю двухъярусные кровати, мне надо знать размеры...

— А, ладно, меряйте! — махнула рукой Анастасия. Тем не менее, глаз многодетного отца они с Павликом не спускали. Зазвонил телефон, и Анастасия отошла, чтобы ответить на звонок. Пока в трубке кто-то за что-то долго перед ней извинялся, краем уха она слышала, как многодетный отец разговаривает с ее сыном:

— Видишь, мальчик, что я делаю?

— Вижу, вижу.

— Вот тут будет кроватка Анечки. А тут...

— Ванечки!

— Да! Какой ты догадливый! Именно Ванечки. А в этом уголке мы вниз положим Леночку, она у нас еще маленькая. А сюда, наверх...

— Геночку!

— Да ты что, мысли мои читаешь, что ли? — изумился мужчина.

— Ага. Читаю.

Тут на лестничной площадке раздался какой-то шум. Одновременно Анастасия, раздраженная нелепым телефонным разговором и бросившая трубку, вынуждена была вновь ответить на звонок — на этот раз к телефону позвали Павлика. Пока он разговаривал, Анастасия прошла к «измерителю» и попросила его уйти.

— Все, все. Спасибо вам большое, — повторял мужчина, идя к выходу. Там он успокоил товарищей, рвавшихся тоже лицезреть планировку его будущего жилища, но не решившихся это сделать под контролирующим оком Ирины, так и не оставившей свой пост, и все трое направились к лифту.

— Фу, вроде нормальные мужики-то, — вздохнула Ирина, и они разошлись по своим квартирам.

Анастасия стала запира́ть дверь на все запоры, но Павлик загадочно улыбнулся и выдал:

— Можешь не запира́ться на ночь. Рано. Я думаю, у нас еще будут гости.

— Какие гости? Я никого не жду.

— Понятное дело, мамуля. Зато я жду.

— Позвонил-таки? — догадалась Анастасия.

— Позвонил.

— Что, прямо по «02»?

— Да.

— Тьфу, ты, господи! Уж тогда хотя бы дяде Володе!

Мысль о Владимире Ивановиче Комове, одном из руководителей криминальной полиции, пришла к ней только что, и она ругала себя за то, что не вспомнила о нем раньше. Их познакомила Валентина, расследовавшая тогда загадочное убийство журналиста, и дома у них он хоть и был не один раз, общался с гостем больше Алексей, они сразу нашли общий язык, а Павлик был тогда просто в восторге от дяди Володи.

— Да ты не переживай. Наряд полиции сюда, я думаю, не нагрянет, я постарался все объяснить. Дежурный сказал, что передаст мое сообщение кому надо, и нам позвонят. Слушай, а правда, позвонила бы ты дяде Володе! Тем более — ты ведь про него писала...

— Это-то при чем? Писала — не писала... Я ведь пишу не для того, чтобы пользоваться связями с нужными людьми...

— Ну и зря. Ты у меня, наверное, одна такая осталась.

— Пашка, замолчи! Сейчас номер его найду.

Пока она рылась в своем телефонном справочнике, Павлик спокойно набрал номер дежурного и спросил, как позвонить полковнику Комову. Номер ему дали. Он записал его на попавшейся под руку газете и подал Анастасии:

— На. Пользуйся моей быстротой и находчивостью.

— Ну, Пашка!

Анастасии повезло — Владимир Иванович оказался на месте. Мало того, именно он снял трубку, а не его секретарь. К тому же он сразу узнал Анастасию и после ее рассказа обо всем, что с ней случилось, понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Под конец она добавила, что фотороботы, увиденные на экране телевизора, сильно напоминают тех двоих, что выхватили у рыжего сумку и умчались в машине.

— Эх, если бы вы запомнили номер! — в сердцах воскликнул Владимир Иванович, явно захваченный ее рассказом.

— Номер? Но...

— Но?..

— Понимаете, я ведь его видела. А это значит...

— Вы... его запомнили?

— Нет. Но я же говорю, что видела, значит, могу восстановить его в памяти.

— И... как быстро?

— Да, может, прямо сейчас. Не вешайте трубку. Мне лист бумаги нужен. Павлик, принеси бумагу, возьми у меня на столе. Ну вот, сейчас... Сначала вроде «о» маленькое... Потом шли три цифры. Вторая и третья — один и девять... А вот первая... Сейчас... Первая — тройка. Триста девятнадцать. Где-то там было «РУС» не по-русски, и...

— А регион, регион какой? — нетерпеливо спросил Владимир Иванович. — Вспоминайте еще две цифры.

— Сейчас, сейчас... Да тридцать пять же!

— Тридцать пять? Вы уверены?

— На сто процентов! А какой это регион?

— Это Вологда, Анастасия Ивановна. Знаете, что я предлагаю? Давайте-ка встретимся с вами завтра, сегодня вы вряд ли расскажете мне больше того, что уже рассказали, а мы сейчас же займемся этой машиной. Отдыхайте, ничего не бойтесь, за вашей квартирой понаблюдают.

— Хорошо бы, а то мы с сыном одни, Алеша в командировке. Да, Павлик ведь по «02» позвонил, все рассказал. Может, к нам уже едут.

— И правильно сделал, что позвонил. Сейчас узнаю, одну минуту.

Анастасии было слышно, как он разговаривал по другому телефону, а, может, по рации, как отдавал кому-то распоряжение подежурить в подъезде, а потом вновь обратился к ней:

— А сын ваш молодец. Так толково все изложил, что мои ребята ко мне уже с несколькими версиями шли. Вырастет — дадим ему направление в юридический.

— Да он журналистом хочет быть.

— Вы меня, конечно, извините, но это не профессия. Впрочем, сейчас об этом не будем. Я вас не обидел? Ради бога, извините. Если еще что-то вспомните — звоните. Меня не будет — оставьте для меня сообщение дежурному.

Анастасия положила трубку и почувствовала такое облегчение, что закружилась голова, а в глазах стали мелькать сверкающие серебряные нити. Павлик подошел, обнял ее за плечи и сказал совсем как отец:

— Ты устала. Иди отдыхай. Не думай ни о чем плохом. Мы все сделали правильно. Все будет хорошо, вот увидишь! Я сейчас еще проверю замки... И балкон надо запереть.

— Вообще-то дядя Володя сказал, что в подъезде их человек будет дежурить...

— Это хорошо, но и самим надо держать ухо востро... Не будешь больше гоняться за рыжими...

Они рассмеялись, потом, вспомнив, что не поужинали, пошли на кухню. Анастасия быстро приготовила поесть, и оба уткнулись в свои тарелки, слушая при этом радио, где местный диктор не преминул еще раз сообщить об ограблении. Из его слов можно было понять, что подозреваемые существуют, но где они находятся, никому не известно, а, следовательно, это не реальные люди, а какие-то мифические существа, в которые мало кто верит. Потом вдруг в эфире возникла необъяснимая пауза, она тянулась долго, и нарушил ее чей-то дребезжащий голос — очевидно, какого-то ответственного работника, который сообщил страшную весть — только что в автомобильной катастрофе погиб заместитель губернатора, ехавший на служебной «Волге» в Москву по своим рабочим делам...

Господи, только этого не хватало! Анастасия хорошо его знала и всегда отдавала должное его уму и умению с честью выбираться из любых ситуаций. Всех просителей, а таковых было немало, он встречал и провожал с улыбкой. И с надеждой. Умел совершать красивые поступки и говорил очень красиво. В его кабинете на одиннадцатом этаже здания администрации всегда до поздней ночи горел свет — он работал, и это видело полгорода жителей, ибо одиннадцатый этаж в городе был один, и он заносчиво возвышался над низкорослыми домами, составлявшими серые длинные улицы, тянущиеся в бесконечность...

Анастасия пошла в комнату, где Павлик уже включил телевизор — на экране была фотография погибшего...

— Ну, мамуля, теперь ты не уснешь... Это «вольво» на них наехала... То есть с ними столкнулась... И там люди погибли. Два старикана. А твой замгубернатора вместе с шофером погиб. Это я сейчас из телевизора узнал, пока ты в кухне оглушенная сидела... Жалко, конечно. Только этому начальнику не надо было брать в шоферы человека с такой фамилией...

— С какой фамилией?

— Кончина...

— О, господи! Я и не знала, что у его водителя такая фамилия...

— Да, да, мамочка, я читал, как фамилии влияют на жизнь, на здоровье, на карьеру вообще. Да ты меня и не слушаешь... А о чем ты думаешь, а? Мне тоже его жалко, этого зама. У него и дети, наверное, есть...

— Конечно, есть, — тяжело вздохнула Анастасия и добавила: — Ладно, выключай телевизор, давай, наконец, спать, может, и удастся заснуть. Иди к себе, а я, если не возражаешь, немножко в кабинете посижу.

— Давай, мамуля, только совсем немножко. Адью!

Анастасия прошла в кабинет и села за стол. Она могла сидеть здесь часами просто так, ничего не делая, и это был прекрасный отдых. Сейчас ей нужно было окончательно успокоиться, и она решила перечитать записи о своих снах. В общем-то, это были довольно тревожные воспоминания, но ей нравилось, как она все излагала — получилось легко, свободно, а главное, как ей казалось — с любовью. И еще ей доставляло удовольствие вновь вспоминать всех упомянутых в записях людей — бабушку, отца, подруг...

А началось все с потрясающей бабушки, Анастасии Харитоновны...

БАБУШКА

Она прожила на свете без малого сто лет. Об этой женщине можно писать тома сочинений. Она родилась при одном императоре, венчалась при другом, вырастила трех дочерей, стойко переживала голод, бесконечные болезни своего мужа, и никому в семье не дала умереть. На все невзгоды, на все грозящие семье катастрофы она набрасывалась прямо-таки героически. Так же героически она ринулась выручать и защищать моего дедушку, арестованного по доносу в сорок втором. Но на вокзале, где его, обессиленного от болезней, заталкивали на носилках в арестантский вагон, конвойные набросились на нее и прикладами сбили с ног. В тот страшный миг моей бабушке впервые грозило поражение, но тут же, собрав силы, она разбросала конвойных, пробралась к носилкам и положила в обессиленные руки дедушки буханку хлеба. Больше она его никогда не видела. Но и поражений в жизни больше не знала. Красивая, мудрая, добрая, она жила для нас, ни секунды не сидела без дела. Лицо ее долго не знало морщин. Однажды цыганка-гадалка с восхищением сообщила ей, что она доживет аж до восьмидесяти лет! «Милая, мне уже восемьдесят девять», — ответила бабушка. А дать ей можно было лет на тридцать меньше.

Так вот, моя удивительная бабушка, почувствовав приближение смерти, говорила мне в мои редкие приезды к ней: «Хоронить меня не приезжай — далеко, не успеешь. А вот на могилку, как приедешь, всегда приходи и все мне рассказывай. И что тебе надо будет — проси. Я тебе помогу. Оттуда помогу. Да не забудьте похоронить меня возле березки».

Я слушала очень внимательно, я знала о необычайных способностях бабушки предвещать события, предвидеть поступки людей — она, например, предугадала уход моего отца из семьи задолго до свершившегося

факта. Но не могу сказать, что я верила ей до конца — это было бы неправдой. Одно дело — предвидеть, и совсем другое — предпринимать какие-то действия, влиять на ход событий оттуда, из небытия. Но неверие мое было поколеблено уже в самый день смерти бабушки — 18 декабря. Помню, в семь часов вечера я вернулась домой из редакции, прилегла на диван, чтобы унять болевшие ноги, и лежала в тишине, в полудреме. Вдруг, приоткрыв глаза, увидела на потолке ясный и четкий портрет бабушки — ее лицо постепенно разглаживалось, становилось все моложе и моложе... Я вскочила с дивана, посмотрела на часы — 19 часов 20 минут. Невыразимая боль сжала сердце — я поняла, что именно в этот момент бабушки не стало. Села у телефона, собралась с духом, чтобы звонить маме в другой город. Но она позвонила мне первая, и ее голос, донесшийся через три тысячи километров, тут же перешел на плач — бабуси нет, это случилось двадцать минут пятого... Да, именно в то время, когда я видела над собой бабушкин облик — разница в часовых поясах составляла три часа...

Приезжая на родину, я прихожу на бабушкину могилу, разговариваю с ней, рассказываю обо всей своей жизни, о своих проблемах, обращаюсь к ней за советом, за помощью, и...

Есть здесь одна странная особенность — люди, ушедшие от нас, люди из того мира часто являются мне в снах, давая ответы на кажущиеся мне неразрешимыми или трудноразрешимыми вопросы, предсказывая, что меня ожидает. Бабушка же и мне, и маме, и моему брату еще при жизни говорила, что постарается не приходить к нам во сне, чтобы нас не пугать. Это ее слова. И не приходила. За много лет она приснилась мне всего несколько раз. Но она умела и умеет помогать не в снах, а иначе, стоит обратиться к ней и мысленно вызвать ее образ. Как именно — объяснить невозможно, наше сознание неспособно улавливать, анализировать эти связи, над ними словно завеса, которую нельзя пока раскрыть... Но она совершенно не мешает контактам, которые выводят меня или кого-то из дорогих мне людей из тупика, спасают от краха, неудач, от горя и даже просто от каких-то неприятностей...

Если бы я стала перечислять здесь все, что наладилось у нас с помощью бабушки, то не хватило бы и нескольких книг. Пожалуй, я получила от нее столько же, сколько и при ее жизни, и не устаю вспоминать ее и благодарить каждый день. Недавно она приснилась моей сестре и просила хоть на время оставить ее в покое — она устала...

Похоронили мы бабушку в том месте, где не росли березы. И вдруг через некоторое время увидели прямо возле могилы маленькую тоненькую белоснежную красавицу...

ПОДРУГА

Не менее загадочная часть моей жизни — подруга и сны, связанные с ней. Звали ее Нелли, мы же называли ее просто Нелей, была она ответственным секретарем областного отделения Союза журналистов. Для непосвященных поясню — человек на этой должности обязан готовить журналистов к вступлению в этот Союз, содержать в порядке документы его членов, организовывать повышение квалификации пишущей братии и делать многое другое. Когда-то еще девчонкой приехала она с родителями из Белоруссии в Казахстан, да так на родину и не вернулась. Неля безумно любила Караганду, этот удивительный, утопающий в зелени город, самоотверженно и преданно любила родную газету, где проработала много лет, любила всех нас, журналистов, и относилась к нам как заботливая мама, хотя, в большинстве своем, с ней работали одноклассники и даже люди постарше. Она умела создавать атмосферу бесконечного доверия друг к другу, гасила ссоры, предотвращала недовольство и даже конфликты. Каждый день мы, ее подруги, шли к ней как на исповедь и получали то, за чем приходили — сочувствие, понимание, совет. Она жила для других. Для нас. И в этом, может быть, одна из причин того, что семейная жизнь ее не сложилась.

С Нелей, никогда практически не болевшей, можно было без конца говорить о жизни после жизни, о том, что ждет нас там, за последней чертой. Жизнелюбка, красивая, с наполненными до самых краев особым светом зелеными глазами, она не могла предвидеть, что скоро ей откроется эта тайна. И никто не мог предвидеть. Но весной ее, незадолго до этого почувствовавшую себя неважно, положили в онкодиспансер. Анализы были страшные. От нее трудно было что-либо скрыть, но мы старались изо всех сил, и, кажется, это удавалось.

Я все время думаю — почему мы, Нелины подруги, не попытались вырвать ее, нашу опору, из этого замкнутого больничного пространства, круга, в котором жизнь отступает на задний план, безропотно отдавая свое место той, что прерывает наши деяния, какими бы нужными и полезными они ни были, и уводит нас в вечность. Была, правда, попытка увезти ее в Питер, под надзор одного светила медицины, но она категорически отказалась, поскольку местные врачи горячо обещали ей избавление. Но она буквально на наших глазах постепенно угасала, пока однажды утром ее не стало. В день ее похорон площадь перед редакцией была полна людей, день стоял теплый и солнечный, и на небе — всего одно облачко. Оторвавшись от давно проплывших своих собратьев, оно как бы сопровождало траурную процессию, и старые люди говорили, что за ним прячется ее душа. Даже мужчины не могли сдерживать слез...

С этого самого дня началась моя новая серия удивительных снов, видений, моего общения с Нелей, которое словно и не прерывалось...

Через месяц после похорон она пришла ко мне во сне, и я спросила буквально следующее:

— Ну, как там, Нель? Что там?

И услышала в ответ тихое, протяжное, голос уставший, измученный:

— Да знаешь, тут, вообще-то, ничего, так... Но только пусто... Так пусто, слова сказать не с кем...

Следующий сон о Неле приснился нашей уборщице тете Шуре, проработавшей в редакции лет тридцать — мы все любили и уважали ее необыкновенно. Шел ей девятый десяток, но орудовала тряпкой она не хуже своей молодой напарницы. Так вот, прибегает утром тетя Шура в библиотеку и извещает нас, что Неля во сне поручила ей отдать долг — пятьдесят рублей одной женщине, работавшей в типографии. Позвонили этой женщине и осторожно спросили, не брала ли у нее Неля что-нибудь в долг. Та сразу ответила — да, мол, брала как-то в столовой, когда там муку давали, но это было чуть ли не полгода назад. Зарплата у тети Шуры была маленькая, но, как мы ни уговаривали ее взять эти пятьдесят рублей у нас, чтобы отдать, она не согласилась, утверждая, что, раз Неля ей велела, она должна сама выполнить ее поручение.

Мой же очередной сон был уже не столь безобиден, я до сих пор помню его в мельчайших деталях и подробностях. Берег моря, вдалеке скалы, тихо, безветренно, Неля в легких ниспадающих одеждах — что-то похожее на платье из шифона, рукава-крылья, стоит и разговаривает с нашей Степановной. Мне хочется услышать, о чем они говорят, я подхожу ближе, но Неля мне не разрешает приближаться, она кричит, чтобы я уходила отсюда и не подслушивала, что мне нельзя, мне рано, что я — молодая мать. «Уйди! — приказывает мне она. — А мы со Степановной пойдем, вот уж наговоримся!» Берет Степановну под руку, тесно прижимает к себе, и они уходят от меня вместе, шаг в шаг, по берегу моря...

Этот сон я рассказала тогда, когда Степановны не было. Помню, какая гнетущая воцарилась тишина. Поверить в такое предвидение было невозможно — Степановна сияла от собственного здоровья и ухоженности. Мы решительно отбросили плохие мысли, чтобы они каким-то образом не повлияли на ее самочувствие. Работы, как всегда, было много, порой некогда было даже перекусить, зайти в библиотеку попить чай. И вдруг в этой запарке я однажды наткнулась на глаза Степановны — столько в них было тревоги, затаенной горести, безысходности. Я присмотрелась — господи, да что же случилось? Оказывается, она уже несколько недель проходила обследование, была направлена в онкологию, где ей и предложили опери-

роваться. Не привыкшая быть слабой и показывать свою слабость, пусть и физическую, она старалась скрыть все от нас до времени. Правда, через несколько месяцев, худая, истаявшая, она позвала нас к себе и показала новое ярко-васильковое платье, сшитое на нее прежнюю, и попросила похоронить ее в нем. Но за всю долгую болезнь это было единственное проявление ее неверия и слабости.

А Неля, моя Неля продолжала говорить в снах о том, как хорошо ей будет со Степановной! Я попрощалась с Александрой Степановной в последний ее день рождения, весной, ибо уезжала навсегда в Россию, а летом ее не стало...

Один только Нелин сон я пока не могу разгадать. Длинный ряд проходных комнат, как бывало в старых особняках, но тут — в обветшавшем, брошенном деревянном доме с выбитыми окнами и настезь открытыми дверями, кругом пусто, и только в одной комнате стоит старый комод — точно такой же, что до сих пор сохранился в доме моих родителей. Сюда и привела меня Неля, и показала, какой ящик я должна открыть. Все — молча. Я открыла и увидела старую кожаную сумку, такая была у моей мамы в годы ее молодости, а потом в ней, кажется, хранили документы. По Нелиному знаку я взяла ее и почему-то должна была поскорее с ней скрыться. Я побежала, но, оглянувшись, увидела в дверях худого темно-волосого старика, который пока стоял, но, кажется, готов был кинуться за мной, а главное — за этой сумкой. Старик показался мне похожим на моего деда. Я выбежала и, прижимая к груди сумку, бросилась на проселочную дорогу, по обеим сторонам которой рос высокий кустарник. А впереди шла Неля — прямая, гордая, с черными волосами, ниспадающими на плечи. Дорога раздвоилась, она, не оглядываясь, пошла по одной, я — по другой. Я крепко держала заветную сумку. Проснувшись, первым делом подумала — а почему у нее такие темные и длинные волосы, ведь при жизни были светло-каштановые и короткие?.. Потом вспомнила — она ведь красила их, а ее естественный цвет был черный. А что до сумки с документами — может быть, мой дед просит, чтобы мы ходатайствовали о его реабилитации? Когда я рассказала об этом сестре брату, живущему в Москве и приезжавшему в наш старый отчий дом чаще меня, он вспомнил, что однажды, выдвинув ящик старинного комода, он увидел старую мамину черную кожаную сумку военных времен с выпуклым узором посередине. Совпадение было стопроцентным — именно из этого места и именно такую сумку вытаскивала я во сне... Кто знает, удастся ли когда-нибудь мне докопаться до смысла этого сна?

В одном я уверена — мне не раз еще предстоит встретиться с моей удивительной подругой...

ОТЕЦ

Смесь таинственного, необъяснимого окутывает меня и тогда, когда я думаю о своем отце. Наверное, он был счастливым человеком — его, замечательного хирурга, буквально боготворили тысячи больных и здоровых людей в разных городах, в том числе и в Костроме, Магадане, Москве, где он работал, и где у него уже была новая жена и новые дети. Сорванный с учебы в мединституте, он прошел всю войну, откуда вернулся невредимым — правда, лишь физически. Душевная боль часто заливалась вином, что не мешало ему проводить уникальные операции, о которых не раз писали в центральных газетах. Кроме того, по виду человека он мог безошибочно поставить диагноз. Поставил его и себе, когда ему не было еще и сорока лет, и почти тридцать лет знал, когда и от чего умрет.

Я не встречалась с отцом лет, наверное, с двадцати. В своем далеком Казахстане мы лихорадочно искали квартирный обмен на Россию. Долгие годы это было бесполезно, но вдруг появился свет в конце тоннеля — Подмосковье! Нужны были деньги, которых мы не имели, и тогда я впервые в жизни мысленно обратилась за помощью к отцу.

В ту же ночь мне приснился сон. Отец сидел один на стуле в фойе какого-то огромного здания, напоминающего дворец культуры, и я говорила ему: «Отец, помоги нам переехать!» Он распрямил согнутую спину, посмотрел прямо на меня и сказал: «Знаешь, ты ко мне теперь уже не обращайся. Я не могу. Поздно». И голова его снова упала вниз. Помню, я все допытывалась у него, почему же поздно, но ответа так и не получила. Проснулась с тяжестью на сердце, и весь день не могла найти себе места. А на следующее утро у меня на работе раздался междугородный звонок. Мой брат сбивчиво сообщил, что случайно узнал от знакомого, которого встретил на улице, что наш отец умер, и его недавно похоронили...

А потом началось странное — серия снов, в которых он приглашал встретиться с ним. Так продолжалось около года. И я решила специально съездить в Москву и посетить его могилу.

Похоронен он на Щербинке. В тот холодный мартовский день с мокрым застывающим снегом мой брат не мог поехать со мной, и я решилась сделать это одна. Кладбище было пустынным, и мне стало жутко. На всем огромном пространстве — глазом трудно окинуть — могильные холмики, ни деревца, ни кустика, к тому же жуткая тишина, разрываемая лишь вороньими криками — карр-р-р, карр-р-р... Шла я долго, пока не отыскала могилу, занесенную снегом...

Я рассказала ему все и попросила у него прощения. Думаю, что он простил, ибо иногда давал о себе знать, приходя на помощь в трудные минуты...

Что происходит с нами каждый год в те дни, часы, минуты, когда нас навсегда покинули наши родные и близкие? 18 января в 16 часов 20 минут я всегда вспоминаю свою бабушку. А последний раз произошло невероятное — в этот день я была так занята, что села передохнуть лишь после обеда. Подошла к большому зеркалу, посмотрела на себя — усталый вид, морщинки возле глаз... И вдруг мне показалось, что там, в глубине зеркального отражения, в каком-то другом таинственном мире появилось бабушкино лицо. Боже мой, бабушка! Да ведь сегодня — день ее смерти... Я посмотрела на часы — было ровно 16 часов 20 минут. Как я винулась перед ней за свою забывчивость, как оправдывалась!

Отец умер в час ночи с четвертого на пятое апреля. Так получилось, что в последний год именно в этот день я не вспоминала о нем. И вдруг — словно укол в сердце — отец! Я четко видела его образ, он проносился передо мной! Но часы показывали другое время. И только позже я поняла, что часы не всегда отражают истинное положение вещей, и что отец потревожил меня именно в тот час, когда после тяжелой болезни навсегда расстался с этим миром.

Я часто думаю о том, как далеко от нас находятся теперь эти дорогие нам люди, но ответа не получаю. Однажды один мой знакомый ученый, пытаясь объяснить мне, что такое параллельные миры, призвал на помощь вращающееся колесо — мы, предположим, в одном его месте, а «они» — в другом, вращаются с той же скоростью, и потому никогда не соприкасаются с нами... Что ж, возможно, это и так. Я, конечно, еще не все могу понять, но ощущение, что смогу узнать и увидеть больше, не покидает меня...

И вот тому подтверждение. Я продолжаю эти записки новым сном, который произошел со мной — именно так я хочу выразиться — только что. Мне снилось — я пришла на знакомое кладбище, подошла к месту, которое почему-то искала, и увидела свою собственную могилу. Я не удивилась, надела заранее припасенный обыкновенный домашний байковый халат и стала убираться — сгребать вокруг листья, подправлять ограду... Стало темнеть, и я вынуждена была уйти. Дойдя до находящегося неподалеку пятиэтажного дома, вспомнила, что оставила повешенный на ограду халат. Надо вернуться, но как? Было уже темно. Я кинулась к стоящему рядом с пятиэтажкой аккуратному белому одноэтажному дому, обшитому модными пластиковыми досками, зашла по ступенькам на крыльцо и стала звонить, чтобы мне открыли дверь, и только тут увидела перед своим носом красивую металлическую табличку, на которой значилось, что это — бюро ритуальных услуг. Я сбежала с крыльца и увидела во дворе пятиэтажки нескольких женщин в черных клеенчатых фартуках, которые длинными метлами подметали двор. У них были фонарики. Кинувшись к одной из них, я выпросила фонарь, обещая тут же его вернуть, и бросилась с ним на кладбище, куда вела узкая дорожка, правильнее даже сказать — тропа. Я уже

почти добежала до входа, когда прямо передо мной появился... старик. Он был худой, высокий, темноволосый, с мудрыми, проникающими прямо в душу глазами. Передаю наш разговор слово в слово:

— Ты куда?

— Я оставила свой халат... Мне надо его забрать...

— Зачем тебе халат? Все равно умрешь.

Поняв, что этот человек знает все, я среагировала мгновенно, спросив:

— А... как?

— Пойдешь в ванну мыться, и... сердце. Там тебя муж и найдет.

— А что потом? Что там, в другой жизни?

— А там — свои законы. Придешь — узнаешь...

Я не ставлю точку, не пишу — конец. Я жду продолжения и верю, что мой космический сериал еще только начинается. Сколько будет в нем серий — не знаю, но хотелось бы побольше...

Анастасия отодвинула от себя листы и подумала, что вряд ли когда-нибудь это опубликует. Пригодится хотя бы для семейного употребления.

Утро для нее началось со звонка Владимира Ивановича, который, поинтересовавшись, как она себя чувствует, попросил ее быть готовой через полчаса приехать к нему в управление, за ней будет послана машина со старшим лейтенантом Григорием Жуковым. «Не Георгием», — хмыкнув, уточнил он. Поскольку редактор газеты всегда старался приходить на работу раньше всех, Анастасия набрала номер телефона в его кабинете — и не ошиблась. Она сообщила ему, что едет в управление, поэтому будет отсутствовать в редакции неизвестно сколько времени. В ответ же вместо ожидаемых вопросов о полиции услышала какой-то бред о кинопроизводстве и долго не могла врубиться, что с ее редактором — то ли он не выспался, то ли вообще не понял, с кем говорит. Она твердо решила вернуть его к действительности.

— Да это я, Анастасия! Повторяю вам...

— Не надо мне ничего повторять! Я не глухой. Это я тебе вынужден повторять, а ты отвечай мне как заведующая отделом культуры...

— Науки и культуры.

— Не перебивай, все сейчас нервные! Твоя идиотская наука тут ни при чем...

— Почему идиотская? Да у нас открытий не меньше, чем...

— Ты замолчишь немедленно и молча будешь меня слушать!

— Молчу и слушаю.

— Так вот, вчера столичные кинематографисты звонили и спрашивали, кто у нас освещает кинопроизводство...

— И кинопроизводителей, — съязвила Анастасия, не выдержав этой бюрократической манеры разговора шефа. — Осветительные приборы, я думаю. Софиты, или как их там... Ну, прожекторы.

— Какие софиты? Что с тобой? Я ответил, что ты. Они сказали, что приступают к каким-то съемкам недалеко от нашего города, и фильм назвали, только я забыл. Сама уточнишь. А режиссер... Тьфу, не записал вот, думал, что запомню. Очень известный режиссер. Так вот, они завтра вроде по пути на съемку за тобой заедут, чтобы ты там все посмотрела и написала.

— А как же моя полоса в номер? Сегодня не знаю, когда появлюсь, и завтра эти съемки наверняка полдня отнимут...

— Да ладно, заменим твою полосу. Может, оно и к лучшему. Отдохнешь. Развеешься. А то ты совсем издергалась, я ведь чувствую...

— Спасибо! Как скажете — так и будет.

— Вот бы так всегда!

Анастасия улыбнулась — редактор положил трубку явно довольный собой. Она же стала собираться в бешеном темпе — из-за этого разговора времени на элементарное приведение себя в порядок почти не осталось.

Все, что происходило в кабинете Владимира Ивановича, напоминало Анастасии постройку здания. Не так давно в течение целого лета она была свидетелем того, как женщина на своем дачном участке одна, без чьей-либо помощи воздвигла кирпичный дом. Раньше Анастасия не поверила бы, что такое возможно. Соседи-дачники сначала недоверчиво смотрели на эту затею, потом — уважительно, а уж когда отважная строительница так же в одиночестве принялась за крышу, то — с нескрываемым восторгом. Вот и в кабинете Владимира Ивановича шла такая же работа — только Анастасия была не так одинока на этой своей стройплощадке, рядом находился опытный «строитель», который не давал разваливаться кирпичам и раскатываться бревнам, и каждый гвоздь с его помощью входил в предназначенное для него место.

— Еще раз опишите, пожалуйста, как рыжий вышел из банка.

— Выбежал, — уточнила Анастасия и стала вновь рассказывать то, что ее собеседник уже знал. Но — вот парадокс! — при повторном рассказе стали вспоминаться какие-то, может, и малосущественные, но интересные детали, ускользавшие ранее от ее внимания.

— Он лицо несколько раз вытирал. Сначала руками, потом платком. О, он на руки долго плевал, вроде как их смывал от чего-то...

— Возможно, от состава, стирающего отпечатки пальцев. Но это довольно неприятная смесь, и, если он вытер лицо пальцами, на которых она была...

— Я думаю, так оно и было! Он сначала руки вымыл, а потом все на платок плевал и лицо протирал...

— А платок откуда достал, не заметили?

— Хм... Мне показалось, из внутреннего кармана пиджака, где обычно носят деньги, документы. А это важно?

— Да как сказать... Если платок был не в том кармане, из которого его удобно доставать, значит, там могло находиться что-то другое... Оружие, например. А что вас особенно поразило, когда вы увидели его выбегающим из банка?

— Его страх. Он явно чего-то или кого-то боялся. Тогда мне показалось — тех двоих, что вышли следом за ним, а потом увезли его сумку. А еще меня поразила какая-то определенность моих психологических догадок. Я ведь много с людьми работаю, пишу про них. Я хорошо помню, что тогда совершенно неосознанно сделала вывод: те двое и он — это не одна команда. Те двое давно вместе и, в случае необходимости, вполне могли бы пожертвовать им ради своего спасения. Он это понимал, а потому их боялся...

— Вы даже не представляете, Анастасия, как схожи наши выводы! Анализ преступления выявил, что с запорами, замками — а они в этом банке были почти совершенные — работал один человек...

— Гений и совершенство...

— Человек, по всей видимости, уникальный. Сейчас ведь, при современной технике, банки так не грабят. Налетают в масках — «руки вверх, ограбление!» — и берут то, что под руками, вглубь не лезут. А здесь хранилище вскрытым оказалось...

— Это он. Все повторял — вы еще услышите о моем изобретении!

— Во что вы поверили в разговоре с ним?

— Да вот в изобретение его и поверила! А так... Фамилия, конечно, вымышленная. И весь он был как бы вывернутый наизнанку, когда и не поймешь, что к чему. О, в корни его я поверила! Да, да, в корни. В то, что он инженер в четвертом поколении, что его прадед работал в каком-то бюро стальном...

— Metallургическом...

— Да, металлургическом. И конструировал новые печи. Владимир Иванович, он говорил о деде и прадеде. Если он — их потомок по мужской линии, а мне показалось, что это так, то ведь мы его настоящую фамилию можем узнать. В архивах надо порыться. С учеными поговорить.

— Мысль хорошая. Поэтому она пришла в голову и мне. Дал я своим такое задание.

— Хорошо. Да, и еще мне показалось... Но учтите, это только показалось... Что он имеет отношение к искусству. Этот условный Лунин. Стихотворный экспромт он выдал буквально за секунды. И... не помню уж, по каким признакам я решила, что он неплохо знает философию, художников... Может, и артистов. Я имею в виду — может, и актерское творчество ему знакомо...

— Хотя наш разговор зафиксирован на пленке, все-таки держите вот бумагу и подробно запишите все, что вы мне сейчас рассказали. Во-первых, таков порядок, а, во-вторых, вы наверняка вспомните при этом что-то еще. А в конце повествования опишите этого человека, Лунина, как вы это умеете — художественно-психологически...

— Я постараюсь, Владимир Иванович.

Анастасия была уверена, что вполне справится с этим заданием за час-два, однако, когда она заканчивала писать свои показания, шла уже вторая половина дня. Много времени занял у нее и последний абзац — характеристика рыжего. Описание вышло довольно корявым, но Анастасия решила ничего не менять, так как все штрихи портрета этого героя были изложены именно в той последовательности, в которой раскрывались перед ней, и это усиливало их правдивость и реалистичность. Вот как это выглядело на бумаге:

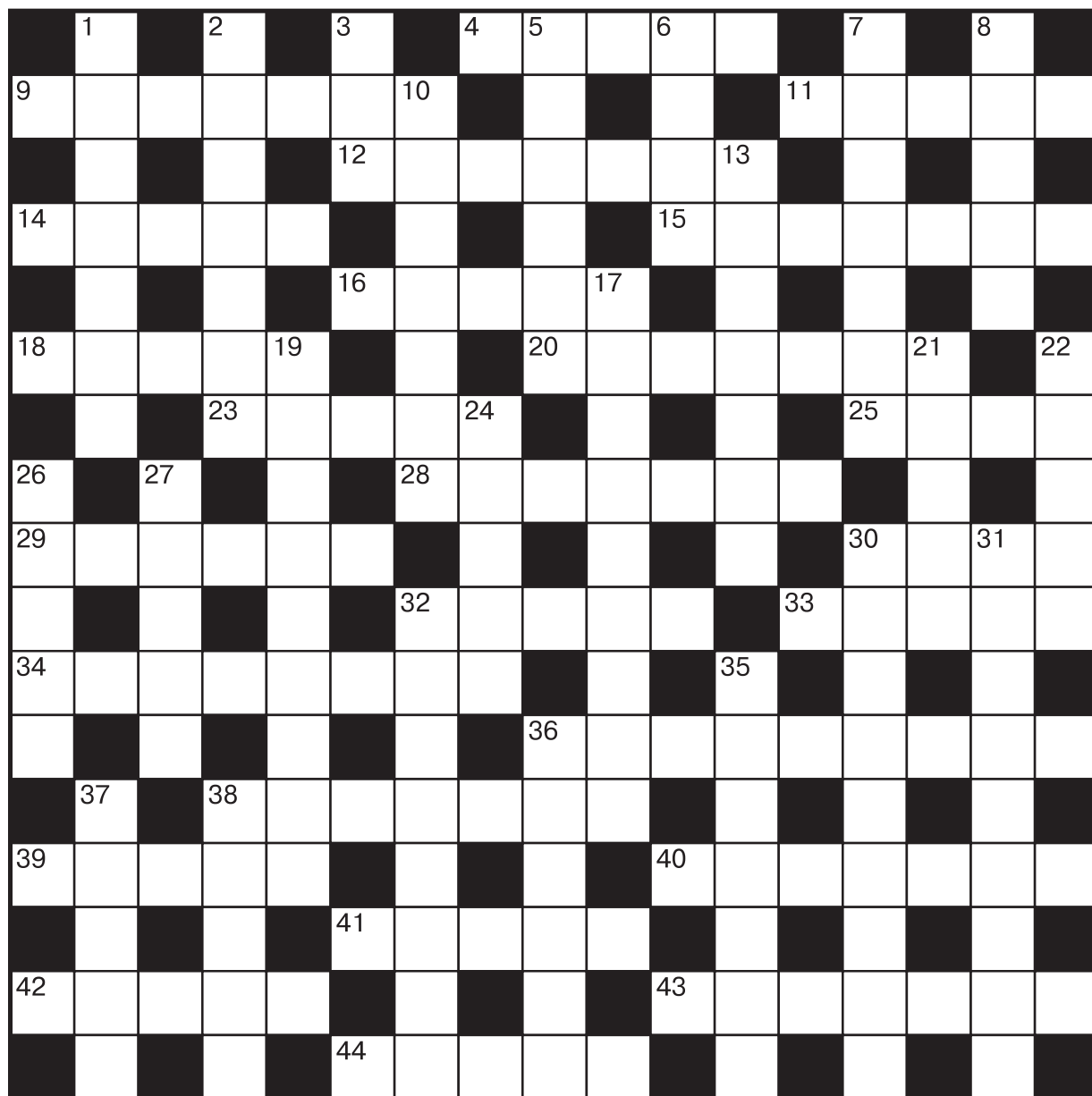
«Человек, представившийся Луниным, вероятно, действительно инженер и действительно потомственный ученый-изобретатель. Однако он, видимо, не нашел применения своим способностям. Скорее всего, его изобретение или изобретения кто-то заблокировал — начальство, не желающее ломать голову над новшествами, соперники, выдвинувшие альтернативные, но менее эффективные идеи... Образован. Начитан. Смел, но очень раним. Одинок. На жизнь смотрит с горечью. И страх его перемежается с этим чувством. Возможно, цель ограбления для него — не деньги, не обогащение, а реализация своих способностей и как, думаю, считает он, таланта. То, что этот человек уверен в своем таланте — несомненно. Он волк-одиночка, неприкаянный, никому не нужный, а потому озлоблен и страдает. И потому ворует, идя на риск. Но такой человек, по-моему, никогда не пойдет на убийство, скорее он подставит свою голову».

Она перечитала этот важный для Владимира Ивановича абзац еще раз, мысленно отругала себя за то, что вечно все идеализирует и, по своей привычке видеть в людях прежде всего хорошее, даже преступника может сделать героем, как, например, сейчас, но менять в тексте ничего не стала. Она верила в то, что написала.

Блажен, кто верует. Ей показалось, что именно эти слова насмешливо подсказало вдруг ее подсознание. Она произнесла их вслух, встала из-за стола, взяла свою сумочку и пошла к выходу, оставив грудку исписанной бумаги... Эти слова звучали в ней еще некоторое время, пока она подписывала пропуск и выходила из здания. Но они звучали впустую — утомленная последними событиями и в эти самые минуты несколько успокоившаяся, Анастасия и не подумала к ним прислушаться... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Если упорно искать ... жизни, он однажды сам подкрадется к вам незаметно, да так, что мало не покажется». **9.** Город с пещерой Рождества Христова. **11.** Гибрид мобильника с компьютером. **12.** Легенда мирового кино Элизабет Тейлор частенько повторяла: «Кто

тебе настоящий друг, узнаешь, когда попадешь в ...» **14.** Танцевальные тапочки для самых маленьких. **15.** Ренессанс для Возрождения. **16.** Горный придаток. **18.** По чему бобслеист мчится? **20.** Брендовый знак. **23.** Серый тюлень. **25.** Книга из сиенагоги. **28.** Какой инструмент в 1464

году запретил английский король Эдуард IV? **29.** Итальянская чача. **30.** «Нет приятнее занятия, чем с коррупцией бороться, если ты косою закона машешь в ... правовом». **32.** Кого Фемистокл полагал «опаснейшими врагами Греции»? **33.** Карточный паж. **34.** Роковая гостиница в жизни русского поэта Сергея Есенина. **36.** Глазной недуг, который в прежние времена устраняли с помощью шипов растений. **38.** Из какого башкирского города родом Инна Чурикова? **39.** В какой азиатской столице Марко Поло впервые увидел бумажные деньги? **40.** «Кузница» булок. **41.** Аргентинский пастух. **42.** Эспрессо с пломбиром. **43.** «Инфекционный» препарат. **44.** Иронический детектив «... разыскивает Аладдина» от Дарьи Донцовой.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто зайцев в театр не пускает? **2.** Английский «сборник заметок». **3.** «Вовремя подмечай, перед кем ... виляет хвостом». **5.** Освежающее дыхание вещество в жевательной резинке. **6.** Дванадце-

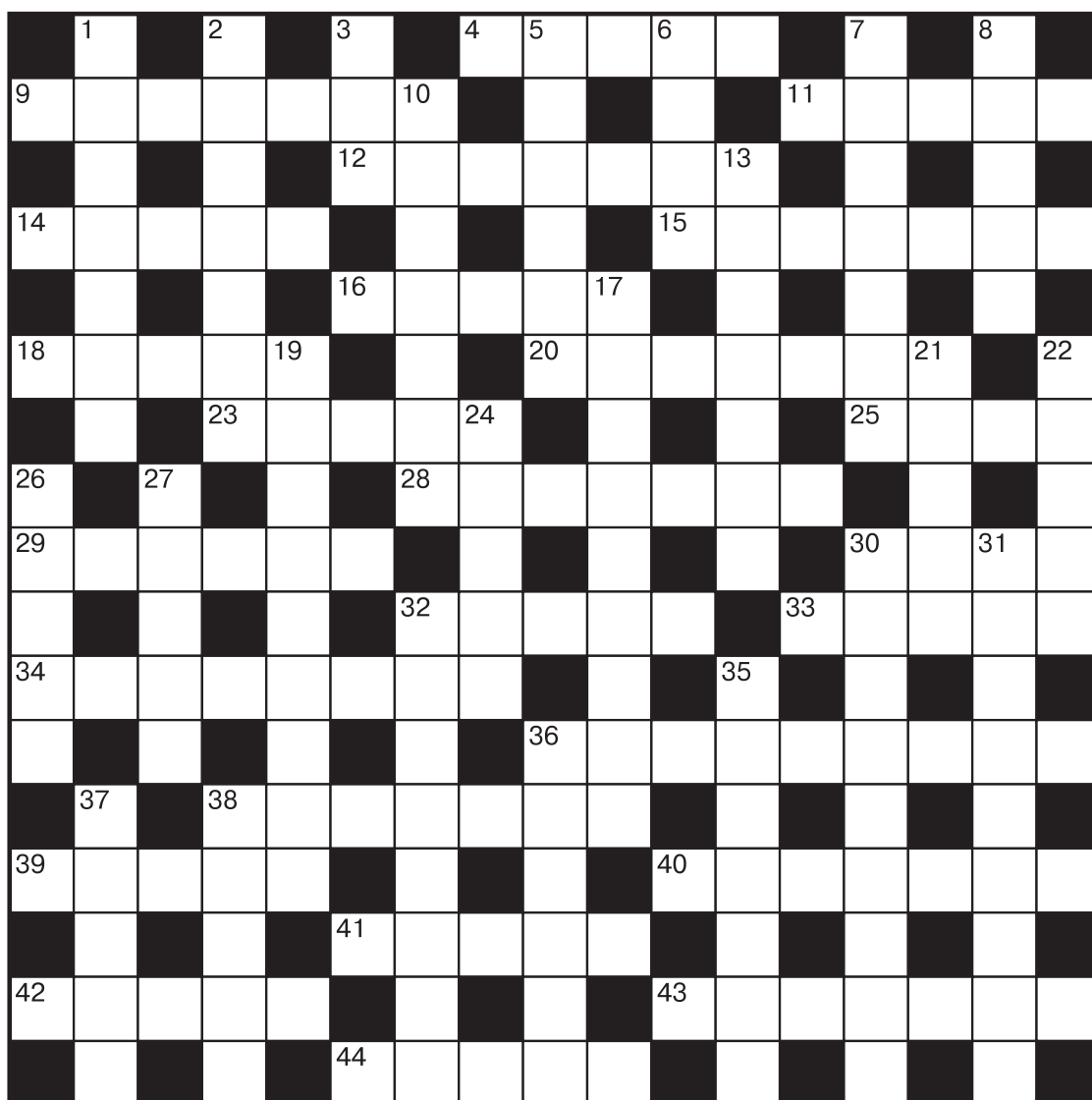
сятый праздник Преображения Господня иначе называют Яблочный ... **7.** Какого доброго доктора сыграл Олег Ефремов в фильме у Ролана Быкова? **8.** «Хинная вода». **10.** Кто из патриархов советского кино получил имя в честь легендарного Михаила Фрунзе? **13.** Прибалтийская нация. **17.** Каким мехом подбита мантия у австралийских судей? **19.** Диктатура беззакония. **21.** Герой Сергея Филиппова из комедии «Иван Васильевич меняет профессию». **22.** «Опера для танцоров». **24.** Малярный оттенок. **26.** Самый сильный кот из Нового Света. **27.** Любимая начинка шоколадного батончика у индийцев. **30.** Поставщик таблоидов. **31.** Валентина Терешкова полетела в космос, нося звание младший ... **32.** Цепная ... у велосипеда появилась уже на рисунках гениального итальянца Леонардо да Винчи. **35.** Кулинар в гимнастерке. **36.** С чем американский президент Ричард Никсон предпочитал уплетать творог? **37.** Основа рожка под мороженое. **38.** Что у футболиста на ногах?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Благо. **10.** Чибурданидзе. **11.** Трамвай. **12.** Жемчужница. **13.** Уступка. **16.** Плятт. **18.** Хит. **19.** Рельс. **21.** Ария. **24.** Очки. **25.** Уизерспун. **27.** Крик. **29.** Парсек. **30.** Колобок. **34.** Дискомфорт. **35.** Стратег. **37.** Джульбарс. **40.** Шпиль. **41.** Квота. **42.** Плотина. **43.** Садко. **44.** Штаны.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Лариса. **3.** Гамбузия. **4.** Вий. **5.** Бушер. **6.** Удача. **7.** «Анджело». **8.** Адриатическое. **9.** «Сезар». **10.** Чайка. **14.** Пешеход. **15.** Пьеса. **17.** Шашки. **18.** Химик. **20.** Дискета. **22.** Киновед. **23.** Суп. **26.** Насморк. **28.** Кораблик. **31.** Кислота. **32.** Икебана. **33.** Стопка. **36.** Гжель. **38.** Свет. **39.** Стон.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Любимое мороженое Осла из мультика про Шрека. **9.** «Подбородочная точка». **11.** Язык Эсквилина. **12.** «Тот август поднялся над нами, как огненный ...» **14.** Обет для инока «самых строгих правил». **15.** Художественная резьба по овощам и фруктам. **16.** Тропический зверь, чьи самцы выясняют отношения с помощью шеи по принципу армрестлинга. **18.** Серебристый мох японцев. **20.** Нарты у эскимосов.

23. Философский ученик Пифагора. **25.** Можжевеловая водка из Франции. **28.** Вечер танго. **29.** Как в России XVIII–XIX века за глаза окрестили чайный сервиз, рассчитанный на одного человека? **30.** Тростниковая флейта с Тибета. **32.** Самое большое число, имеющее собственное имя. **33.** Бурятские шахматы. **34.** Какого шутника легко отыскать среди орлов? **36.** «Голубой дельфин» из аквариума. **38.** С какой рекой легенда

связывает встречу князя Игоря со своей будущей женой — княгиней Ольгой? **39.** Встроенный динамик компьютера. **40.** Душистая овощная смесь в итальянской кухне. **41.** Оруженосец при московском царе. **42.** С какой библейской историей связан ритуальный нож из романа «Утраченный символ» Дэна Брауна? **43.** Кафтан у восточных славян. **44.** «Костюм всадника» на мексиканце.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Профессия» дедушки Барака Обамы. **2.** Какому городу суждено было стать столицей трех империй — Византийской, Латинской и Османской? **3.** На спор с Йозефом Гайдном великий Вольфганг Амадей Моцарт написал такую вещь для клавесина, которую нельзя исполнить, потому что, в то время как обе руки заняты сложными пассажами на противоположных концах клавиатуры, надо взять несколько нот посередине. Что ему помогло сыграть данное сочинение самому? **5.** Африканская борзая. **6.** Неформал с бзиками. **7.** Загородное поместье у древних греков. **8.** Итальянский дипломат,

зять Бенито Муссолини. **10.** Магог из фильма «Ной». **13.** Карибская капуста. **17.** Боязнь бояться. **19.** В каком качестве отец писателя Варлама Шаламова жил на Алеутских островах? **21.** Шкура с отрезанным воротком. **22.** Самый крупный сиг. **24.** Рождественское украшение на Украине. **26.** Тапочки с подошвой как у кед. **27.** Кувшин, из которого пили античные воины. **30.** Чья механическая жатка попала на фреску «Апофеоз Вашингтона» в здании американского Капитолия? **31.** С каким легендарным полководцем связано кодовое название военной операции, в ходе которой наша армия освободила территорию Белоруссии от гитлеровских захватчиков? **32.** «Ее минутное внимание отрадой долго было мне» (адресат пушкинских строк). **35.** Какая мойра перерезала нить жизни? **36.** На одной из первых советских ракет стоял двигатель его конструкции. Он был настолько увлечен космосом, что и детей своих назвал Меркурий и Астра. **37.** Чешский герой, отбивший три Крестовых похода и ослепший в результате ранения. **38.** Полабские славяне.

Ответы на эрудит, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Стикс. **10.** Ринопластика. **11.** Бхишадж. **12.** Армерритер. **13.** Пикассо. **16.** Ялапа. **18.** Кей. **19.** Череп. **21.** Дирк. **24.** Бдын. **25.** Катехизис. **27.** Феор. **29.** Макису. **30.** Лепсиус. **34.** Шпунтубель. **35.** Филарет. **37.** Рейнджерс. **40.** Аваби. **41.** Отоми. **42.** Архетип. **43.** Элиот. **44.** Олуша.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Тахвия. **3.** Кашпарек. **4.** Чиж. **5.** Ботрю. **6.** Алфей. **7.** Асерола. **8.** Листопадничек. **9.** Цагра. **10.** Рдест. **14.** Мелекуш. **15.** Лезим. **17.** Юдифь. **18.** Креол. **20.** Инсульт. **22.** Дасслер. **23.** Рим. **26.** Сагуаро. **28.** Рекамбио. **31.** Спондей. **32.** Княжнин. **33.** Сирвал. **36.** Тетри. **38.** Стол. **39.** Амыш.

Уважаемые читатели! С 01 марта 2015 года открыта подписка на 2-е полугодие 2015 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию, на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам; 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810600000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2015 года, в любом отделении почтовой связи. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2015 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на вторую половину 2015 года или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2015 года. Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получат денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

